

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 1/2016

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В.И. ШАПОВАЛОВ

Представляем живописные картины известного художника
Петра Куринских.

На первой обложке «Мать Ильяса».

На четвертой – «Иссык-Куль» и «С лестницей»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

ПРОЗА

Александр Камышев. Суслики. Исповедь атеиста. <i>Рассказы</i> ...	5
Артем Хегай. Луковицы. <i>Рассказ</i>	28
Александр Крячун. Были старого Арьяка. <i>Рассказы</i>	64
Олег Бондаренко. Парикмахерский вальс. Лучший в мире мыльный сериал. Три цвета. Тихо и незаметно. <i>Рассказы</i>	93
Юлия Кулешова. Оставь меня. <i>Рассказ</i>	131

ПОЭЗИЯ

Николай Ильин. Огнем божественного слога... <i>Стихи</i>	146
Иван Нечипорук. <i>Стихи</i>	157
Виктория Полякова. <i>Стихи</i>	163
Александр Зайцев. <i>Стихи</i>	172

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Сандлер. Графское дело	184
Виктор Кадыров. Конкурс в Софии	199
Александр Зеличенко. Серпентарий. Хирург. Сарди Лоянов: «Батяня комбат». Тёша.	208

КУЛЬТУРА

Абдылдажан Акматалиев. Повесть Чингиза Айтматова, не увидевшая свет	224
Коротко об авторах	242

ПРОЗА

Александр КАМЫШЕВ

РАССКАЗЫ

Суслики

Лето шестьдесят четвертого осталось в памяти, словно любимый черно-белый фильм. Отыскивая его вновь и вновь среди наслоений прожитых лет и вспоминая порой совсем незначительные эпизоды, начинаю осознавать – именно тогда односельчане своими словами и поступками предопределили мне судьбу суслика, покинувшего свою норку.

– Шурка, просыпайся, сейчас скотину в стадо погоним и очередь за хлебом занять надо, а через пару часов я тебя сменю, – мама встала уже давно, успела подоить корову, накормить домашнюю живность, приготовить завтрак. Можно, конечно, поканючить или притвориться спящим, но у мамы не забалуешь, прошлый раз шваркнула холодным мокрым полотенцем по спине, так сон как рукой сняло. Переложить на старших сестер эту нудную обязанность тоже не получится, им идти в школу в первую смену, и они, довольные, нежатся, что в кровати. Маме учиться не довелось, и она часто повторяет, что неучи вроде неё в своей жизни кроме навоза ничего не видят. Сладко потянувшись и сунув босые ноги в кирзовые сапоги, я выскакиваю на улицу. С началом весны металлический рукомойник из тесных сеней вынесли во двор, где вода к утру покрывалась ледяной корочкой и обжигала своей прохладой. Плеснув из умявальника в лицо и выпив приготовленный мамой стакан молока, докладываю о своей готовности.

До сельмага рукой подать, срублен он еще в царские

времена и заросшая мхом тесовая крыша напоминает о почтенном возрасте. Когда-то его большие окна с резными наличниками закрывались голубыми ставнями, они и сейчас висят, только облупившиеся, намертво прибитые к стене крепкой ржавой решеткой. По соседству вторая и последняя местная достопримечательность – железнодорожный вокзал, построенный на одном из ответвлений Западносибирской магистрали. Ровесник сельмага, он недавно окрашен веселой зеленой краской и, заметно помолодевший, удачно скрывает свои годы. От этих зданий и разросся мой родной поселок Плотниково – с небольшими деревянными избами и просторными огородами.

В очереди собралось человек десять. Крайней стоит соседка баба Галя, бывшая ссыльная, которую мама за глаза называет «каторжанкой», но считает лучшей подругой. Её фигура выделяется богатырской статью и необычным нарядом: если все селяне облачились в простые темно серые фуфайки, то соседка донашивает короткий ватник военного образца грязно желтого цвета, перехваченный на поясе офицерским ремнем с просеченной звездой. Баба Галя добрая. Прошлой осенью из города привозила огромный арбуз и попросила помочь его доесть, говорит, одной не осилить. Сама она часто заходит в гости зимними вечерами и рассказывает бесконечно грустные истории. Хотя меня прогоняли в другую комнату, но уж очень хотелось послушать о городе Ленинграде, где она росла и где осудили на десять лет её мужа, партийного работника. Перед войной отправили по этапу и бабу Галю с малыми детками. Всё в этих рассказах представлялось неправдоподобным. Как можно поверить, что целый эшелон разгрузили в безлюдной тайге, оставив ссыльных выживать в преддверье зимы. «Бог нас хранил», – повторяла соседка, – и не угадаешь, где хуже – на лесоповале или в блокадном Ленинграде, там почти всех друзей и родственников свезли на Пискаревское кладбище. Муж так и сгинул в лагерях, а ей удалось выучить сыновей, теперь они оба инженеры и работают в городе. Отцу почему-то слушать эти истории не нравилось, и он предупреждал мамину подругу, что длинный язык до добра не доведет, но та смеялась, дескать, чего мне бояться, деток на ноги поставила, а дальше нашей сибирской глуши и сылать-то некуда. Тут с ней невозможно согласиться, поселок у нас большой и до районного центра рукой подать, а еще за железной дорогой организован совхоз «Заря» с несколькими животноводческими

фермами вокруг, если захочешь обойти его из конца в конец, за пару часов не справишься.

Баба Галя ораторствовать любила, ей бы еще маузер на пояс – и вылитая комиссарша из фильмов о революции. Звучным голосом она сообщала односельчанам сводки последних новостей со своими бескомпромиссными комментариями:

– Письмо на днях от племянницы получила, пишет, что в Ленинграде проблем с хлебом нет. В магазинах и ржаной, и белый, бери, сколько хочешь, можно даже две булки, и никто слова не скажет. Понятно, почему – иностранцам пыль в глаза пускаем, хорошо, мол, живем, скоро коммунизм постоим, а в деревне, кроме картошки, людям жрать нечего. Никита Сергеевич навывдумывал кукурузу сажать, а местное начальство радо стараться. Все покосы и пастбища распахали, а толку – пшик. Как будто не видят: не успевает она вырасти за холодное сибирское лето.

Очередники слушают крамолу, опустив голову, не вступая в дискуссию. По мне, так эти пересуды ведутся от непонимания, какое светлое будущее нас ожидает. В школе на стенде, обтянутом красным сукном, накладными буквами выложено: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а ниже текст «Морального кодекса строителя коммунизма», который каждый школьник должен выучить наизусть. Откуда его знать старенькой бабе Гале, да и, к сожалению, не доживет она до тех светлых дней, а то бы сама убедилась, как всё будет здорово, никаких очередей и хлеба завались. Учительница рассказывала, что при коммунизме в магазинах не будет продавцов, а сознательные товарищи сами подойдут и возьмут продукты, сколько им необходимо. Оставалось подождать всего двадцать лет. На это время мной запланированы учеба в институте, интересная и обязательно героическая работа на благо страны.

Меж тем вредоносная информация продолжала будоражить души односельчан:

– В областной газете фельетон пропечатали. Журналист мужика выследил, который три булки хлеба купил, а у него дома немецкая овчарка живет, а у тещи еще и поросенок имеется, так они эту живность хлебом кормят. Вот и выходит, мужик с собакой весь урожай извели. В царское время Россия-матушка всю Европу зерном снабжала, а теперь по миру пошли. Христа ради побираемся. Как говаривал мой репрессированный муж, коль разбросаешь ворохами – не наберешь крохами.

Стоять холодно, на дворе вторая половина мая, а свежесть раннего утра бодрит до дрожи. В спешке я не догадался одеть под телогрейку какую-нибудь курточку, но сбегать домой или просто попрыгать, чтобы согреться, не позволяет груз ответственного поручения. Дядя Степан Павлюков, не поздоровавшийся, живым монументом пристроился в очередь. Стало неуютно, почему-то я с детства побаиваюсь отца своего друга Лёньки. Возможно, из-за его необъятных габаритов или густой рыжей бороды, скрывавшей половину неулыбчивого лица и лысого черепа, придававшего ему сходство с литературным злодеем – Бармалеем. Появляется он в поселке редко, и в такие дни в гости к своему приятелю я стараюсь не заходить.

– Темный он какой-то, – говорит о нем отец, – нелюдимый, сколько раз приглашал посидеть по-соседски за бутылочкой «Особой Московской», потолковать по душам, так нет, брезгует. Сказывают, воевал, а наград по праздникам не надевает, да и в сельсовете заявляют, документов об его участии в боевых действиях не поступало. В совхозе, видишь ли, не захотел «задарма горбатиться», в охотхозяйство устроился. В тайге от людей прячется.

Однажды, еще до школы, когда я катался за околицей с горки, из леса появилась двухметровая фигура лыжника в рыжем лисьем полушубке и такого же цвета малахае и унтах. Стало страшно, и я побежал по снежной целине в сторону поселка. Степан догнал меня быстро.

– Ты чей, как зовут?

– Шурка.

– Михаила, что ли, сынок?

Я испугано кивнул, смотря снизу вверх на огромное, нависшее надо мной лохматое чудовище.

– Значит, Александр Михайлович, и к чему только Михаил нищету разводит. На вот, держи, – он выдернул из заплечного мешка тушку зайца и бросил к моим ногам. – Передай матери, пусть вам холодца наварит.

Широкими шагами Степан заскользил дальше, а я еще долго стоял, прижимая к себе мягкое белоснежное тельце зайца с застывшей каплей крови на носу. Зайчатину оприходовали за два присеста, но благодарность дарителю в семье высказывали осторожно: неспроста Степан так расщедрился, видать, скрывает что-то, вот и подмазывается, чтобы лишнего не болтали.

«Павлюки – пришлые», как говорит мама, появились

в поселке после войны, а откуда – неведомо. От Лёнькиной матери, тихой и незаметной сельский библиотекарьши, кроме «здравствуйте» никто ничего не слышал, а Лёнька, хотя и товарищ, семейными тайнами не делится. Он круглый отличник, самый умный в школе, заканчивает седьмой класс и всего на два года старше меня, а может легко объяснить всё, о чем ни спросишь. Мне до него далеко, я середнячок: не ударник и не двоечник, серединка на половинку. Учиться мне нравится, особенно, когда географичка рассказывает о дальних странах, а учительница литературы читает разные стихи. Может, я тоже вырасту поэтом, у меня написано целых два стихотворения, которые по секрету прочитаны только Лёньке. Он их с серьезным видом похвалил, хотя отметил, что лучше назвать эти сочинения эпиграммами.

*К слову рифму подобрать
не сможет разве что дебил,
и я начал стихи писать,
когда девочку полюбил.*

Второе стихотворение, очень личное, адресовалось предмету тайной привязанности старосте класса Анне Сухих. Лишь у неё одной пышные рыжие волосы. Зажатые на затылке в хвост, они рассыпаются бесшумным золотым водопадом, к ним так приятно случайно прикоснуться или даже погладить, хотя ей это почему-то не нравится.

*Твоя фамилия подходит
к тебе, как рифмы у стиха,
о теле этого не скажешь,
а сердце.., сердцем ты суха.*

Переписанные набело стихи незаметно были подброшены в Анин портфель, но реакции от златовласой одноклассницы не последовало.

Очередь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, а мне вдруг вспомнилось, как Лёнька запускал ракеты. В фольгу от шоколадной конфеты, закрученную на карандаш, он закладывал горючее: мелко нарезанную фотопленку и зубья от расчески. Стабилизаторы изготавливались строго по советам журнала «Юный техник». Подготовка к запуску шла основательно, по-взрослому, с выполнением правил безопасности. На стартовой площадке стояло ведро с водой, и на всех наблюдателей запуска надевали строительные защитные очки. Мне, как лучшему другу, разрешалось производить обратный отчет.

– Внимание! Совершается запуск ракеты в безвоздушное пространство. Ключ на старт. Три, два, один. Пуск!

Ракета взлетала и, делая широкий круг, возвращалась к месту старта. Попытка повторить опыт у себя дома не увенчалась успехом. Ракета не взлетала, а только вертелась на полу. Да и мама за выломанные из гребенки зубья крепко приложилась к моему затылку. Лёнька всегда проводил интересные опыты, вот и вчера заставил раскрасить всеми цветами радуги разлинованный по секторам картонный диск, и серьезно так заинтересовался:

– Какого он цвета?

– Конечно, разноцветный, – даже удивительно, чего спрашивает, ведь он сам давал краски.

И вдруг произошло чудо: надетый на маленький моторчик диск завертелся и стал абсолютно белым. А еще Лёнька строит модели планеров и настоящих самолетов с пропеллерами, которые крутятся от резинового жгута. По секрету он признался: конструкторские наборы и всё, что ни попросит, привозит ему из города отец, он у него замечательный, такого еще поискать.

Хвост очереди заметно подрос, а соответственно прибавлялось и слушателей политинформации от бабы Гали:

– На днях в районной газете объявление поместили, оказывается, во всем суслики виноваты, нашли крайних. Пишут, что это они до половины урожай к себе в норы перетасили. В награду за уничтожение сусликов-вредителей назначена премия – мотоцикл ИЖ с коляской. Пять тысяч сусличьих хвостов сдашь и, пожалуйста, катаясь себе на мотоцикле, только где таких душегубов сыщешь.

– Плевое дело, если мне патроны для малокалиберной винтовки выпишут, я за день сотни три, а то и больше настрою, – пробасил над моей головой Степан.

В восемь часов магазин открылся, и толпа ввалилась в торговое помещение, хотя хлеб обещали подвести попозже. По мере приближения к прилавку очередь становилась все плотнее, подходили односельчане и протискивались вперед, громко доказывая, что занимали место спозаранку. Очередники недовольно шумели, но соседей и родственников пропускали. Тетя Клава, дальняя родня, пробралась к прилавку, долго шныряла глазами, куда бы воткнуться и, увидав меня, стала подбираться поближе:

– Шурка, ты предупредил, что я за тобой занимала?

Я помолчал.

– Но как же? Я бабу Машу еще утром, когда она коров отгоняла, попросила.

– Вон отсюда, – дядя Степан так громко рявкнул на Клаву, что она, как ошпаренная, выскочила на улицу, а я от неожиданности даже присел. – «Ой, лукавит Лёнька, злой и страшный всё-таки у него батя».

Хлеб привезли еще горячим, и его душистый аромат приятно щекотал в носу. Плотно зажатый со всех сторон, я уже не чувствовал холода, а вот дышать стало нечем. Наконец и мама протиснулась в очередь, но домой не отпустила, а когда подошел наш черед, умоляющим тоном попросила две буханки.

– Где второй? – продавщица строго соблюдала правило отпущать по булке в одни руки.

– Да, здесь он, – дядя Степан подхватил меня подмышки и предъявил продавцу: – Сама же знаешь, у них дома семеро по лавкам. Баба Маша может и целый выводок привести.

«И никакой не выводок», – намек дяди Степана показался мне обидным. В нашей семье только я один – «поскребыш», как называет меня мама, и две сестры, но они уже большие, одна в восьмом, а другая заканчивает одиннадцатилетку. Правда, есть еще два брата и сестра, но они совсем взрослые, родились до войны. А те мелкие, которые бегают во дворе, это племянники, их лишь на день приводят, когда старшая сестра на работе, а четырехлетняя Иринка живет у нас временно, пока брат с женой в Казахстане целину осваивают.

Получив в руки горячую буханку, я, не удержавшись, откусил хрустящую корочку. В таких случаях мать всегда ругалась, но сегодня промолчала. Заслужил.

Раньше я ходил в начальную железнодорожную школу рядом с вокзалом, а теперь перешел в среднюю, которая располагается в совхозе, в трех километрах от дома. Месить грязь проселочной дороги одному скучно, необходимо зайти за другом, хоть и боязно встречаться с Лёнькиным отцом. Опять же, со старшим товарищем требовалось обсудить запавшую в голову потрясающую новость, услышанную от бабы Гали, как можно запросто получить мотоцикл, хотя, лучше велосипед. Вот только сусликов жалко, они такие потешные.

Один раз брат до отъезда на целину брал меня прокатиться на грузовике в соседнюю деревню Пинигино. Всю дорогу

нас сопровождали суслики, желтенькими столбиками выстроившись вдоль обочины для участия в опасных соревнованиях – забеге перед самыми колесами. Скрестив на груди свои маленькие лапки, они дожидались, когда автомобиль подъедет поближе и срывалась в аллюр, подняв пушистые хвостики и смешно трепыхая жирными животиками. А как забавно наблюдать за сусликами в бинокль – трофеем, привезенный отцом с войны и переданный в мое полное распоряжение. На бинокле, в рамочке, немецкий генерал разместил иностранными буквами своё имя и фамилию «Carl Zeiss» и орла, держащего в лапах кружок со свастикой. Гвоздиком я затер и орла, и упоминание о бывшем владельце, и нацарапал свое имя «Шура». Как потом объяснил Лёнька, «Цейс» – это фабрика, выпускающая оптические приборы, но всё же собственная версия с генералом выглядела для меня убедительней. Лежа на солнечной стороне пригорка, я мог часами смотреть в свой именной бинокль, как суслики после долгой зимы выползали греться на солнышке. Они резвились, прыгали, кувыркались и даже, встав в стойку, боксировали между собой. Но когда раздавался тревожный свист одного из наблюдателей, увидевшего тень кружащей над колонией хищной птицы, они мгновенно прятались в своих норках. Позапрошлым летом я заметил суслика, застрявшего в проволочной петле и бегающего кругами, тщетно пытаясь освободиться. «А если его выдрессировать, научить ходить на задних лапах или прыгать через горячий обруч?» Внезапно пришедшая в голову идея завораживала своими радужными перспективами, и освобожденный пленник, нареченный Пушком, в фуражке был доставлен домой. Для зверька нашёлся деревянный ящик и металлическая сетка, служившая крышкой. Однако суслик команды выполнять не хотел, хотя они повторялись многократно и даже с демонстрацией, как надо вставать и как ложиться. Есть зернышки из куриного короба суслик тоже не стал, а пушистым комочком жался в уголке клетки.

– Зачем ты притащил домой эту заразу, – маме новый член семьи не понравился. – Давай, отнеси его подальше от деревни и выпусти, пускай бегаёт, а то не дай Бог прогрызет деревяшку, всех цыплят передушит.

– Суслики не хищники, они травой питаются, – пытался я защитить своего нового друга.

– Ещё чего не хватало, а если он сбегит, да всю морковку в огороде перегрызет? Унеси, прошу, от греха подальше, кому

сказала! А то отцу пожалуюсь, он его лопатой быстро уकोшит.

Этого как раз опасаться не стоило, папа хотя и фронтовик, прошедший войну от начала до конца, не мог отрубить голову даже курице, эта кровавая обязанность возлагалась на маму, а чтобы заколоть поросенка приглашали соседа. Но перечить матери – себе дороже. Пришлось сажать суслика в ведро и отправляться к Лёньке, делиться своими печальями. Приятель успокоил, как всегда представив энциклопедические сведения: в неволе суслики не живут, дрессировке не поддаются и лучше его отпустить, а иначе он все равно умрет от тоски. Вот и сейчас по дороге в школу друг не одобрил такие приятные мечтания о велосипеде:

– Любое убийство, а тем более – за вознаграждение, противоречит христианской заповеди «не убий». Тебя родители крестили?

Я кивнул.

– Конечно, с грызунами бороться надо, но люди сами виноваты. Распахивая и засевая зерном места обитания сусликов, они их подкармливают, вот колонии и разрослись.

– Может их отловить и перевезти в необитаемые степи? – мгновенно созрело в моей голове гениальное решение.

– Не знаю, меня эта тема совсем не волнует, – оборвал Лёнька разговор о сусликах и почти реальном велосипеде.

В школе на торжественной линейке неожиданно речь вновь зашла о грызунах. Молодая учительница ботаники, а по совместительству и пионервожатая, осенью приехавшая из города, рассказывала, какой вред наносят сельскому хозяйству грызуны, и особенно суслики. Говорила она громко и торжественно:

– По расчетам ученых каждая пара зверьков запасает на зиму в своей норке до шести килограммов отборного пшеничного зерна, а теперь подсчитайте, сколько теряет страна в одном только нашем районе. Вы сами видите, до каких ужасающих размеров размножились колонии сусликов за последние годы. Если даже приблизительно предположить, что в области насчитывается миллион этих зверьков, то мы не получаем шесть тысяч тонн зерна ежегодно, этого хлеба хватит прокормить наш поселок целые три года. Но самое ужасающее, что суслики разносят такие страшные болезни, как чума и ящур. По постановлению райисполкома решено мобилизовать пионеров нашей дружины на борьбу с сусликами. Завтра вся

страна празднует День рождения пионерской организации, есть предложение: вместо занятий всей школой помочь совхозу в борьбе с грызунами. Кто за?

Дружный гвалт пионеров послужил свидетельством единогодушного согласия.

Праздничное утро выдалось пасмурным, слегка накрапывало. Я забежал за Лёнькой, но он идти ловить сусликов наотрез отказался. Пионерская дружина вновь построилась на линейку. Директор Заринской школы Михаил Андрианович, в прошлом боевой офицер, докладывал по-военному кратко:

– Перед нами поставлена ответственная задача – очистить от вредителей совхозные поля. В качестве технической поддержки совхозом выделены две брички с пожарными бочками. Воду надо расходовать экономно, мертвых сусликов по полю не разбрасывать, а складывать по кучкам, для каждого класса отдельно. Надеюсь объяснить, как выливать сусликов, никому не надо, вы ребята сельские, сами знаете.

Колонию сусликов выбрали за околицей, куда был отпущен мой пленник. Может, и сейчас он прячется в одной из норок, но разве его отличишь. Пионеры разбились группами: на пять человек с ведрами, подносящих воду, приходился один ловец с самым ответственным заданием. Присев на корточки он выжидал, когда из затопленной норки появлялась испуганная, очумевшая от льющейся водной струи голова зверька, подхватывал животное за шкурку и со всего размаху бросал на землю под истошный девчачий вопль. Если зверьку удавалось выскочить, то стоящие вокруг школьники бросались его пинать или топтать ногами. Судя по громкому визгу, висящему над поляной, охота на вредителей сельского хозяйства велась успешно. Героем дня стал Володька Зарубин, он безошибочно узнавал, в какой из многочисленных нор затаился суслик, как только зверек высовывался из залитой водой норки, он отработанным движением глушил его толстой палкой, не оставляя каких либо шансов на спасение. Мне ловить сусликов не хотелось. Коротая время за бочкой, я случайно подслушал разговор пионервожатой с директором школы.

– Михаил Андрианович, это же чистой воды садизм, нельзя детей привлекать к такому мероприятию. Вы только посмотрите, с каким азартом и ненавистью убивают они бедных зверушек.

– Мальчишки всегда в душе охотники, это в них природой

заложено, да и не моя это инициатива, райком партии обязал провести массовую акцию по борьбе с грызунами.

Вдруг почти под ногами я увидел, как мокрый испуганный зверек высунул из затопленной норы свою мордочку. Поймать его не составило большого труда, подхваченный за шею суслик сильно и не дергался, а только смотрел печально своими выпученными глазками. Сунув его в пустое ведро и накрыв сверху шапкой, я подумал: может, это мой Пушок или его братик, и, отойдя подальше от поляны, куда уже не доносились раскаты девчачьего визга, отпустил суслика на свободу.

Прекратилась бойня до обеда, поскольку закончилась вода в бочках, да и дождь, моросивший с утра, превратился в весенний ливень. Под нескончаемым дождем по непролазной грязи пионерская дружина с чувством выполненного долга возвращалась домой.

– Наш класс выловил сусликов больше всех благодаря Володе, давайте на совете отряда предложим повесить его на Доску почета или отправить в Артек, как лучшего борца с вредителями, – в голосе Ани сквозило восхищение одноклассником.

– Невелика заслуга убивать беззащитных сусликов, – попытался я принизить удачливого соперника и нарвался на ехидное замечание своей избранницы:

– А ты-то сам хоть одного вредителя уничтожил? Только стишки писать и умеешь.

Обида комком подступила к горлу, не дав сказать в ответ что-нибудь путное. Обогнав одноклассников, я почти побежал домой, хорошо, что крупный дождь скрывал текущие из глаз слезы.

Эпопея с сусликами закончилась так же быстро, как и началась. Новая беда отодвинула на второй план акцию по уничтожению грызунов. Уже не первый год правительство вело борьбу с мелкособственническими пережитками своих граждан. Количество домашних животных, содержащихся в личных подворьях, ограничили до минимума, урезали площадь огородов, одновременно проводя кампанию против «спекулянтов» на колхозных рынках. Пять овец в нашем хозяйстве превышали допустимый лимит. В общественное стадо они не допускались и прятались от любопытных глаз в сарае. Заготовка травы для «подпольщиков» легла на плечи «поскребыша», и свои летние каникулы я проводил на природе, с меш-

ком и серпом обходя лесопосадки вдоль железной дороги. Но, видимо, таких хитрых собственников в деревнях оставалось немало, и местные чиновники нанесли новый неожиданный удар. Под предлогом обнаруженной в трехстах километрах от совхоза страшной болезни ящура у крупнорогатого скота, в профилактических целях общественному стаду запретили входить в село.

– Как же она там бедненькая будет ночевать в чистом поле, под дождем на голой земле, – причитала мама, жалея нашу кормилицу. – Чем малых деток кормить будем, одна надежда оставалась на огород и скотину.

О том, что ей придется ходить ранним утром и поздним вечером пять километров с двумя ведрами воды, чтобы напоить корову и обмыть ей вымя, а потом обратно с полными подойниками молока, она не задумывалась.

На общественном сходе, собранном по случаю постигшего селян несчастья, приехавший из района ветеринар, седой старичок в белом халате и круглых очках, как у педагога Макаренко, долго и непонятно объяснял признаки и коварство неслыханного ранее заболевания:

– Инфекцию ящура разносят птицы, собаки и грызуны, а также сами больные животные, заражая вирусом молоко, траву, воду и окружающие предметы. От больного скота могут заразиться и люди.

Слышали негромкий голос лектора только первые ряды, состоящие в основном из пожилых женщин, молча и обреченно кивающих головами. Мы с отцом стояли вместе с мужиками, которые курили поодаль, перекидываясь между собой обычными фразами: говори, мол, не говори, а как начальство решило, так и будет.

Вслед за ветеринаром выступил районный руководитель, еще молодой, круглолицый, с выпирающим животом, таких в нашей школе называли «Жиртрест». В отличии от старичка, говорил он громко, хорошо поставленным голосом оратора:

– Партия и правительство взяли курс на сближение города и деревни, наши сельчане должны жить в чистых благоустроенных поселках со всеми удобствами. А у вас, что же это получается, все улицы усланы коровьими лепешками, не пройти, не проехать!

Доклад его длился долго, начиная с сообщений о мудрой внешней и внутренней политике партии и угроз атомной войны с жуткими подробностями, и заканчивая заботой о чистоте наших улиц.

Оваций не последовало, а легкий ропот неожиданно нарушила громозвучная баба Галя, хотя коровы она сроду не держала, а всегда брала молоко у нас:

– Бабы, мушки, чего молчите? Попрятались, как суслики в норы. Что это за партия такая, которая свой народ гнобит и последнего куса хлеба лишает. Вот ты, Михаил, коммунист, – обратилась она к моему отцу, – двадцать лет партийные взносы платишь, герой войны, раненый и контуженный, чего тебе бояться. Объясни нам, почему народная власть над своими людьми изгаляется? Не хочешь, так я скажу – нет больше коммунистов, которые бы за народное счастье радели. Были, да всех выбили. Опять у власти те же царьки да их лизоблюды, думают только о своих теплых местечках да как начальству угодить, а выживание простых людей никого не заботит.

Районное руководство в полемику вязываться не стало, обьявив сход закрытым и посадив в машину ветеринара, быстро отъехало. Односельчане потихоньку стали расходиться, так толком и не поняв, почему введен карантин – из-за ящура или из-за коровьих лепешек на улицах. Я побежал к приятелю обсудить взволновавшее меня открытие, если баба Галя, «проявляет непримиримость к несправедливости», а именно так записано в Моральном кодексе, то можно ли её считать строителем коммунизма.

Лёнька, поздоровавшись, отложил в сторону, лежавшую на коленях «Войну и мир».

– Ого, какая толстая, – с уважением заметил я, сразу забыв о цели своего визита.

– Классика, – глубокомысленно отозвался друг, – но тебе её читать еще рано, здесь много непонятого. Вот я сейчас думаю, почему главный герой Андрей Болконский считает, что народ обучать не следует.

– Он глупый, наверное.

– Что ты, он умнейший князь и даже объясняет: образованный человек должен иметь и соответствующие возможности для творческого развития, а если ты, к примеру, окончишь школу, а останешься как твой отец работать грузчиком в Сельпо, ты же будешь всю жизнь несчастным.

– Нет, я в институт поступлю, инженером стану, – перспектива остаться в селе меня совершенно не устраивала.

– Подожди, я о том же, вот мы все станем учеными, а кто будет хлеб растить и за скотиной ухаживать? Уже сейчас в деревнях рабочих рук не хватает, вся молодежь в город уеха-

ла. Потому и хлеба нет! А много ты изобретешь, если тебя не кормить?

– Ты чё предлагаешь, в школу не ходить и в трактористы записываться? Я не согласен!

– Нет, я думаю учиться необходимо, но только ремеслам. Родителям надо с малолетства приучать своих детей к труду, чтобы ребенок получал от профессии удовольствие. Вот зачем, скажем, комбайнеру химия и астрономия, он должен знать и любить технику. Или: почему я должен бегать за сусликами, если я мечтаю стать авиаконструктором? Каждый должен заниматься тем, что ему нравится, а получать по труду и способностям.

– Значит, сын пекаря станет пекарем, а слесаря – слесарем? Мне уготовлена работа в Сельпо, а тебе надо становиться охотником, – рассмеялся я.

– Сложно понять ход мыслей Андрея Болконского, он полагал, что трудовому человеку для полного счастья надо меньше знать и думать, а в нашей стране всеобщего образования работать на земле и заводах остаются только неудачники с трагедиями в душе от нереализованных возможностей, – подвел черту под разговором Лёнька.

Придя домой, я долго и сосредоточено размышлял о своем будущем, видимо бацилла обучения уже глубоко проникла в мое сознание. Меня манили гигантские ударные стройки, новые города и путешествия по дальним странам, и в тоже время охватывала жалость к безнадежно несчастным друзьям и родственникам, вынужденным оставаться в родном Плотниково. Поздно вечером я нашел среди книг сестры роман Льва Толстого и прочитал несколько страниц, тщательно пытаясь уловить суть разговоров светского общества в салоне Анны Павловны. Неужели смысл образования в том чтобы вести пустые беседы на французском языке? Посмотрев напоследок иллюстрации, я пришел к выводу: Лёнька прав, читать про Андрея Болконского мне еще рано. Засыпая, я услышал, как отец тихо жаловался матери:

– Подруга твоя сердечная выставила меня сегодня на посмешище перед всем селом. Опять она Советскую власть ругала, не угомонится, старая. Хотя, если честно, какой из меня партиец с тремя классами церковно-приходской школы. Комиссар, когда мне медаль вручал, говорит, пиши заявление, а то в нашем полку почти все коммунисты погибли...

Ночью мне снился Андрей Болконский, невысокий, в бе-

лых панталонах, натянутых на круглый животик, как у районного «Жиртреста». Он важно расхаживал, заложив за спину руки, словно учитель у доски, и монотонно под запись диктовал: – Запомните, только мне, благородному князю, с моим наследным богатством суждено попасть в счастливое будущее, а вам, сусликам, путь туда заказан!

Расписание летних каникул не баловало разнообразием; с раннего утра, один или с сестрами, я томился в очереди за хлебом, потом предстояло несколько ходок в лесопосадки за травой для овец, а завершался день вечерним моционом с мамой за околицу на дойку. На закате одного из таких июльских дней у калитки нас поджидала баба Галя с банкой для молока и потрясающей новостью:

– Вы не поверите, в районной газете прописали, что наш сосед Лёнька премирован путевкой в Артек. Будто бы Степан Павлюков вместе с сыном, отличником Заринской школы, уничтожили пять тысяч вредителей. Мотоцикл вручили водовозу из Пинигино, он сдал сусличьих хвостов больше намеченной нормы.

Я действительно не поверил и помчался к другу, застав его собирающим чемоданчик, серьезным и вроде бы совсем не радующимся предстоящей поездке.

– Завтра уезжаю, – сообщил он.

– А сам говорил «не убий» и награду за уничтожение сусликов получать грех, – я завидовал своему приятелю и напомнил о недавнем разговоре не со зла, но Лёнька все равно обиделся:

– А ты, наверное, хотел, чтобы в Крым послали Володьку Зарубина? – И после небольшой паузы добавил: – На эту тему мы с отцом долго беседовали, и он объяснил: мечты должны подкрепляться конкретными делами. Светлое завтра надо готовить заранее, не гнушаясь запачкать руки простым трудом. Он также сказал, что на войне ему ради нашего будущего тоже приходилось выполнять страшную и грязную работу. Только вспоминать о ней он не любит. Хочешь посмотреть?

Ленька распахнул дверцу шкафа, где на плечиках висела отцовская гимнастерка. Одна её сторона была увешана медалями, а на другой между орденов втиснулся скромный медный знак «Снайпер».

Исповедь атеиста

До вылета самолета оставалось еще часа полтора, но находящийся на реконструкции накопительный зал в аэропорту Толмачево пассажиры нескольких рейсов заполнили до отказа. В поисках свободного места я прогуливался по залу и, проходя мимо красочного стенда с иконой Богородицы, призывающей пожертвовать на строительство православного храма, сбросил в ящичек оставшуюся в кармане мелочь. Повернувшись, я увидел, как грузный мужчина примерно моего возраста снимает с сидения сумку, показывая кивком головы, что рядом можно присесть.

– Верующий или летать боишься? – бесцеремонно начал разговор незнакомец.

– Там, куда я лечу, рубли не понадобятся.

– Значит, в Бога не веруешь. – Это правильно. Наше поколение воспитано атеистами, и нам не понять неоязычников, регулярно бегающих в церковь. Я не могу определиться, причислять ли их набожность к современной моде или, что еще хуже, к показному патриотизму, мол, смотрите, мы заодно с русским народом. Нет, я их не осуждаю, просто не в силах представить, как советский школьник, пройдя через пионерское детство и комсомольскую юность, изучая в институте марксистско-ленинскую философию и научный атеизм, вдруг уверовал в Бога. Для меня это тайна за семью печатями, – мужчина посмотрел на меня, ожидая возражений или одобрения. Я промолчал, очень уж щекотливая затрагивалась тема. В церковь я не хожу, но к вере предков отношусь с уважением.

– Я по профессии физик, – продолжил он, доверительно подвинувшись поближе. – В советские времена жил в закрытом городе Арзамасе, заведовал научной лабораторией, по счастью мне посетить многие православные святые места. Во время таких экскурсий по храмам Великого Новгорода, Ярославля и Звенигорода я часто наблюдал за просветленными лицами истинно верующих. Когда же я, наряду с ними, пробовал перекреститься, как учила меня бабушка, то рука не поднималась. Пытался, но не мог. Ты-то сам крещеный? – в панибратском обращении незнакомца чувствовался снобизм некогда большого начальника.

Я кивнул.

– Странная штука – память, порой забываю, что случилось со мной на прошлой неделе, но в малейших деталях пом-

ню картину своего крещения, хотя мне тогда не исполнилось и трех лет. Церкви в нашем поселке не было, строился он в советские времена, когда вера в Бога, мягко говоря, не приветствовалась. Религиозные старички молились по своим домам и священнослужителя из районного центра приглашали лишь для совершения печальных обрядов отпевания. Раз в два-три года, когда количество народившихся в селе детишек достигало полусотни, заезжий батюшка устраивал таинство крещения. Вспомнилось, как из желающих окрестить своих чад набился полный двор у одной богомольной старушки, предоставившей свою комнатку, завешанную иконами, для проведения обряда. Не смолкающий писк младенцев, которых на моих глазах по очереди опускали в купель, вызывал у меня смутные ощущения предстоящей опасности. Мелкий тщедушный священник в черной рясе явно утомился, неся свою службу уже несколько часов в тесном и душном помещении. Допускаю даже, что пребывал он в отвратном настроении, поскольку чередовал слова молитвы с грозными выкриками нравоучений нерасторопной пастве. Всю одежду с меня сняли заранее, и я с волнением ожидал своей участи.

– Как нарекли младенца? – строго спросил священник.

– Сашей, – испугано ответила мама.

– Что, других православных имен не знаете? – злобно заворчал на неё поп. – Сегодня уже пятого Александра крестим.

Брать меня на руки как других младенцев батюшка не захотел, а попросил маму приподнять сыночка, и потом довольно грубо макнул меня три раза головой в купель. Кому это понравится? Я тоже громко заревел, солируя в нестройном хоре новоявленных христиан.

Физик достал из сумки бутылку минералки и два пластиковых стаканчика, – Будешь?

Я отказался, покачав головой, а мой новый знакомый вынул из кармана пузырек с таблетками и отправил в рот целую пригоршню. Смочив горло, он продолжил свой рассказ:

– Бабушка Матрена еще до школы пыталась научить меня молиться и долго с раздражением на мою тупость объясняла, как надо креститься и класть поклоны. Не знаю уж, кто мне внушил, что Бога нет, но я противился бабкиной науке, даже пытаясь вступить с ней в дискуссию на религиозные темы. Аргумент бабушка приводила только один, но весомый, отвечивая своей сухонькой ладонью болезненный подзатыльник. Она постоянно стращала меня божьей карой, повторяя, что

Бог всё видит, где бы я не находился и какую пакость не замышлял. Однажды, подставив табуретки одну на другую, я добрался до божнички, так у нас называли уголок, где стояли фамильные иконы и, всматриваясь в прокопченные святые лики седобородых старцев, ничего угрожающего в них не заметил. Даже наоборот, мне очень понравилась одна небольшая икона, где младенец прижался щекой к щеке матери, склонившей к нему свою голову. Столь пристальное внимание к иконам не прошло незамеченным, вскоре мне стали сниться жуткие сны. Нарисованные образы старцев из красного угла тянули ко мне руки, стараясь заключить в свои объятия, а я пытался убежать, но ноги намертво липли к полу. Даже после таких вещей снов вера в Бога во мне не пробудилась, хотя, запомнив наставления бабки Матрены, что нахожусь под неусыпным контролем высших сил, я старался соизмерять свои поступки с христианскими заповедями. Возможно, стать истинно верующим мне помешал случай, произошедшей в нашем классе.

– Ты что молчишь? – неожиданно спросил физик. – Тебе может не интересно меня слушать?

– Почему же, продолжайте, – откровения не в меру коммуникабельного пассажира напомнили мне юные годы. – Я тоже вспомнил, как стыдился набожности мамы, крестившей меня вослед, куда бы я ни собирался.

– Тогда я дорасскажу. В пионеры нас готовила молоденькая вожатая, как сейчас помню, Наташа её звали, вчерашняя десятиклассница, сделавшая неудачную попытку поступить в педагогический институт. Мне она очень нравилась – смешливая, задорная, в белоснежной блузке и комсомольским значком на привлекательной возвышенности, – приятные воспоминания освежили улыбкой лицо физика.

– «Пионер всем ребятам пример», – повторяли мы вслед за нашей вожатой и разучивали пионерскую клятву, обаяваясь помогать старшим, хорошо учиться, любить Родину и Коммунистическую партию и далее в том же духе, все элементарные и апробированные временем правила советского воспитания. Накануне торжественной даты – годовщины Великой Октябрьской революции, когда нас собирались принять в пионеры, Наташа завела разговор о религии.

– Бога нет, – безапелляционно сообщила она, – космонавт Юрий Гагарин научно подтвердил, что в космосе только безвоздушное пространство.

И мы – будущие пионеры, с ней полностью соглашались.

– Бог есть! – вдруг среди всеобщего единодушия произнес твердым голосом Филимон, или короче Филя, мой сосед по парте. – А безбожники все будут гореть в аду, – добавил он, низко опустив голову.

– Филя, ты что, верующий? – удивилась Наташа. – Может, ты и крестик носишь? Я хочу предупредить, невежественным и темным школьникам нет места в пионерской организации. Сознайся, ты носишь крестик.

– А вам то что? – насупился Филя. – Какое вам дело?

– Нет, подожди, это принципиальный вопрос, – настаивала пионервожатая, подойдя к нам поближе.

– Давайте, ребята, посмотрим, носит ли Филимон крестик, – Наташа быстро расстегнула пуговицу на рубашке Филя. Он выскочил из-за парты, пытаясь убежать, но вожатая, обхватив его сзади за плечи, продолжала расстегивать рубашку, и все увидели маленький образок на тесемке.

– Есть крестик, есть, – закричали взволнованные дети. Филя вырвался и стремглав вылетел из класса, оставив на парте свой портфель.

– Вот видите ребята, – продолжала, как ни в чем не бывало пионервожатая, сегодня мы выяснили, что не все из вас достойны стать пионерами. Поднимите руку, кто еще носит крестик. В классе наступила тишина. Крестик висел и на моей шее, но я испуганно промолчал, предав своего Бога.

Три дня Филя не ходил в школу и неожиданно, когда уроки уже закончились, появился вместе с отцом. Внеклассные занятия с нами, как обычно, проводила пионервожатая. Отец Филя, крупный старик лет пятидесяти, кражистый, с черной нестриженной бородой, протолкнув вперед сына, спросил:

– Энта што ли тебя раздевала?

Филя только кивнул. Подойдя к Наташе со словами «Давай глянем, есть ли на тебе крест», Филькин отец обоими руками рванул белую блузу пионервожатой, распустив её на две половины. Класс в страхе замер, а Филькин отец, добавив «Не погань, антихристка, детские души», смачно сплюнул на пол и затопал своими кирзовыми сапожищами к выходу. Наташа стояла некоторое время в оцепенении, прикрыв грудь скрещенными руками, только крупные слезы катились по её покрасневшему личику, а потом, громко зарыдав, выбежала из класса.

Вот такая, брат, печальная история, с тех пор крестик я больше не надевал. Тот инцидент широкой огласки не полу-

чил, моя любимая пионервожатая навсегда уехала из села, и повязывали красные галстуки нам уже без неё. А теперь ты поведай, как звать-величать, откуда и куда путь держишь, в гости, наверное, собрался?

Я представился, сообщив, что летал на встречу с однокурсниками, сорок лет назад покинувшими Томский политехнический институт.

– О, мало того, что мы тезки, так оказывается еще и учились вместе! Я тоже физико-технический факультет ТПИ заканчивал, только на два года раньше, в семьдесят третьем. Ну как там Томск? Давненько я в нем не был! – глаза моего нового знакомого загорелись неподдельным интересом.

– Стоит, хорошеет, хотя, если честно, я его почти и не видел, встретились с друзьями в родном геологическом корпусе, потом в загородном пансионате пообщались два дня и обратно на вокзал, – впечатления от встречи с друзьями и городом студенческой юности переполняли меня, но я не захотел делиться ими с первым встречным.

– А я сейчас вспомнил, как мы в Томске с друзьями в храм ходили аккуратно под самое Рождество. Представляешь, конец первой экзаменационной сессии, а в моей зачетной книжке еще ни одной отметки. И предметы вроде бы я знал не хуже остальных, но при встречах с преподавателями, впадая в ступор, заикался, путал термины и нес околесицу. Замаячила перспектива с треском вылететь из института. Мой приятель Толик Свиридов, решив поддержать меня, а скорее всего, иронизируя над моей фатальной невезучестью, с серьезным видом спрашивает:

– А ты молитву перед экзаменами читаешь?

Я смутился, не зная, что сказать.

– О, это обязательно, без студенческой молитвы ни за что не сдашь, хочешь, научу? – И, не дожидаясь моего согласия, начал напевать гнусавым голосом – «Господи, ежи еси на небеси, на экзамены шпаргалку принеси» или вот еще «Святая Мария-девица, не дай на экзаменах провалиться», – он громко расхохотался, очень довольной своей шуткой, хотя мне было не до веселья.

Староста нашей группы Коля Еремеев, большой любитель женского пола, тоже встрял со своей подковыркой:

– Чего над парнем издеваешься, не видишь, на нем лежит проклятье безбожника. Саня, – говорит он, – тебе надо срочно в церковь смотаться, свечку поставить.

Находившиеся в комнате общежития будущие физики-теоретики дружно захохотали от нелепости и абсурдности такого предложения.

– А что, мужики, может, и правда сходим в церковь? – выдал идею Свиридов. – Я, кстати, там никогда не был.

– И я, и я, – раздалось несколько голосов.

– Тебе нельзя, – остановил порыв Толика староста, – ты комсорг, узнают в деканате – вышибут из института.

– Да, кто нас увидит, – замахал руками бесшабашный Толик.

Шумную толпой по искрящемуся новогоднему снегу мы отправились в Петропавловский собор – шестикупольный храм на склоне горы, известной нам как «Мухин бугор». Ну, ты это, наверное, знаешь, так звали промышлявшего на том месте грозного разбойника, на старости лет раскаявшегося и ставшего монахом. В храме шла вечерняя торжественная служба и священник в золотом одеянии и в митре, инкрустированной, как мне представлялось, драгоценными камнями, читал нараспев слова молитвы. Среди прихожан преобладали маленькие старушки и бородатые старички, а из молодых рядом с батюшкой усердно клали поклоны две милovidные девушки. Внутреннее убранство храма заворожило меня своей роскошью, и я пялился по сторонам, рассматривая фрески и иконы. Николай, толкнув меня в бок, шепнул довольно громко:

– Не туда смотришь, обрати внимание на тех барышень, вот где надо невест присматривать, они здесь скромные и небожные....

– Не слушай его, Саня, – шепнул уже с другой стороны Толик, – это они пришли грехи свои любовные замаливать, гляди, как стараются.

– Цыц, богохульники окаянные, – зашипела на нас седенькая старушка, – коль зашли в святой храм, так и стойте тихонько у стенки.

– Вы как хотите, а я пойду с девчонками знакомиться, – Николай стал пробираться в центр храма, а мы, как бараны, последовали за ним.

– Аллилуйя, Аллилуйя, – запел священник, и все прихожане, опустившись на колени, стали отвешивать поклоны. Оставались на ногах только наша группа и священник.

– Мужики, давайте деру, – скомандовал староста, и мы рванули к выходу, впопыхах уронив нескольких стоящих на коленях верующих.

Выбежав из храма, мы ржали над нашим приключением до упада. Сейчас-то я сожалею о той глупой хулиганской выходке, а тогда, признаюсь, муки совести меня совсем не мучили, но, как ни странно, с той поры экзамены и зачеты стали даваться мне без особого напряжения.

Физик замолчал, повисла неприятная пауза. Сказать мне было нечего, посадку еще не объявляли, но уходить без видимой причины представлялось невежливым, и для поддержания разговора я спросил первое, что пришло на ум:

– А вы куда летите?

– Оправляюсь к дочери и внукам в Марокко, вот напоследок посетил родные края, где не был четверть века. Исполнил, как говорится, сыновний долг, побывал на могиле бабки Матрены и родителей, а также старшей сестры, к которой я не смог прилететь на похороны. Наш сельский погост в березовой роще с обилием вороньих гнезд и истошными криками черных птиц навеял на меня безысходную тоску и раздумья о бренности нашего бытия. Жену я схоронил еще три года назад, да и мне, если верить врачам, немного осталось, может, на чужбине и сгину. Знаешь, что самое страшное в этой жизни? Одиночество, когда рядом нет ни друзей, ни близких, мне об этом родная сестра постоянно твердила. Сама она прожила тяжелую жизнь сельской труженицы. Сначала голодное военное детство, потом неудачное краткосрочное замужество, а напоследок – страшная смерть в авто аварии единственного сына. После этого она, уверовав в Бога, стала настойчиво в каждом письме просить меня окрестить дочь. Доводы сестра приводила малоубедительные: наши отцы и деды тысячу лет сохраняли православную веру и мы обязаны передать её детям и внукам. Сложно внушить безбожным родителям веру своим детям. Дочь, к тому времени уже школьница и по-взрослому рассудительная, наотрез отказалась принять крещение. «Религия это добровольный выбор каждого и нельзя насильно принуждать человека к принятию той или иной веры», – твердила она прописные атеистические истины. А в результате вышла замуж за иноверца, приняла ислам и улетели жить в дальние края, а внуки мои уже и по-русски не разговаривают, – помолчав минуту, случайный знакомый перешел на другую тему:

– Вот ты рассказываешь, с однокурсниками общался, а я всех растерял, ни разу на встречи не ездил, а ведь сначала звали. Да что друзей, близких навестить забывал, карьеру

делал, а отпуска на курортах да санаториях проводил. Хотя родные обо мне помнили, сестра сохранила нашу фамильную икону и наказала соседке вручить мне, если я когда-нибудь приеду на её могилу. Хочешь посмотреть?

Он достал из пакета небольшой образ Корсунской богоматери. Она почерневшей от времени доске младенец Иисус прильнул щекой к щеке Богородицы:

– Считается, что эта икона чудотворная, её называют еще «Умиление». Мне бабка Матрена рассказывала, что Дева Мария, когда увидела свой портрет, написанный апостолом Лукой, произнесла: «Моя благодать пусть будет с этой иконой!». Кстати, такой же иконой тысячу лет назад крестили Святого Владимира Красное Солнышко, в городе Корсуне, ныне нашем Севастополе.

Объявили посадку на Бишкек, и у стойки на выходе мгновенно выросла очередь. Я встал, чтобы проститься с говорливым собеседником, а он, взяв меня за руку, заторопился с окончанием своей исповеди:

– Вчера после посещения кладбища я случайно пришел к строящемуся православному храму, фундамент которого заложили еще во времена моего последнего посещения родного поселка. Рядом с заросшей бурьяном стройкой сиротливо стояла маленькая часовенка, видимо, средств, собранных земляками для осуществления с размахом задуманного проекта, хватило лишь на это безыскусное сооружение. Опустившись на скамейку рядом с часовенкой, я почувствовал, как спазм перехватил дыхание и слезы непроизвольно стали катиться из глаз. До позднего вечера, сидя на скамейке, я вспоминал год за годом пролетевшую жизнь, и сделал вывод, что не правильно её прожил: не любил родных и близких, не общался с друзьями, не помогал инвалидам, а только строил карьеру и тешил свое самолюбие. Знаешь что, тезка, возьми эту икону, нечего ей делать в арабской стране, передай в какой-нибудь храм или сам храни, а при случае поставь свечку в помин моей безбожной души.

Я попытался воспротивиться, но физик сунул мне икону под мышку и, взяв свою сумку, уверенно зашагал в другой конец зала. У стойки я оглянулся. Александр махал мне правой рукой, потом, на мгновение приложив её ко лбу, несколько раз размашисто перекрестился, а напоследок перекрестил увозимую мной икону.

Артем ХЕГАЙ

В конце минувшего года в Москве состоялось подведение итогов международного литературного конкурса «Русская речь», на который было подано свыше 600 работ из разных стран. В номинации «Проза» 1-ое место занял молодой талантливый прозаик, наш давний автор Артем Хегай, представивший на конкурс рассказ «Луковицы». Поздравляя Артема со значительным творческим достижением, «ЛК» публикует этот рассказ.

ЛУКОВИЦЫ

Жалюзи были опущены, в личном кабинете редактора «Инфоникл» серой заводью разливался полумрак. Сам хозяин кабинета – толстый, в измятом коричневом костюме – полулежал в кресле у захламленного стола. Вот, приподнявшись, он вялой рукой плеснул себе что-то из графина и принялся пить. Наконец, мужчина обратил утомленный взгляд на подчиненного:

– Министерство духа рассекретило один проект. Это какая-то тюрьма нового поколения. И в сети уже материалы конкурентов: пишут, что бунтовать там невозможно. Что рецидивистов среди бывших зеков нет. Даже предрекают исчезновение тюрем старого образца!..

– Очень интересно! Я с удовольствием возьму эту тему, – молодой человек в джинсах и бесформенной толстовке встал из глубокого кресла.

– Бьёран, мы опоздали. Все лучшее уже сказано. А если и дальше так пойдет, наш слоган «Ваше сегодня» станет звучать как «Чье-то вчера»...

Редактор вынул из ящика стола маленький бледно-зеленый баллончик с аэрозолем, принялся раздраженно встряхивать его в такт словам:

– Но аудитория и конкуренты ждут, что мы скажем. Вот

поэтому ты все-таки отправишься туда и проведешь особое журналистское расследование.

Мужчина вдруг приоткрыл рот. Выпучил покрасневшие глаза и брызнул из баллончика себе прямо в лицо. При этом он жадно вдохнул, чтобы не потерять ни единой капельки из легчайшей взвеси в воздухе. В духоте запертого кабинета возник тонкий, как игла, ядовитый химический запах.

О новом наркотике «Туман Авалона» Бьёран услышал около года назад. Но сейчас впервые собственными глазами видел, как его употребляют: выглядело это смешно и немного жутко.

Редактор тем временем окончательно размяк:

– Мне нужна грязь. Насилие, пытки, убийства. Взятки, в конце концов. Это тюрьма, а не церковь – что-нибудь да найдется. Аудитории нужны вовсе не елейные восторги – ей нужна правда. Ясно, Бьёран? Найди мне грязь.

– Как скажете, – молодой журналист улыбнулся. – Полагаю, мой визит в эту замечательную тюрьму уже согласован с пресс-центром Министерства духа? Я могу выдвигаться?

– Погоди. Тебе очень пригодится одна вещь...

Редактор выбрался из кресла и долго возился в углу, где гранитной глыбой темнел сейф. Наконец мужчина вернулся к столу с металлическим футляром, отомкнул кодовый замок и осторожно приоткрыл крышку. Внутри, на мягкой подушечке из пурпурного бархата лежали очки. Да, они были достаточно дорогими, по последней моде стилизованными под двадцатый век. И все же оставалось непонятным, чем аксессуар заслуживал такой чести.

Начальник бережно протер одно из стекол полой коричневого пиджака:

– Последняя разработка Министерства силы. В шпионаже применяют. Эти очки на самом деле – замаскированная видеокамера. Запредельное разрешение, большой угол обзора, неуязвимость для систем обнаружения, телескопический зум... – Мужчина пожевал губами. – Ну, и диоптрии для слабого зрения, само собой, можно настроить.

Бьёран принял очки. Надевать их было боязно.

– А с помощью вот этого шнура отснятое видео можно скинуть на обычные носители. Пользуйся, но учти: за оборудование головой отвечаешь.

– Конечно, я буду осторожен, – молодой человек примерил чудо-очки.

– Если подготовишь разгромный материал, – редактор благодушно покрутил в пальцах баллончик с наркотиком, – отдам социалку под твое начало.

Глаза Бьёрана блеснули за холодными стеклами:

– Почту за честь, уважаемый!

Бьёран

Оказавшись за дверью, Бьёран уже едва сдерживал бурлящее ликование. Даже «Туман Авалона» вряд ли бы сделал его настолько счастливым – казалось, любое чудо возможно: оно близко, вот-вот начнется!

После недавних сумерек остальная редакция «Инфоникл», залитая весенним солнцем и голосами сотрудников, кипела сверкающей горной рекой. Проходя мимо «парадного» кабинета редактора, Бьёран замедлил шаг: там, среди светло-бежевого интерьера обычно проходили торжественные приемы. На стене крупными золотыми буквами значилось: «Инфоникл – Ваше сегодня». А сразу напротив «парадного» располагался отдел социальных новостей. Голографические экраны, спующие люди, мелодичные трели множества коммуникаторов – вскоре новым дирижером этого информационного оркестра должен был стать Бьёран. Подумать только, в двадцать шесть лет – глава отдела социальных новостей «Инфоникл»! И что за преграда стояла на пути к новой должности? Репутация какой-то тюрьмы?

Бьёран приготовился весь свет вывернуть наизнанку. Но вначале стояла задача попроще – переодеться: к очкам подходил только деловой костюм.

Снаружи тюрьма напоминала средневековый замок: высокие белые стены с наброшенной на них коричневой сетью дикого винограда, широкая арка врат. Декоративный канал у входа можно было принять за оборонительный ров. А чтобы оказаться внутри, Бьёрану пришлось почти штурмовать эту «крепость»: известность «Инфоникл», ошеломительное нахальство, даже разрешение пресс-центра Министерства духа – ничто из привычного арсенала не повлияло на охрану. Бьёрана вежливо принудили предъявить все документы, зарегистрироваться и пройти полное сканирование.

Стоя на платформе под прицелом поисковых систем, журналист скучающе разглядывал таблички с правилами для посетителей. Помимо прочего, на территории тюрьмы строго-

настрою запрещалось создание фото и видео материалов. О голографической съемке даже речи быть не могло.

Когда осмотр закончился, у Бьёрана забрали всю технику, а взамен выдали нечто нелепое под названием «диктофон». Единственная функция этого устройства заключалась в записывании окружающих звуков! Слова благодарности в адрес охраны журналист приправил кислой улыбкой.

Его выпустили в прохладный полутемный коридор. Шаги гулким эхом отдавались от стен. Впереди виднелась полупрозрачная стеклянная дверь, за которой сиял весенний день. Не сбавляя шага, Бьёран поправил очки на переносице. За этой дверью его ждала новая должность.

К Бьёрану по аллее шла женщина в глухом сером платье. Некрасивая – нижняя часть лица выглядела слишком тяжелой. Впрочем, не было легкости и в ее крупной фигуре. «Очаровательный медведь», – Бьёран с заготовленной улыбкой двинулся навстречу. Однако женщина не улыбнулась ему в ответ:

– Я буду вашим проводником здесь. Меня зовут Велида.

– Бьёран, журналист «Инфоникл». И в качестве затравки для интервью: как такая очаровательная дама оказалась среди работников тюрьмы?

Вблизи ее лицо – внимательное и спокойное – показалось даже приятным.

– Здесь нет тюрьмы в привычном понимании слова. Это центр ускоренной ресоциализации. А я тут занимаю должность психолога-криминалиста. – Велида сделала неловкий приглашающий жест. – Пойдемте, я вам все покажу. Если будет что-то непонятно – спрашивайте.

По сторонам от аллеи потянулись газоны, клумбы. Первая трава ярко-зелеными иглами только проросла сквозь темную землю. Поодаль за голыми деревьями стали видны белые здания с большими окнами; Бьёран разглядел спортивную площадку и прозрачные корпуса каких-то теплиц.

– Действительно, на тюрьму не похоже! Даже сложно представить, что в таком месте содержатся опасные преступники – насильники, убийцы...

– Тут нет решеток или колючей проволоки. Но систем контроля, поверьте, предостаточно. – Велида взглянула ему в лицо. – И отдельно хочу сказать: клиентов нашего центра мы предпочитаем называть бенефициарами.

– Ну, «Роза пахнет розой», как известно, – Бьёран со смехом кивнул на ближайшую клумбу, еще пустую. – Это ведь только внутренний устав. Я не сотрудник центра и могу называть вещи своими именами, верно?

– Вы можете говорить, как вам удобно. Однако на территории центра действует еще несколько правил, которые касаются всех. У нас запрещено делать фотоснимки, видео, голограммы и прочее. Наверное, охрана вас уже предупредила. А во-вторых, посетители ни в коем случае не должны заговаривать или еще как-то связываться с бенефициарами без разрешения администрации. Очень рассчитываю на ваше понимание!

– Разумеется. Тогда начнем? – Бьёран демонстративно включил диктофон. – Еще раз, пожалуйста: что это за место и чем вы здесь занимаетесь?

– Это центр ускоренной ресоциализации. Наша задача заключается в том, чтобы ценности, нормы и установки человека, совершившего преступление, адаптировать к жизни общества. Поэтому...

– Нет-нет, уважаемая Велида! Давайте сразу договоримся: никаких терминов! Только простой язык, который будет понятен самой широкой аудитории. Я вообще предлагаю выстроить наше интервью в форме свободного диалога. За качество речи можете не переживать – мы в редакции все поправим, вычистим. Ничего не бойтесь! Говорите свободно!

– Хорошо. Так будет даже проще.

При этом Бьёран заметил, как ее губы настороженно поджались, как она, шагая бок обок с ним, чуть отдалилась. Старая журналистская уловка – сколько необдуманных фраз благодаря ей стало сенсацией! – сейчас не сработала. Что ж, тогда первым делом следовало вернуть утраченное доверие «медведицы»: бдительность ее убаюкать лестью, особо чутким вниманием, соглашательством. Позже она все равно попадетя в капкан.

– Каждый бенефициар вначале проходит полное обследование. Мы используем самые современные знания и технику, чтобы узнать о человеке все, что нам нужно. Буквально все. А дальше медики и психологи центра совместно разрабатывают для бенефициара его личную программу терапии. Там все учтено: какой диеты надо придерживаться, чем лучше всего заниматься, сколько времени придется здесь провести.

Бьеран решил не прерывать ее, только кивал с сосредоточенным видом.

– Кому-то первым делом назначают операцию, кого-то направляют в спортзал. По-разному бывает. Но мы постоянно наблюдаем за человеком, вносим в его терапию изменения, если нужно. А самое главное, все работники центра заодно. Мы помогаем друг другу. Какой смысл, к примеру, работать психологу, если гормональный фон бенефициара нарушен, и тестостерон превышает допустимые пределы? Здесь в первую очередь медик нужен. Или, допустим, человеку срочно требуется лечение, а он наоборот – хочет себя убить? Тут уже психолог подключается.

Продолжая интервью, они свернули с главной аллеи. Впереди в сквозящих по весне зарослях буков и сирени открылись новые здания. Аппетитно запахло свежесдобитым хлебом. Велида указала вперед:

– Здесь у нас кухня. Я говорила: при необходимости бенефициару могут назначить диету. Вон там дальше – бассейн и лечебные ванны.

Бьеран продолжал кивать, а сам чувствовал, как внутри поднимается бахвальство и ликование. «Этот момент надо будет в материале заострить. Да, обыграть его с позиции возмущения: «Так вот куда уходят деньги налогоплательщиков?!». Похоже, моя задача значительно упрощается».

– Знаете, уважаемая Велида, мне всегда казалось, что заключенным не хватает именно этого – простого человеческого тепла. Заботы! И можно с уверенностью сказать, что это – новое слово в исправительной системе. Новая ступень! Вы согласны со мной?

Велида сбилась с шага, внимательно посмотрела на журналиста:

– Это не новая ступень. Это другая лестница.

Канхар

Тяжело в груди по утрам, иногда тяжело до боли – это начинается астма. Что еще изменилось? Бывает порой, возвращается чувство, будто собственная жизнь далеко. Так далеко, что ее можно только вспоминать. Но это уже проходит. Как и другие люди, ко всему ведь приспосабливаешься.

Не дышать – вот это страшно, и привыкнуть к этому

нельзя. Всякий раз, начиная задыхаться, я панически боюсь, что теперь не отпустит, как отпускало раньше. Одна из местных врачей говорит, это психосоматическое и скоро должно прекратиться. Да уж, мне бы хотелось, чтоб прекратилось.

Я пытаюсь не вспоминать, почему оказался здесь. Вот бы еще время пошло быстрее, чтобы все поскорее забылось, стерлось. Но время медлит.

Последние шесть месяцев растянулись в шесть лет.

Вначале тесты. Бесконечные проверки, детектор истины. Я приходил с утра в лабораторию: меня усаживали в кресло, надевали шлем и до обеда картинки показывали. Иногда задавали вопросы – мне даже не требовалось вслух отвечать. Главное, как я понял, они следили за мозгом – как он откликался. Притом каждый день надо кровь сдавать на анализ. Чем вот так по чуть-чуть выцеживать, лучше б уж один раз много взяли...

После тех проверок начало казаться, будто все внутри выстужено дочиства, добела выморожено совсем. Тогда-то они и начали «терапию».

Первой ко мне пришла Велида.

Можно сколько угодно повторять: «Она все знает потому, что ей известны результаты каждого теста». Но на деле... она вызывает одно только тихое ошеломление. Велида действительно знает обо мне все. Даже если я захочу обмануть ее, она уже будет знать причину, по которой мне этого захотелось. Я поневоле думал, что Велида не человек – настолько она проницательна. Так продолжалось бы и дальше, если б не один случай.

Как-то в полдень я шел из медблока и увидел ее через окно. В то время позади главного корпуса достраивали прачечную. Все рабочие как раз ушли на обед. Там было пустынно. Одна Велида стояла возле груды щебня, говорила с кем-то по коммуникатору и плакала.

Я увидел это не нарочно. Словно подсмотрел. Поэтому так и не спросил ее о причине слез. Главное в том, что это несколько не уронило ее авторитет – только сделало вполне земной в моих глазах.

Утром было солнечно, а потом за пару часов – как бывает весной – по всему небу вдруг разлилась серая давящая хмарь. Приближалось ненастье.

Я сидел на диване и ждал. Рядом были кушетка, кресло,

стол. С едва слышным гуденьем сияли продолговатые лампы, заставляя уличную мглу убраться за окно. В теплом воздухе массажного кабинета висела тишина, отчего молочно-белые стены всегда напоминали мне скорлупу изнутри – вылупляться, выходить наружу из этого яйца не хотелось.

Открылась дверь, и Камехиль вкатила через порог блестящую тележку, накрытую марлей. Располагая ее возле стены, мягко произнесла:

– Задержали меня. Доброго утра, Канхар. Укладывайся пока, располагайся.

Я снял рубашку – бледно-синяя: даже ее цвет продиктован терапией – устроился на кушетке. Горьковато запахло смолистым кедром – Камехиль принялась намазывать мне спину чем-то прохладным, скользким.

Она напоминает нянюшку из детского сада: пожилая, добрая, руки мягкие, но не по-женски сильные. И есть в ней особая трудолюбивая непреклонность – сам чувствуешь, что споры попросту неуместны. Камехиль действительно знает, как лучше. Проще подчиниться ей.

Впрочем, здесь всегда подчиниться – проще.

– Как твоя спина, Канхар? – Этим вопросом она вовремя прервала мои мысли, готовящиеся скатиться в негатив. – Уже немного получше?

– Болела вчера как зараза. Ночью.

– Ничего, это пройдет, – размеренно говорила Камехиль, продолжая колдовать над моей спиной. – Только подождать надо. А пока приучи себя правильно относиться к этой боли, Канхар. Спина болит не потому, что ей хочется доставить тебе неудобство. Совсем нет! Ей бы и самой не хотелось болеть, уж поверь. Просто она, таким образом, пытается тебе сказать: «Пожалуйста, Канхар, помоги – мне очень нужно твое внимание, иначе я не смогу тебе служить как раньше». Только и всего. Сама спина-то не злая.

Бьеран

Велида отомкнула дверь и пропустила журналиста вперед.

– Тут сделали небольшой музей истории тюрем. Это главным образом для сотрудников. Чтобы мы лучше понимали специфику нашего центра, его отличие от всего, что было прежде. Правда экспонатов пока не хватает.

В просторном помещении с низким потолком вдоль стен громоздились полупустые серые шкафы, пахло пылью. Окон здесь не было, и неживой свет, запертый в комнате, казался тусклым, обессиленным.

Бьеран остановился возле репродукций. На одной из них была изображена галера с гребцами. Древний художник – должно быть, видевший эту галеру собственными глазами – ничего не знал ни о перспективе, ни о светотени, а потому его творение вышло по-детски наивным. Головастые, длиннорукие человечки, неотличимые друг от друга, сидя боком на скамьях, держали весла. В профиль у каждого был виден задорный острый нос и очень большой, широко раскрытый глаз. Человечки выглядели счастливыми.

– Вы не поверите, уважаемый Бьеран, но еще в начале 21-го века – можно сказать, недавно – в одной из наиболее развитых стран считалось нормой, что государство заключает договор с частными тюрьмами – договор о наполняемости этих тюрем. Вне зависимости от уровня преступности.

Велида прошла вдоль пустых платформ, над каждой проводя ладонью – одна за другой вспыхивали голограммы. Средневековый «каменный мешок», темный и тесный. Восточный зиндан, куда свет попадал только сквозь грязную решетку в потолке. Оборудованная комната пыток.

– Осужденные подвергались насилию, использовались в качестве дешевой рабочей силы, условия их жизни были ужасны. Но чем более жестоким было наказание, тем больше сочувствия к ним рождалось у общества, и тем профессиональнее становились сами преступники. Даже сложился образ «благородного разбойника», который не слишком менялся от эпохи к эпохе.

Велида понемногу увлекалась собственным рассказом – говорила все громче, привольней. Бьеран с интересом хмыкал, покачивая диктофоном в такт ее словам, порой глубоко-мысленно мычал.

На самом деле он почти не слушал. Гораздо больше его занимала сейчас сама Велида. Было интересно следить за тем, как она двигается, какие интонации чаще других проскальзывают в ее голосе, как меняется под влиянием настроения ее лицо. Бьерану было лестно думать, что путем таких несложных наблюдений он способен постигнуть любого человека.

Вот и теперь журналист уже примерял на Велиду судьбу,

словно одежду – сшитую наспех, скрепленную грубыми стежками домысла. «Одинокая медведица, не замужем, медвежат нет. Живет одна. В доме – образцовая чистота! Всегда старается выглядеть опрятно, но при этом демонстративно «не понимает» ту роскошную ухоженность, к которой так стремятся женщины. Да что там! Она давно смирилась с тем, что некрасива, поэтому ни на что не претендует. Слывет «хорошим человеком», хотя бывает грубой. Знаки внимания в ее жизни теперь встречаются только в виде шуточных комплиментов от коллег. Притом в глубине души она надеется, что это ей сказали искренне! А неизрасходованные чувства, весь свой потенциал как жены и матери, должно быть, вкладывает в работу. Отсюда – невероятное терпение и забота о других, граничащая с героизмом. Типичный соработник».

Велида тем временем продолжала рассказывать, ходила меж стендов:

– Вы слышали когда-нибудь о Тюремном Тупике? В свое время этим явлением заинтересовалось Министерство духа – так наш центр и появился. – Заметив долгий взгляд журналиста, она невольно поправила волосы. – Я потом даже написала диссертацию на тему Тюремного Тупика. Это, в самом деле, интересно. Представьте: осужденный все время проводит в своей камере и почти никак не соприкасается с другими людьми и внешним миром. Понятно, ни о какой ресоциализации в данном случае говорить не приходится. Ведь человек попросту пребывает в духовном анабиозе. С другой стороны, если он постоянно общается, трудится и даже отдыхает в обществе других осужденных, то, по меньшей мере, он – делится своим опытом преступлений и воспринимает чужой опыт. Не зря ведь во все времена тюрьмы считались своеобразными «университетами для преступников». В этом и заключается суть Тюремного Тупика: будь то общий режим или карцер – люди там отнюдь не ресоциализируются. Я уже молчу о количестве рецидивистов. Извините, уважаемый Бьеран, вы просили говорить простым языком... Тогда – только два вопроса. Скольких тюрьма убила, покалечила? И кому она действительно принесла пользу?

Пройдя полный круг по залу, Велида вернулась к репродукции, изображавшей гребцов на галере. Разглядывая человечков, промолвила:

– Впрочем, у нее всегда была еще одна цель. Восстановление социальной справедливости. Но как по мне, это про-

сто мечь напуганного общества. Не более того. – Велида повлекла Бьерана к выходу. – Недавно мы добились для наших бенефициаров права сохранить в тайне пребывание здесь. Раньше ведь никто не хотел их брать на работу! А без работы и денег они, разумеется... – золотисто-колкий перезвон коммуникатора прервал ее.

Велида распахнула дверь, пропуская журналиста вперед, а сама осталась внутри музея – еще минуту беседовала с кем-то вполголоса. Что-то уточняла.

Бьеран спустился с крыльца и с удовольствием вдохнул прохладный весенний воздух. Небо хмурилось, прятало солнце. Близился дождь. «Похоже кто-то из ее близких сидел в тюрьме. Иначе – откуда бы столько сочувствия?» – мысленно делал Бьеран последние стежки на выдуманной судьбе женщины. Тем неожиданной прозвучали ее слова:

– Дети звонили. К сожалению, сейчас я вынуждена вас покинуть ненадолго – назначена встреча с бенефициаром. А пока меня не будет, вы сможете побеседовать с отцом Назариеном. Пойдемте, я провожу.

Следуя за Велидой, Бьеран чуть нахмурился. «О, медведжата все-таки есть?.. Значит, давно выросли и не живут с ней. И каково это – каждый вечер возвращаться в чисто убранную, опустевшую берлогу?».

Канхар

Небо заволкли тучи, но дождя еще не было. Изредка налетал ветер. Я стоял посреди загона, разглядывая собственные ботинки. Загоном это место называется весьма условно: тут полно деревьев, есть искусственный пруд, и даже маленький водопад. Пожалуй, в обычной жизни мне бы понравилось бывать здесь. Но это – часть терапии. Притом самая бесполезная.

Вот, из пищеблока вернулся Ульвис с белым пластиковым ведром полным рыбы. Вручил это ведро мне вместе со свистком.

Ульвис дрессировщик, но почему-то всегда называет себя тренером. Он подрабатывает здесь. Раньше я думал, что в дрессировщики идут только два типа людей: или крайне жестокие или очень добросердечные. Ульвис другой – ему не свойственны ни жестокость, ни доброта.

– Зовите ее.

От моего свистка по всему загону разлетелась серебристая трель. Вдали тотчас раздалась череда сложных свистов в ответ – высоких и низких, прерывистых. Я с тревожной подавленностью – все равно занятие в очередной раз будет, его не избежать – прислушивался к какофонии, разбавленной щелканьем и треском, которая быстро приближалась.

К нам бежала химера.

В последние десятилетия стало модным заводить подобных существ. Их массово выращивают в генетических лабораториях. Порой среди этих созданий попадаются безобидные декоративные особи. Но большая их часть выглядит так, будто они вырвались из адского бестиария. Животные с измененным генокодом, гибриды – в большинстве случаев они не могут принести потомства. К чему оно? Можно вывести новых в пробирке.

Вот химера кинулась к нам навстречу из кустов. Стремительная, серым призраком она метнулась мне под ноги и тотчас затрещала, зацокала.

– Сина, сидеть, – говорю строго, чтоб она унялась.

Тварь плюхнулась задом в пыль, но продолжает попискивать. Смотрит в глаза только мне – знает, что от Ульвиса ей все равно ничего не получить.

– Канхар, помните правило: «Свисток – рыба, свисток – рыба»?

Начинается занятие. Каждая выполненная команда вознаграждается одинаково: я достаю из ведра очередную скользкую рыбешку и кидаю Сине. Ни одно из поощрений до земли не долетает – исчезает в жуткой пасти.

Сина – нечто среднее между дельфином и собакой. Выглядит она как бритая налысо мускулистая овчарка с очень тугой серой кожей. Свиные глаза, покатый лоб, длинная безухая морда вечно ухмыляется. И от нее постоянно пахнет – загнивающими в тепле водорослями.

За время терапии я должен полностью выдрессировать Сину. Ведь когда все закончится, ее отдадут мне. Зачем, ну зачем она мне нужна?!

– Сегодняшняя задача – выучить команду «апорт». Возьмите. – Ульвис протянул мне солнечно-желтый резиновый мячик. – Дайте ей понюхать, заинтересуйте, а потом бросайте – не слишком далеко. Тут важна команда и условный жест. Она быстро поймет, что от нее требуется.

Если бы все было так просто, как говорит Ульвис! Сина не подчиняется.

Сую мяч ей под нос – она нюхает руку, которая пахнет рыбой. Бросаю его – сидит, продолжает смотреть в глаза, метет лысым хвостом пыль. Я снова и снова иду поднимать проклятый мяч, возвращаюсь с ним. И все начинается заново. Словно эта тварь дрессирует меня, а не наоборот.

– Апорт!.. Сина! Апорт! Да когда ж ты возьмешь его?! Апорт!.. Ну?! Апорт!

Все это бессмысленно. Мяч давно испачкался в грязи, а серая морда химеры по-прежнему ухмыляется – ждет, когда я в очередной раз принесу его сам.

– Вы не замечаете, в каком состоянии находитесь?

Никому не нужный мяч лежит на клумбе поодаль, к его боку прилип коричневый прошлогодний лист. Сина тянется к ведру с рыбой. А бесконечное пепельное небо наблюдает за моими попытками что-то изменить.

– Хочется просто дать пинка этой твари.

Ульвис посмотрел мне в лицо. Затем направился к клумбе. Не оборачиваясь, проговорил на ходу:

– Бить ее нельзя ни в коем случае. Сина – гибрид. Да, внешне она похожа на собаку, зато психику унаследовала от дельфина. – Он поднял мяч и принялся вытирать его рукавом рабочей куртки. – Знаете, Канхар, дельфины – особенные существа. Живут большими семьями: все вместе развлекаются, ловят рыбу, путешествуют. Им принадлежит весь океан, где можно свободно двигаться в трехмерном пространстве, где красок, звуков и впечатлений гораздо больше, чем здесь – на суше. Поэтому во время тренировок ни одного из них не наказывают в принципе. Если вы будете злым, дельфин просто уплывет, и никогда больше к вам не вернется. – Ульвис протянул мне чистый мяч. – Игра – это все, что вы можете предложить. Веселую, увлекательную игру.

– Но она не выполняет команду! Вместо этого просто сидит!

– А еще может прятаться, воровать рыбу, убегать... Чтобы не бить ее за каждый неправильный поступок, достаточно объяснить, какой поступок правильный, и наградить за него. Дальше Сине самой захочется этого. Поверьте, за всю свою практику я не встретил еще ни одного животного, которое через пинки лучше усваивало бы команды, нежели через поощрения.

– Так почему она сейчас не делает того, что мне нужно?

– Потому что вы неправильно себя ведете. – Ульвис

тускло улыбнулся. – Сина не понимает человеческую речь. Не надо с ней разговаривать, когда отдаете команду. Лишние звуки – «Ну!», «Давай же!», «Возьми этот сраный мяч!» – они только мешают ее восприятию. – Ульвис вновь сделался серьезным. – К тому же, Канхар, у вас совершенно отсутствует должный настрой. Она готова работать, вы – нет. И если вы намерены хоть чего-то добиться, понадобится терпение. Не только сегодня – завтра тоже. И послезавтра, и через месяц, и через полгода. – Он поднял ведро, чтобы Сина не добралась до рыбы. – Вам понадобится много терпения. Начинайте.

Бьеран

Отец Назариен копался в земле под раскидистым бумом у спортплощадки. Это был седобородый старичок с маленькой головой. Одетый в рабочий комбинезон с перчатками по локоть, он беседовал с журналистом, стоя на коленях. Рядом темнели деревянные ящики, похожие на детские гробы, от которых веяло неживой прохладой – на дне этих ящиков, проложенных страницами старых газет, цепенели красновато-желтые луковки. Должно быть, их продержали там всю долгую зиму. А теперь старик аккуратно вынимал их оттуда и одну за другой высаживал в рыхлую живую землю.

По собственному признанию Назариен иногда подрабатывал здесь садовником. Но Бьеран с первой минуты знакомства уверил себя, будто дело обстоит с точностью до наоборот – предприимчивый садовник из корыстных побуждений нанялся священником.

– «Инфоникл», значит? Хорошее издательство. Я считаю, это высокий, благородный труд – говорить людям правду.

– О! Спасибо, почтенный! Лестно слышать, – Бьеран тоскливо огляделся.

Жаль было тратить время на разговоры со стариком. Вопросы финансирования центра, слабые места в работе с заключенными, маленькие и большие секреты, которые есть у любой организации – священник ничего этого не знал, а потому был совершенно бесполезен. Бьеран с досадой вспомнил Велиду: «Скинула меня к старику, чтобы отделаться? Ладно!».

– Так, с тюльпанами почти готово... Вы, уважаемый Бьеран, сказали, что не верите в Бога. Не буду навязывать свое мировоззрение, тем более среди молодых людей атеизм – дело привычное. Но, думаю, вы согласитесь: Господь по

определению всемогущ и всеведущ. Я говорю лишь об определении. Так принято считать: Ему одному ведомо прошлое... настоящее... и будущее. – При каждом слове старичок бережущему закапывал по цветочной луковице. – Зачем тогда Всеведущему было отдавать в руки человека весь Эдем со словами: «А от дерева познания добра и зла не ешь»?

– Провокация? – впервые от начала беседы Бьеран искренне оживился.

– Это... мирское слово неприменимо к Богу. Одно можно сказать наверняка: воспринимай вы Адама как аллегория, как образ рода человеческого или как упорядоченный космос – Господь в любом случае предвидел дальнейшее развитие событий. Вот поэтому изгнание из рая сложно расценивать в качестве наказания. Весьма сложно. – Назариен поворошил оставшиеся луковицы, оглядел вскопанную землю вокруг себя. – И кстати... богословы и философы сходятся в одном – понятие греха простирает из понятия свободы воли. Вкусив запретный плод, Адам с Евой сделали смертными. Были и другие последствия: «В болезни будешь рождать детей», «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Но Бог не отнимал у них свободу воли. И свободы, и воли человека лишил другой человек. – Священник, по-прежнему стоя на коленях, поднял растерянный взгляд на Бьерана. – Мне очень неловко просить об этом, но не могли бы вы помочь? Я оставил пакет с удобрением в садовом домике. Вы ведь помните? Мы пришли оттуда. Это совсем близко – вот за тем корпусом. Я бы и сам, но...

– Конечно! – не дослушал Бьеран, поправляя очки. – С радостью помогу!

Пружинистым шагом он тотчас поспешил в указанном направлении.

Канхар

– Итак, Канхар, тебе снова шесть лет. Скажи, где ты сейчас находишься?

Голос у Велиды мягкий и ровный – за ним можно следовать без опаски в любые глубины, на любые расстояния, куда бы она ни позвала.

– Дома. Я дома.

Сквозь тюлевые занавески золотистое солнце заливает кухню. Пахнет жареными гренками, ванилью, кислым супом. Здесь повсюду запахи! Ножки обеденного стола скудно пахнут

пересохшим деревом, от голубого кафеля едко веет хлором, а чистое полотенце, о которое недавно вытирали мокрые руки, нагрелось под солнечными лучами и теперь, стоит его понюхать, как тотчас вспомнится летнее купание на озере.

Обеденный стол, холодильник, плита – все крупное, высокое. Самый большой здесь сервант: с дверцами, полками и выдвижными ящиками, он настолько велик, что остальные вещи точно отступают перед ним с почтением и робостью. На серванте в солнечном зайчике сидит муха.

– А что ты делаешь, Канхар? Чем ты дома занимаешься?

– Ем конфеты.

В серванте за пыльным сервизом и мутными розетками мама устроила тайник. Там хранится белая пластмассовая коробочка, которую невозможно открыть. Но сверху на ней красная кнопка – нажмешь, и снизу выпадет перламутровый шарик. Он настолько сладкий, что в горле першит. Мама тайком добавляет эти конфеты себе в чай, но ни разу не поделилась со мной.

– А где твои родители?

– В прихожей.

– Что они делают там?

Слышно, как они перешептываются. Мамин шепот идет волнами: сначала совсем ничего не разобрать, потом все громче, громче, нарастает, поднимается на вершину, за которой вот-вот появится сам голос. И вся эта волна вдруг неправомерно обрывается. Тишина за ней – хуже всего. Мне всегда хочется, чтобы волна маминого шепота упала как можно раньше, упала маленькой – так она не сможет никого захлестнуть. Зато папин шепот совсем другой: короткий, отрывистый, напоминает плот или простую доску, деревянный обломок – то появится среди волн, то опять исчезнет.

– ... они ругаются.

– Почему? Что-то случилось? Что-то плохое произошло?

– М-м-м!

– Хорошо, Канхар, можешь не отвечать. Все хорошо... Ты сказал, родители были в прихожей. Расскажи, а что потом происходит?

Тюль на солнечном окне вздулся светлым пузырем, но тут хлопнула входная дверь, и воздушный пузырь сразу же безвольно опал.

- Папа ушел.
- Ясно. А мама? Где сейчас твоя мама?

Мама носит дома коричневые тапочки с узором из розовых цветов. Тапочки ей велики, поэтому, когда она ходит, стоптанные стельки постоянно хлопают ее по пяткам. Вот и теперь слышно, как эти хлопки приближаются.

Надо поскорей убрать конфеты на место, в тайник! Уже и дверца серванта открыта, но, оказалось, что я слишком сильно прижал красную кнопку на коробочке. Внутри что-то щелкнуло, и ее пластмассовое дно внезапно вывалилось наружу вместе с пружиной, какой-то белой трубкой – сладкие жемчужины горохом посыпались на пол. Звонко зацокали по кафелю, запрыгали в разнобой, покатались кто куда.

- Она идет на кухню.
- И что происходит потом, Канхар?

Я спешу подобрать конфеты с пола. Хотя бы те, что не успели далеко укатиться! По одной, по две запихиваю в рот – собирать их в коробку слишком долго. Нет, не успеть! От крахмально-сухой приторности язык сделался будто чужой. Сладкую слюну проглотить не получается.

На пороге появляется мама. Ее лицо красное и мокрое от слез: «Твой отец опять проиграл. Все проиграл! Просадил все деньги! Не осталось даже... А-ах!». Она бросается ко мне, падает на колени. «Это ведь... Тебе такое нельзя! Сколько ты съел? Сколько?! Выплюнь!». Она требовательно подставляет ладонь, сложенную лодочкой, к моему рту, хватая за рубашку, трясет. Но я ведь не могу выплюнуть конфеты – у меня полный рот слюней! Тогда она больно давит мне на щеки: «Сказано же, выплюнь!».

Я вижу перед собой заплаканное мамино лицо, когда она силком засовывает палец мне в рот. Стоило разжать зубы, и приторная слюна вперемешку с мокрыми конфетами – все это валится, течет в ее подставленную ладонь. Мама гадливо морщится, выгребает пальцем оставшиеся конфеты: «Нельзя спросить вначале? Ну почему сразу лезешь?! Почему?! Такой же, как твой отец! Черт бы вас побрал. Весь в него. Вылитый! Не-спо-со-бен, – она при каждом слоге дает пощечину, – себя! контролировать!».

От ее ладони мое лицо становится липким. Когда сладкое смешивается с соленым, вкус получается очень неприятный. Мама вздергивает меня с пола за рубашку и тащит в ванную – промывает рот, моет лицо. Потом бросает мне на голову

большое полотенце. «Сам вытрешься». Из-под полотенца я смотрю, как она, всхлипывая, выходит и грохает дверь. Снаружи глухо стучает задвижка щеколды. Потом гаснет свет. Я здесь надолго.

– Канхар, что делает твоя мама?

– Наказывает... меня. За конфеты. Закрывает... в ванной.

– Скажи, ты испытываешь злость? Подавленность? Или обиду?

– Подавленность.

– А виноватым ты себя чувствуешь, Канхар?

Нельзя было брать мамини конфеты – она хранила их для себя. Но за каждую из них – даже за все съеденные прежде! – я уже заплатил тем, что меня наказали. Заплатил гораздо больше, чем конфеты того стоили.

– Нет. Я не виноват.

– Хорошо, Канхар. Теперь давай перенесемся еще на один год в прошлое...

Очнулся я в кресле посреди кабинета. За приоткрытым окном стоял сумрак, оттуда порой налетал ветер и шевелил бумаги на столе. Велида, сидя напротив меня, делала какие-то пометки в блокноте. Вот она подняла взгляд, покусала губу и снова опустила голову – зашелестела карандашом.

После гипноза мне всегда хочется продлить это ощущение легкости во всем теле, поэтому я не спешу вставать. Смотрю на Велиду.

Да, она знает обо мне все. Но, несмотря на это всезнание, Велида все-таки остается человеком. Я долго пытался понять, как отношусь к ней. Образы матери и жены ей совершенно не соответствуют, словно она выше подобных разграничений. В конце концов, я сошелся на том, что проще всего воспринимать Велиду как сестру, которая старше меня на много сотен лет.

Вот она отложила карандаш и принялась разминать усталые пальцы:

– Сегодняшний сеанс закончен. Канхар, я хочу предупредить: утренний анализ крови показал изменения. Желательно, чтобы ты последил за собой.

– А в чем дело? Спина опять будет болеть?

– Нет. Это гормональное. Сегодня ты особенно подвержен плохому настроению. В частности, гневу. Поэтому пред-

лагаю сразу сходить в медблок – там уже все знают и выдадут тебе легкое успокоительное.

Так вот почему я залился на Сину во время дрессировки? Возможно, химера не делала мне на зло, а действительно не понимала команды.

– Но ведь на очереди у тебя спортзал? – Велида улыбнулась. – Если не хочешь пить успокоительное, можешь не пить. Но тогда пообещай, что выплеснешь весь негатив на тренировке, договорились? И перед этим я бы посоветовала тебе немного пройтись в парке или хотя бы по главной аллее. – Отложив блокнот, она обернулась к окну. – Пройдись пока не начался дождь. А мне надо закончить с бумагами и проследить, чтобы в СМИ не просочилась лишняя информация о нашем центре.

Бьеран

Крепко прижимая к груди пакет с удобрением, Бьеран выскочил из садового домика. Вначале он устремился куда-то по гравийной дорожке, но через десяток шагов повернул обратно. Журналист вертел головой и не замечал, как пачкает пиджак о свою не слишком чистую ношу. «Так-так-так! Вот он – шанс! Но скоро поп меня хватится – времени совсем мало».

Налетевший из парка сырой ветер заставил Бьерана втянуть голову в плечи.

Тут наверняка повсюду были спрятаны камеры слежения! Он тотчас пожалел о недавней беготне – привлекать внимание охраны раньше времени не следовало. «Ладно. Я просто заблудился. А этот мешок некоторое время послужит мне пропуском». Чувствуя, как колотится сердце, Бьеран расправил плечи и, нацепив растерянное выражение лица, направился вглубь территории центра. Сложней всего было придерживать шаг, не бежать.

Сосредоточиться на миссии не удавалось – мешали мысли о возможных последствиях. Бьеран успокаивал себя тем, что за последние годы никто не смог засудить «Инфоникл» – каждый истец рано или поздно пасовал перед армией профессиональных юристов. Однако растревоженная и напуганная совесть заранее рисовала переполненный зал суда, и Бьеран мысленно комментировал свои действия, готовясь поверить самому себе.

Ворвавшись в скромную обитель священника, – «Куда идти? Я совсем запутался! Поэтому вернулся в тюремную церковь – единственное место, куда хорошо помнил дорогу» – Бьеран несколько минут потратил на архив. Свалив дюжину папок на стол, он – «Всего лишь искал карту или план эвакуации» – быстро перелистал каждую. Даже на поверхностное чтение не было времени. Впрочем, это и не требовалось: видеокамера, вмонтированная в очки, вела непрерывную запись – позже можно было поставить видео на паузу и внимательно ознакомиться с каждой строчкой. Кое-как распахив папки по местам, журналист поспешил прочь.

Разумеется, особой надежды на церковный архив не было. Бьерану очень хотелось бы проникнуть в бухгалтерию – что там в отчетах? – или в медицинский отсек – нельзя ли выдать болеутоляющее за наркотик? Но на такую редкостную удачу он даже не рассчитывал.

Тюремная церковь осталась позади. Дул ветер, хмурые тучи роняли первые капли, начинался дождь. Бьеран был доволен ненастьем – меньше шансов столкнуться с кем-нибудь из сотрудников или охраны под открытым небом. И все же следовало убраться подальше оттуда, где его легко было обнаружить. Бьеран обогнул несколько зданий, рысцой миновал парковую беседку, шагал быстрее и быстрее, мимо больших окон, мимо гудящей белой будки, спрятанной в хвойных зарослях. Сейчас он мечтал лишь о том, чтоб никому не попасться на глаза.

Бьерану повезло – он вышел к самой крайней теплице из тех, что заметил в начале своей экскурсии по тюрьме. Отсюда виднелась верхушка бука, под которым, должно быть, еще копался ничего не подозревавший священник. Остальное заслоняли белесые корпуса теплиц – их запотевшие стенки могли скрывать немало тайн. «Я решил обратиться к сотрудникам центра. Начал искать людей. Кто-то ведь должен был помочь!» – с этой мыслью он бросил мешок с удобрением у входа, а сам скользнул за бледную дверь.

Внутри открылась самая настоящая оранжерея. В душной тропической влажности зеленели папоротники и карликовые пальмы, пылали крупные орхидеи, апельсиновые деревья показывали оранжевые плоды из глубины темных и сочных зарослей. И всюду, всюду стояли десятки, сотни маленьких горшочков с растениями, которых Бьеран никогда прежде не видел. Укрытые от ветра за жемчужно сияющими стенами,

окутанные теплом, все они будто лениво нежились спросонья. Ни лист, ни стебель не качнется в этой полудреме, но все зеленое живо и мерно дышит.

Усилием воли Бьеран вырвался из пут умиротворения: пошел вперед, внимательно глядя по сторонам. Очки должны были запечатлеть здесь каждый уголок! Вдруг этот нелепый фиолетовый куст или вон та лиана с кожистыми листьями содержат психотропные вещества или яды? Достаточно лишь одного такого растения, и перед аудиторией «Инфоникл» хилый побег превратится в незаконную плантацию – возмутительно пышную, цветущую. «Начальник тюрьмы не признает, что к заключенным применялись фитотоксины», «Администрация никак не комментирует тот факт, что на территории центра выращиваются галлюциногенные растения». Сам он ничего не смыслил во всем этом разнотравье, но был уверен: для дальнейшего расследования шеф наймет какого-нибудь знатока флоры.

Бьеран пробрался в дальний отсек оранжереи, скрытый за мутной пленкой. Но там его ждало разочарование: длинный проход обступали подвязанные кусты самых обычных помидоров. Вдали виднелись и огурцы с баклажанами, но это все равно не тянуло на сенсацию. Сорвав с ближайшей ветки помидор, журналист направился к выходу, хмуро вгрызаясь в его алую мякоть.

После влажного тепла оранжереи весенний воздух показался на редкость пронизывающим. Холодно моросил дождь, в тучах изредка прокатывал сдержанный гром. Поежившись, Бьеран подхватил мешок с удобрением и решил, что самое время вернуться к священнику. Пускай эта маленькая разведка не дала повода скомпрометировать тюрьму – сейчас куда важнее было остаться вне подозрений. А там, глядишь, тщательный анализ видеозаписи еще преподнесет свои сюрпризы.

Журналист заспешил по дорожке вдоль теплиц, ища взглядом вершину старого бука. Но впереди вдруг выросла баскетбольная площадка, обнесенная сетчатой оградой. Он попытался ее обойти через внутренний двор какого-то корпуса, несколько раз сворачивал на неприметные аллеи и, в конце концов, уткнулся в заросли кустов. Впереди была высокая стена, дорожку обступали деревья, а среди их голых ветвей тут и там сквозили безликие белые здания. Бьеран с досады пнул

гравий – мокрые камешки темным веером полетели в кусты. «Заблудился! Именно теперь, когда в самом деле искал священника!». Журналист устремился назад по дорожке, пытаясь припомнить свой маршрут. Еще минуту он плутал в парке, затем обошел незнакомое здание с глухой северной стороны.

И за углом столкнулся с человеком.

Оба замерли, пронзительно взглядываясь один в другого. Бьеран сделал вид, будто перехватывает мешок поудобней, а сам лихорадочно соображал.

Больше всего его пугала возможность встретиться с охраной. Однако на незнакомце был вовсе не черный мундир, а промокшая бледно-синяя рубашка и мятые штаны. К тому же он смотрел на Бьерана так, будто пытался припомнить его лицо. «Ага, значит, сотрудник» – журналист приободрился. «Вот бы разговорить его!».

– Светлого дня. Уважаемый, не подскажите, где отец Назариен? Хотел отнести этот пакет с удобрением ему, но тут столько переходов – я совсем потерялся. Уже минут десять брожу.

– Мне нельзя... Надо охрану позвать. Здесь подождите, хорошо?

– Постойте! – чувствуя, как холодная дождевая капля сползает за воротник пиджака, журналист неловко повел плечами и улыбнулся. – Мне ведь только священника найти. Пожалуйста! Я тут совсем уже вымок, пока дорогу искал. Буду очень признателен за вашу помощь!

– Нет. Отец Назариен сейчас может принимать другого бенефициара – нам нельзя пересекаться. Просто подождите здесь.

Минуту назад лицо Бьерана было просительным и наивным. Но вдруг вспыхнуло от прозрения. А следом его улыбка начала расплываться все шире и шире, пока не стала издевательской. Теперь он точно знал, что делать.

– Постой!.. Так ты заключенный, верно? Я из «Инфоникл». – Тяжелый мешок с удобрением, отслужив свое, полетел на грязную обочину аллеи. – С тобой-то мне и надо поговорить! Черт с ним, с Назариеном. – Бьеран вынул из внутреннего кармана сигареты и, подкуривая, с ухмылкой глянул на чужака исподлобья. Наконец, протяжно выпустил дым. – Рассказывай. Что тут у вас за порядки? Кто нарушает ваши права? И как именно?

Заключенный угрюмо молчал. Он был на голову выше Бьерана и шире в плечах, но в этой насквозь промокшей рубашке, с темными прядями волос, прилипшими ко лбу, он выглядел жалким. Бьеран в очередной раз попытался оценить человека одним беглым взглядом – опущенные плечи незнакомца показались верным признаком слабоволия и бесхарактерности.

– Здесь нельзя курить.

– Да что ты заладил свое – нельзя, нельзя! Сразу видно, умеют мозги тут промывать, раз такое с тобой сделали. – Бьеран наморщил лоб. – Очнись, друг! Этот твой единственный шанс быть услышанным. Или ты не хочешь пожаловаться на условия, в которые тебя запихнули? Неужели здесь рай?

– Я позову охрану, – буркнул тот, разворачиваясь.

Но Бьеран со смехом потянулся за ним, крепко ухватил за рукав:

– Да постой ты!.. Чего сразу убегаешь? Хоть бы имя свое сказал. А, понял: тут всех по номерам называют? То-то я смотрю, вы здесь совсем одичали.

Заключенный, не сбавляя шага, попытался высвободить руку из настырной хватки журналиста. Сквозь стиснутые зубы глухо выдавил:

– Меня зовут Канхар.

– Канхар? А как ты здесь оказался, Канхар? Ты кого-то убил? Или изнасиловал? Почему ты здесь? Давай, расскажи! Чего ты боишься?!

Заключенный внезапно сгреб журналиста за грудки и с такой силой тряхнул, что у того очки криво съехали на переносице. Отчаянно задыхаясь, сипло произнес в перепуганное лицо Бьерана:

– Думаешь, тебе все можно? Все тебе можно, да?!

В это время Бьеран краем глаза заметил Велиду и охранника, которые бежали к ним через парк наискосок – через все тропинки и клумбы под морозящим дождем, оскальзываясь в грязи.

Бьеран принялся отчаянно извиваться в стальной хватке:

– Помогите! Велида, помогите! Кто-нибудь!

То, что произошло дальше, поразило журналиста больше всего.

Канхар оглянулся, и Велида перехватила его взгляд: на бегу, срывая голос, крикнула сквозь серую морось:

– Авалон!!!

Хватка заключенного ослабла так внезапно, что Бьеран опрокинулся навзничь – отталкиваясь локтями, пятками отпихивая мокрый гравий, попытался отползти назад, но скоро уткнулся спиной в каменный бордюр.

Канхар его не преследовал – вдохнув рывком, он мучительно хрипел на выдохе, судорожно приподняв плечи. Лицо его помертвело.

Велида бросилась к заключенному, скомандовала в коммуникатор:

– Бенефициар Канхар. Личный код – ИО-366. Спровоцирован астматический приступ. Срочно пришлите медиков. Северная сторона учебного корпуса.

Охранник тем временем помог журналисту подняться, но заслонил собой происходящее: к огромному разочарованию Бьерана пришлось тотчас покинуть место событий – обладатель черного мундира был непреклонен.

Канхар

Я лежал в капсуле восстановления. Минутой ранее мне сделали пару уколов и поместили сюда. Дышать можно было только через специальную маску. За непрозрачной стенкой капсулы в лаборатории возилось несколько медиков. Я не слышал их голосов, только какое-то позвякивание и гул вентиляции. Сквозь сомкнутые веки проникал мягкий голубоватый свет, а так хотелось закрыться от него рукой, чтобы даже он оставил в покое.

Зачем, зачем она напомнила?.. Испугалась за этого пройдоху журналиста? Я не собирался его бить. Хотел только, чтоб он отстал. А Велида все равно крикнула. Зачем? Ведь я поверил ей, что можно стать прежним.

Прошлым летом я ничего не знал ни об этом центре, ни о терапии. Жил как все, и сам не понимал, насколько это хорошо – быть простым человеком.

Я работал на станции по утилизации машин. Посетителей было мало – все давно обзавелись новенькими авто, отпечатанными на 3D-принтере: такие машины, отслужив свой срок, отправлялись в расщепитель. А мы все еще работали со старьем из настоящего металла, от которого приходилось избавляться по старинке. Ко всему прочему наша станция рас-

полагалась далеко за городом, и желающих наведаться туда почти не осталось.

По привычке говорю «наша станция», хотя работал постоянно там только я один. Остальные не задерживались дольше, чем на пару месяцев. Зарплата была небольшая, добраться до города слишком долго. Да и что там было в окрестностях? Холмы да чахлые рощи, ни одной живой души в округе.

И посреди этой глухомани – станция.

На огороженном сеткой пространстве не приживалось ничего, кроме пыльных сорняков. Тут и там виднелись вросшие в землю рыжие остовы машин – на полуденной жаре они иногда сухо пощелкивали своей ржавой чешуей. А поодаль от ворот стоял темный раскаленный на солнце ангар, внутри которого прятались уродливые барабаны измельчителя. Ангар напоминал мне голову механического зверя. Большую часть времени он спал под летним зноем – спал тяжелым летаргическим сном, вывалив наружу черный язык транспортировочной ленты. В тех редких случаях, когда монстр все же просыпался, казалось, что первозданно диким грохотом измельчителя он грозит всему миру – полный древней яростью, ревет от голода.

Неподалеку торчала над землей будка управления с облупившейся краской и разбитым фонарем на крыше – забраться в нее можно было по узкой железной лесенке. Стекла в этой будке во время работы измельчителя дребезжали так сильно, что оставалось только удивляться, почему они до сих пор целы. Остальное место занимал пустырь и жилой блок с отличной звукоизоляцией, разделенный на две части. Одна дверь вела в «офис», где в ящиках стола лежала кое-какая документация. А за второй дверью находилась комната отдыха – там был кондиционер, маленький телевизор, холодильник и продавленный диван. Я нередко оставался там ночевать.

По правде говоря, меня одного хватало с лихвой, чтобы обслуживать редких посетителей. Но закон требовал, чтобы на станции работали двое. Вот новеньких и присылали постоянно. Самым обидным было то, что люди шли туда не по своей воле: большинство моих напарников были приговорены к исправительным работам. А станция – мое рабочее место, где я практически жил – служила для них местом отбывания наказания.

Последним, кого прислали, был Фрой – на три года

младше меня, самоуверенный, любитель похвастать. В целом он казался неплохим парнем, хоть и был из богатеньких. Приезжал на дорожной машине, носил пиджаки с коротким рукавом, лишь бы продемонстрировать последнюю модель коммуникатора на запыляе. На станции единственным свидетелем богатства Фрой был я, поэтому именно мне приходилось выслушивать рассказы о шикарных вечеринках, «роскошных девочках» и тому подобных вещах. Впрочем, я не возражал: Фрой умел шутить, с ним было весело. Смущала только одна странность – иногда он становился жутко рассеянным: мог приехать на работу в выходной или явиться в домашних тапках. В остальном он меня полностью устраивал как напарник.

В тот день к нам нагрянула посетительница. Это была довольно милая старушка, которая явилась на колымаге допотопных времен. Я открыл ей ворота и посоветовал сразу поставить машину на транспортировочную ленту.

Пока я обсточивал батарею, клиента рылась в бардачке и под сиденьями – вытаскивала то, что могло пригодиться: документы, ручки, какие-то лекарства. И все это время она откровенно кокетничала со мной.

– Очень рада знакомству. Мериадора, – старушка оправила воротник розовой кофты. – Какие обаятельные молодые люди здесь работают! Если б я знала это, то гораздо раньше передала бы подругу – она дважды стукнула пальцем по белому крылу авто – в ваши надежные руки! Пожалуйста, поддержите мою сумочку, пока я проверю багажник. Если, конечно, вас не затруднит.

В салоне на заднем сиденье я заметил переносную люльку с двумя годовалыми малышами. Укрытые синим одеяльцем, они спали.

– Внуки. Близнецы – сама удивляюсь, как похожи! Дочка позволила проехать с ними, а они уснули по дороге. Боюсь разбудить – так сладко спят! – двери в салон Мериадора прикрывала бережно.

Обсточив батарею, я на минуту отлучился в уборную, а когда вернулся, старушка оказалась взволнованной – сразу же стала наседать:

– Вы уж, пожалуйста, мне квитанцию выпишите вначале. Что я сдала личный транспорт как положено, все по закону. Без вашей квитанции мне скидку-то на новую машину не даст никто. Вот мне только для спокойствия и надо такой документ в руках держать, пока машина цела еще. Очень прошу.

Я повел Мериадору в офис, начал выписывать квитанцию, а она сидела на скрипучем табурете и ни на минуту не умолкала. То благодарила, то выспрашивала о ценах на машины, то опять принималась кокетничать. Мне вдруг почудилось, что за всеми ее словами и поведением стоит неутолимая жалоба, словно Мериадора по-доброму тянетса и тянетса к чему-то в людях, а никто ее не понимает до конца, а она оттого только тянуться больше начинает. Родных это, должно быть, утомляло в ней.

Закончив с квитанцией, я поднял взгляд от стола: Мериадора улыбалась, благодарила за внимательное обслуживание, а за ее силуэтом – в абсолютной тишине! за звукоизолирующим стеклом – ее белая машина уже ползла по черному языку транспортировочной ленты прямо в пасть ангара. Фрой запустил измельчитель.

Близнецы!

Опрокинув стул, я вылетел из офиса – тотчас навалился со всех сторон нестерпимый грохот. Я бежал через пустырь со всех ног, кричал Фрою, чтоб остановил ленту, махал ему. Но тот не слышал ничего из-за грохотания. Закинув ноги на панель управления, он смотрел совсем в другую сторону.

Слишком долго подниматься в будку. Не успеть, никак не успеть. Зато черный раскаленный ангар уже был совсем рядом. И пока я бежал к нему, то видел, как белый кузов скрылся за резиновой шторкой.

Внутри до барабанов измельчителя оставалось еще несколько метров в запасе. Времени могло хватить. Я бросился за машиной вслед, и черная лента, ползущая под ногами, помогала мне сейчас.

За резиновой шторкой кипело чистилище. От дьявольского непрерывного грома в груди дрожало, сами кости дрожали – все дрожало. Я оглох и ослеп там. В раскаленной тьме тревожно горел сигнальный фонарь – оранжево-огненным маяком заливал глаза, и чернота следом становилась еще черней, вздымались и падали тени. Однако машина была пока цела.

Я налетел на белый багажник и свалился, горячее полотно ленты потащило меня вместе с машиной к измельчителю. И все-таки можно было попытаться: задняя левая дверь – открыта, выхватить люльку и бежать оттуда.

Оранжевые всполохи озаряли внутренность ангара, точно клокотало пламя в драконьем зеве. Вскочив, я потянулся

к двери, но открыть ее не успел: чудовищные барабаны, усеянные шипами, со скрежетом и лязгом изжевали белый капот сразу наполовину. Машина от этого страшно выгнулась, подскочила в агонии и ударом крыла отшвырнула меня, скинула с ленты.

Несколько секунд я не мог дышать – налетев спиной, погнул поручень у края технической дорожки. Мне едва удалось подняться. А в это время барабаны измельчителя натужно скрипели и проворачивались в обратную сторону, чтобы отрыгнуть наполовину изуродованный белый корпус.

Я увидел заднюю дверь. Тут барабаны вновь неистово завертелись, окружающее потонуло в диком визге, громе. И все пропало.

Черная лента ползла, ползла. Мелкие обломки, детали, ранее с ужасом отскочившие прочь, одна за другой исчезали в бешеной круговерти шипов.

Мне приходилось держаться за погнутый поручень, чтобы не упасть.

Рев измельчителя спадал, затихал двигатель, только вспышки оранжевого света продолжали ослеплять глаза. Потом сигнальный фонарь погас.

Задыхаясь в черной духоте, наполненной запахом горячей резины, я на ощупь побрел к выходу. Спотыкался от слабости, от дрожи в ногах. В ушах звенело тонко-тонко, пронзительно.

Я выбрался из ангара. Снаружи было тихо и светло, как во сне.

Фрой покинул будку управления: спустившись по ржавой лестнице, направился ко мне. Он щурился от летнего солнца, вяло улыбался, на ходу тряс воротник рубашки, чтобы остудиться.

– А что ты там делал внутри? – его голос звучал как сквозь ватное одеяло.

– Близнецы.

– М-м-м? – сонный Фрой ухмылялся чему-то.

– Близнецы были в машине.

Он посмотрел на меня, потом внимательно пригляделся к старым автомобильным покрывшкам, которые валялись в пыли неподалеку:

– Да, были. Забудь о них, – Фрой вдруг рассмеялся и мягко похлопал меня по плечу. – Эй, чего такой напряженный? Не надо. Тебе не идет серьезным быть. Ты же классный обычно! На, взбрызнись.

Он вложил мне в ладонь прохладный бледно-зеленый баллончик.

Прошла минута, прежде чем я понял, что это такое. Это был наркотик. «Туман Авалона», о котором столько говорили в новостях. Маленький зеленоватый баллончик с запрещенным аэрозолем.

Мне стало ясно, наконец, отчего Фрой так часто бывал рассеян. Почему он приезжал в домашней обуви и забывал про выходные. Отчего был сейчас так спокоен, даже равнодушен к лютой смерти близнецов.

Он был под кайфом.

– Да не бойся ты, взбрызнись. Сразу все будет хорошо, отвечаю!

Фрой улыбался, а его крупные темные зрачки лаково блестели – влажно, счастливо, в колыбелью качающемся мареве полуяви-полусна.

Я плохо помню, что было дальше. Помню только, что мои руки стали очень легкими, будто в них совсем не осталось веса. Остальное тело тоже сделалось невесомым. Оно двигалось без моего участия – само. Как в некоем кошмаре, который снился кому-то другому даже, а не мне.

Когда все начало возвращаться на места, я увидел Фроя: он лежал посреди пустыря на спине. В самой пыли. Верхние пуговицы у его рубашки были оторваны. Фрой с застывшим огорчением и удивленьем на лице смотрел, не мигая, в небо. Его фигура с неловко подвернутой рукой, раскрытые глаза, само лицо – все в нем говорило: «Я же хотел как лучше».

От вида Фроя на меня навалилась такая непереносимая слабость, что даже стоять удавалось с большим трудом. И все-таки я каким-то образом миновал весь пустырь, открыл дверь офиса, прошел за стол. Мериадора с улыбкой сидела на прежнем месте, держала сумочку на коленях.

– Ваши внуки... – я не знал, как сказать.

– Уверена, они даже не проснулись.

Это уже было сверх всякой возможной меры. От слабости, от дикой бессмысленности всего происходящего вокруг у меня земля поплыла под ногами. Точно всюду, куда ни посмотри, совершается чужое и уродливое видение из лихорадочно-го бреда. Так не должно было быть – не со мной.

– Что?..

– Ваш друг был так любезен, что позволил мне оставить люльку в соседнем помещении – в жилом блоке, кажется.

Сказал, там звукоизоляция. Да и от кондиционера им немного прохлады будет. А то сегодня такая жара стоит!

Как я узнал потом, Фрой задохнулся. У него в горле нашли тот самый зеленый баллончик с наркотиком – «Туман Авалона».

Фрой умер от удушья. Это с ним сделал я.

Бьеран

Бьеран сидел в глубоком и удобном кресле. За окном шумел в жестяном водостоке холодный дождь, а здесь в камине потрескивали поленья, на дне бокала светился темным янтарем коньяк. Костюм уже вернули из прачечной, и теперь он – отпаренный, чистый – смотрелся даже лучше прежнего.

Начальник тюрьмы Гвинорд, плеснув коньяка и себе, произнес:

– За нашего гостя.

Бьеран глотнул согревающего напитка, улыбнулся. «Лебези, лебези. Самое время». Однако начальник тюрьмы – этот полный, седоусый мужчина с неспешной и уверенной манерой держаться – отнюдь не выглядел заискивающим. Узнав о том, что произошло возле учебного корпуса, он был досадно удивлен, деловито обеспокоен. Но та суетливая угодливость, которую очень хотелось увидеть Бьерану, в нем так и не проявилась.

– Похоже, после того, как Министерство духа рассекретило наш центр, охрана утратила прежнюю бдительность. Ну, эту проблему мы легко решим. Проведем внутреннее расследование, выявим ошибки в работе службы безопасности. Тем более, все необходимые видеозаписи у нас есть.

Чтобы скрыть волнение, которое появилось от этих слов начальника тюрьмы, Бьеран, глядя в угол кабинета, потрясенно покачал головой:

– Он набросился так внезапно, и столько ненависти было во взгляде... Даже не верится, что человек может быть таков. Я не ожидал...

– Действительно, все это весьма неожиданно. Каждый бенефициар получает ровно тот уровень свободы, который соответствует его... темпераменту. И решение такое выносят не абы как, а на основании множества тестов и глубинных исследований его психики. Повторюсь: мы проведем внутреннее

расследование. – Гвинорд улыбнулся в седые усы. – Рад, что вы не пострадали. Предлагаю вам пока не покидать центра: переждите дождь у нас. Тем более он скоро закончится, если верить прогнозу.

– Спасибо, почтенный! – взбодрившись, журналист сел в кресле прямо. – Накануне инцидента я беседовал с уважаемой Велидой и с отцом Назариеном. Но для полноты интервью хотелось бы выслушать именно вас.

– Если это необходимо, пожалуйста.

– Да-да, в форме свободного диалога!

– Вы забыли включить диктофон.

– Ах, да... Вот. Теперь все готово.

Гвинорд плеснул журналисту еще коньяка, зато себе налить не стал:

– Ну, если в форме свободного диалога... – он поставил бокал. – Самое страшное преступление большинства из нас – это уклонение от уплаты налогов. Только не вздумайте выдать это в новостях «Инфоникл» за мое чистосердечное признание – я от налогов не уклонялся! – Гвинорд, улыбаясь и хмурясь одновременно, погрозил журналисту пальцем. – Так вот, простые люди никогда не вламывались в чужие дома с автоматами наперевес, не забивали насмерть своего соседа топориком для мяса, не пытали детей на глазах у родителей, чтоб те выдали код от сейфа. Но знаете, именно простые люди как раз и обладают редкостным самомнением. Дико гордятся своей непорочностью! Им кажется, будто она дает им право быть заносчивыми, судить других и притом судить очень строго. Сколько презрения, сколько священного гнева обрушивается на наших бенефициаров – вы и представить не можете. А с каким наслаждением и чувством собственного достоинства простые люди думают: «Вот я б такого никогда не сделал!». – Гвинорд устроился в кресле за столом. – Сделал бы. Каждый. Просто большинству посчастливилось не оказаться в соответствующих тому условиях.

Помедлив, начальник тюрьмы нажал кнопку на коммуникаторе:

– Пожалуйста, можно нам кофе организовать? Спасибо.

Некоторое время он глядел на Бьерана, затем мелко покивал:

– Это мое личное мнение. А если говорить о деле, я понимаю, чего хочется журналистам. «Деньги! Порядочных налогоплательщиков! На содержание кого они идут?!». Это

все понятно. Но ведь вас не возмущает, когда часть государственного бюджета расходуется на образование. И вы не презираете человека за то, что он изучает ландшафтный дизайн, не мстите ему. А ведь наш центр – это такая же сфера, как образование или медицина, к примеру.

Секретарь внесла кофе на подносе, и несколько минут ушло на звяканье ложечек, стук сливочника о поднос и хруст печенья. Вытерев седые усы салфеткой, Гвинорд снова обратился к журналисту:

– Знаю, что вы скажете. Зачем оплачивать целую армию одних только психологов с узкой специализацией. Ну вы же с переломом к проктологу не идете, верно? Так почему кражами, убийствами и халатностью должен заниматься один и тот же специалист? Только поймите меня правильно: я сравниваю нашу сферу деятельности с медициной и образованием лишь постольку поскольку. Наш центр создан вовсе не для того, чтоб заниматься «наказанием», «исправлением» или каким-то там «просветлением». Наказания по сути своей не эффективны! Вот поэтому-то мы здесь занимаемся именно ресоциализацией. И ничем иным.

Журналист недовольно поерзал в кресле, Гвинорд заметил это движение:

– Вижу, вы не согласны?

То ли сказался выпитый коньяк, то ли стресс от недавнего столкновения с заключенным еще не отпустил, но у Бьерана вдруг вырвалось:

– Мне кажется, все это – какая-то прекраснородушная позиция Министерства. Не будь я знаком с министром лично, заподозрил бы его в наивности! Объясните мне, какая ресоциализация? Я бывал в тюрьмах – к счастью, в качестве корреспондента. Но даже при таком поверхностном осмотре, не сомневайтесь, увидел достаточно. Убийца, который гордится тем, что он убийца! Разве можно тут говорить о ресоциализации?!

– Можно. Даже нужно. И до тех пор, пока человек жив, – она идет. Своим ходом или при участии специалистов нашего центра, но идет в любом случае. – Гвинорд откашлялся. – Лучше попробуйте разобраться в другом: гордый человек-убийца, о котором вы говорите, разве он – не есть следствие той исправительной системы, которая уже показала себя во всей красе? – Начальник тюрьмы приподнял кофейник. – Вам кофе еще налить?

Тучи сыпали серой водяной пылью – дождь продолжался. Однако гром, пророкотав еще несколько раз, убрался куда-то за горизонт и пропал совсем.

В пустынном парке прошлогодние листья мокли под голыми деревьями. На коричневых ветках дикого винограда, оплетавшего беседку, собирались крупные студёные капли. Кругом было так тихо и промозгло, что можно было принять это время за позднюю осень. Только луковицы тюльпанов, укрытые под землей, знали – это начало весны, и постепенно просыпались.

Канхар

Сенсей уже был в додзе возле стойки, на которой дожидались своего часа медово-золотистые бамбуковые мечи. Немолодой лысеющий мужчина в темных штанах хакаме и куртке кэндоги, с бледными руками, покрытыми рыжими пигментными пятнами, он напоминал восточного духа – такого же древнего, как то искусство, которое он преподавал.

Под его руководством я должен трижды в неделю заниматься японским фехтованием кэндо. Эти занятия – как и все остальное – продиктованы терапией. Думаю, кэндо мне выбрали из-за жесткой дисциплины.

Я выполнил ритуальный поклон при входе и направился к сенсею, чувствуя босыми ступнями прохладу деревянного пола. Извиняться за опоздание не пришлось – один скупой жест бледной ладони остановил меня:

– Мне сообщили, что произошло.

Глядя на бамбуковые мечи, я попытался объяснить:

– Сам не понимаю, как это вышло. Я хотел только...

– Не нужно чувствовать себя виноватым. Агрессия – это хорошо.

На миг показалось, что сенсей перепутал меня с другим бенефициаром и придерживается сейчас чужого курса терапии. Но он продолжил:

– Агрессия, также как и страх, призвана защищать нас. Человек не способный и бороться, и отступать – быстро погибнет. Беда в том, что мы не умеем контролировать эти чувства или направляем их по ложному руслу. Совладать с ними поможет медитация. Присаживайся, Канхар.

Сложив руки на коленях и держа спину прямой, я пытался последовать его совету, но ничего не выходило. Моей

медитации недоставало сосредоточения – мешали воспоминания, мнущиеся в голове.

Велида в сером платье, бегущая через парк под дождем. А вот Фрой лежит на спине и безотрывно смотрит в пустое небо. Плачет мама и отвешивает мне пощечины одну за другой. Нет, медитировать сегодня не получается.

Одно хорошо: из всего предписанного терапией, занятия кэндо мне, в самом деле, искренне нравятся. Поэтому, даже когда все закончится, и можно будет навсегда покинуть центр, я не выпущу из рук бамбукового меча.

Бьеран

Бьеран шел по аллее к широким воротам вместе с Велидой. Она сама вызвалась проводить, однако до сих пор подавленно молчала.

Тучи растаяли, и теперь весеннее солнце сверкало в лучах, бросая колеблющиеся бледно-лимонные блики на стволы деревьев. Светлые ветви покачивались на ветру, в них синими лоскутами проглядывало небо.

– А что вы сделали с тем заключенным? – первым заговорил Бьеран. – Это так необычно. Клянусь, уважаемая, вы были похожи на некую чародейку, которая остановила зверя с помощью волшебного слова!

– Волшебного? В таком случае, это было злое волшебство. – Велида с горьким сожаленьем отвела взгляд. – Я ведь говорила, систем контроля здесь хватает. Это сработала одна из них: та, что была вверена мне на крайний случай... Не следовало применять ее, я просто очень испугалась. – Ступая по мокрым плитам, женщина теперь понору смотрела под ноги. – Одним этим словом «Авалон» я перечеркнула несколько месяцев сложнейшей работы. То, над чем трудился сам бенефициар, я и все остальные сотрудники центра.

Журналист помялся:

– Жаль, что так вышло.

Вот, они остановились в конце аллеи возле проходной.

– Что ж... Был рад знакомству, уважаемая Велида!

Она только кивнула в ответ.

Некоторое время Бьеран смотрел, как женщина направляется к белым зданиям с сияющими на солнце окнами. Затем он шагнул за дверь – впереди ждал пост охраны и еще одна, последняя проверка.

Оказавшись за стенами центра, Бьеран снял очки. Минутой ранее охрана скинула для него информацию с диктофона на кварцевый кристалл. Теперь все незаконные файлы с тайной видеокамеры журналист переместил туда же – без остатка. Хмурясь, покатал кристалл на ладони.

Бьеран остановился у края моста, который был переброшен через декоративный канал у входа в центр. Внизу – после недавнего дождя – шумел грязновато-глинистый поток. Совсем мелкий, он весело бурлил на камнях, сверкал крохотными волнами, нес веточки и разный сор. Однако журналист, глядя на бегущую воду, был мрачен и задумчив.

Только теперь ему стало ясно, почему шеф был так щедр на посулы: «Если подготовишь разгромный материал, отдам социалку под твое начало». Журналист пнул парапет, досадуя на самого себя, на свою наивность. «Почтенный Бьеран – глава отдела социальный новостей «Инфоникл»... Ага, держи карман шире! Купился как мальчишка... Шеф с самого начала знал, какая здесь охрана. И знал, что ничего мне здесь не нарыть. Притом ничем не рисковал даже: найду я ему компромат – отлично, не найду – сам виноват! Зато мотивация сотруднику обеспечена – ведь за такую-то должность я землю носом рыть буду... Вот и работай после этого на благо редакции».

Бьеран еще раз мысленно пробежался по впечатлениям от своей экскурсии в новую тюрьму. «Нет там ничего. Людям-то они, может, помогают, да только что мне с того?». Как вдруг вскипел: «А если бы тот заключенный меня, в самом деле, придушил? Что, если б Велида не успела?! Вот уж за такой информационный повод в редакции бы точно ухватились! Как же! «Сотрудник «Инфоникл» был убит при исполнении служебных обязанностей». Естественно: «Помним, скорбим», «Приносим соболезнования». А главное: рейтинги – выше крыши!!! Пристальное внимание аудитории! И – деньги, деньги!».

Бьеран с размаху швырнул кристалл в грязную воду канала. «Вот вам – сенсация! Ясно?!». Он стоял на мосту и с негодованием вглядывался в глинистые волны, тяжело сопел.

Но спустя некоторое время Бьеран с еще большей досадой понял, что, наверное, погорячился. «А может, в той оранжее все-таки было что-то стоящее? Какие-нибудь наркотические растения... Да и видео с нападением могло пригодиться: если правильно обрезать, да преподнести аудитории под нуж-

ным соусом...». И чем дольше он размышлял над этим, тем больше убеждался, что напрасно выбросил кристалл! В конце концов, возвратиться в редакцию с пустыми руками – это было свидетельством полного поражения.

Вскинувшись, Бьеран огляделся по сторонам. Красный от стыда и раздражения, он торопливо спустился с моста на пологий берег канала. Там журналист разулся, снял носки и принялся закатывать брючины костюма, недавно вышедшего из прачечной.

Вот он походкой канатоходца осторожно побрел вперед по дну. К счастью, воды было только по щиколотку. Бьеран убеждал себя, что течение здесь слишком слабое и мелкое – оно не могло унести кристалл.

Наконец, он добрался до того места, куда по его подсчетам упало кварцевое сокровище. Бьеран, низко согнувшись, принялся обеими руками рыться в илистой грязи. Вытаскивал на свет мелкие камешки, затем брезгливо отбрасывал их прочь. Голые ступни леденели в бурлящем потоке, промокшие манжеты неприятно липли к запястьям. С тротуара за Бьераном изумленно наблюдали прохожие, но он продолжал перекапывать дно и бормотал:

– Нет, он здесь. Он точно здесь... Стекло, черт!.. Да где же он?..

А глинистые волны бежали вперед, подставляя спинки весеннему солнцу.

БЫЛИ СТАРОВОГО АРЫКА

Предисловие

Когда я садился писать по настоятельной просьбе своих односельчан эту повесть реальных событий из жизни своего посёлка, времён 50-х – 60-х годов прошлого столетия, хотелось, чтобы всё получилось. Правда, здесь примешалось немножко мистики, которая зародилась благодаря склерозным неточностям, размазанным временем.

Мы были первое послевоенное поколение, которое берегли и любили. Свобода, дарованная нам родителями и школой, зашкаливала за разумность и порождала вседозволенность, соизмеримую с безумством.

Этот цикл рассказов назвался сам по себе – «Были Старого Арыка» – потому что жизнь всех мальчишек посёлка была сосредоточена на берегу канала, который по-азиатски именовался Арыком. Он был одним из главных снабженцев воды нашего села Ленин-Джол, по велению времени вернувшее старое имя Массы в 90-е годы. Посёлок находился на трассе, по которой можно было попасть в Джалал-Абад, в Андижан, Майлисай и даже, по автомобильной тропе в столицу Родины – Фрунзе. Это была окраина Ферганской долины, переходящая в предгорья Тянь-Шаня, где на отвесных скалах проходила первая самостоятельная школа скалолазания.

Мы были «дельфинами» своего края. При Арыке шла вся свободная от школы жизнь: в нём купались, ловили рыбу, пускали корабли, учились дышать под водой, охотились на ондатр, испытывали в нём самодельные водолазные костюмы и бомбы из карбида и пороха. А зимой, если удавалось каналу

замёрзнуть, можно было промчатся по льду на самодельных лыжах из проволоки.

Перед тем, как совершить обычный в таких случаях ритуал: «взглянуть на лист бумаги и удостовериться, как он чист и бел...», решил посмотреть, что о моей Родине знает интернет. Набираю «Ленин-Джол». Компьютер выдаёт массу информации о вожде мирового пролетариата – Ленине, и голливудской актрисе Анжелине Джоли. Имя её мне мало что говорит, из-за нелюбви к современным иностранным фильмам. Но в памяти отложилась статья в одной из газет, где говорилось о страховой компании, в которой эта дива застраховала свои губы. Сумма превышала стоимость всего недвижимого имущества моего родного посёлка. Но всё-таки нахожу несколько страниц, благодаря известным людям, вышедшим из села. Это – посол Кыргызстана в России Чиналиев Улукбек Кожомжарович. Бывший нападающий Московского «Спартака» – Валерка Мирзоев, с которым я имел честь гонять мяч на самодельном стадионе. Рядовой 333 стрелкового полка Махотин Сергей Алексеевич, погибший в первый день войны при защите Брестской крепости. Мэр города Бугуруслан – Виктор Жуков, и, конечно, мой одноклассник и друг – Ниязов Мирслав Джумабекович – бесстрашный генерал, самый справедливый политик современного Кыргызстана. Это не праздные слова, потому что я знаю его с детства. Знаю его последние годы, когда он во времена междоусобной бойни, охватившей Ошскую область, шёл под пули и спасал земляков, собрав отряд самообороны из своих боевых друзей. Когда Ниязов со своим отрядом пришёл в село, все вздохнули спокойно: «К нам пришёл Ниязов Мир – значит, будет мир!»

Благодаря паучье хватке интернета удалось объединить земляков, которых судьба и «политическая дурь националистов» разбросала по просторам планеты. Все! Да, абсолютно все при слове «Ленин-Джол» смахивают влагу с тоскующих глаз, которой не стесняются. Нам есть о чём помнить и грустить.

Последний раз я ездил на свою Родину в 2001 году. С новым веком начиналось Новое время – без Родины, которая есть, но стала «зарубеьем». На границе с Узбекистаном даже буквенный шрифт, указывающий название посёлка Маданият, был чужим. Молодые пограничники никак не могли поверить,

что я еду на Родину и что я мог родиться в селе Массы. Им была неведома жизнь при СССР, когда в глубине Ферганской долины жили люди, более 100 национальностей, которые не знали распрей и ссор, не делились по национальному признаку и говору. И что ехал я просто так, чтобы посмотреть и проститься, опечалив свою память угрюмым словом «Навсегда!».

Уже потом, когда начнут выходить мои книги и один из критиков назовёт Санкт-Петербург моей «второй родиной», я не мог простить кому-то лишения меня единственной Родины и присваивания мне второй, примечательной лишь тем, что я там временно жил. И даже созвучие приставок в словах «ЛЕНИН-джол» и «ЛЕНИНград», претерпевших изменение своих имён в одно и то же время, не даёт право увязывать эти два понятия в единую связь. Да! Я во многих местах жил временно, но только на Родине, в маленьком селении Ленин-Джол, которому вернули прежнее имя «Массы», я живу даже тогда, когда меня там нет! Двух «Родин» у человека не может быть. Ни «больших», ни «малых». Только там она есть, где осознал первое чувство жизни и обрёл понятие, что ты – человек! Первое окружение: будь то ствол корявой урючины или первая грязь из тёплой лужи, куда впервые упал лицом, должно составлять начало мира, в который ты вошёл. А уж последующие тобою срубленные щепки от «урючин жизни» и «всепоглощающую грязь» чужих стран и городов можно сопоставлять с Родиной, где родился.

Если пришлось бы заполнять анкету жизни, на вопрос «Кто или что было главным в детстве, предопределив последующую жизнь?» ответ был бы прост: «Арык!»

АРЫК

Кто жил в Средней Азии, знает цену воде. Она ценится дороже всех богатств и по святости стоит на одном уровне с хлебом. Главной водной артерией, которая протекала на окраине нашего села, являлась горная река Эски-Массы-Сай. Она была устьем всех ручьёв, проток и канав, которые перерезали село, будто старческие морщины измученное лицо. В переводе с тюркского языка словосочетание «Эски-Массы-Сай» довольно точно характеризовало этого «монстра» – «Старая, Пьяная и Дурная протока». Поэтому и текла она далеко от жилых домов, надсадно воя от спеси тающих ледников, которые

плавилась на вершинах Ферганского хребта. Его красивый излом был близок к солнцу, и лёд таял на нём, словно курдючный жир на раскалённых углях из арчёвых поленьев.

Кишлак «Массы» был переименован в село «Ленин-Джол» в конце 20-х годов прошлого столетия. Может быть, от сильной любви к Великому вождю назвали его «Ленинской дорогой» или сменили имя из-за неблагозвучия, которое резало трезвому народу слух – сказать трудно. «Массы» – переводилось, как было сказано выше, Пьяное. Но «Пьяное» село было названо по имени реки, характер которой можно было сравнивать лишь с необузданностью неуправляемого алкоголя.

Мы именовали его «Наш кишлак». Жили в нём десятки национальностей, но никто не разбирался в этносах, и существовали мы все единой семьёй. Утром, с украинцем Серёгой уходил к киргизу Малику, заходили к узбеку Тахиру и шли к еврею Жорке, попутно заглянув к осетину Сафару и корейцу Косте. У Жорки матери не было, и его отец орудовал по хозяйству сам. Рассаживал нас по траве в густом саду на берегу небольшого канала, на азиатский манер называемый Арыком.

Название «Арык» произносилось с большой буквы, потому что он – источник всему живому нашего края, мы были обязаны жизнью воде, которую доставлял этот глиняный канал, вырытый потомками Тамерлана и Улукбека на землях древней Ферганской долины. Жоркин отец выносил нам ведро компота и строго предупреждал, чтобы косточки от сваренных фруктов мы не бросали в Арык. Мы это знали и без него. Все дети с малолетства были приучены трепетно относиться к воде и хлебу. Мы знали, что в воде могут быть перемешаны только земля и песок, и поэтому пили эту воду без опаски, фильтруя её через случайную тряпку. Помыть машину в реке, тем более, слить в неё мазут или нечистоты, – было немыслимо. За это деянье даже не было придумано наказание, потому что все знали – такого никто не совершит! За более мягкий проступок – воровство, ещё пятьдесят лет назад просто отрубали ту руку, которой было совершено злодеяние. Естественно, после экзекуции она более не творила плохих поступков. Но самое страшное преступление – осквернение воды – никто никогда не совершал. И люди не умели наказывать за такое деянье, потому что его не существовало в природе.

Несмотря на небольшие размеры, Арык был полон жизни. В нём водились рыбы, земноводные и пресмыкающиеся. Из млекопитающих на летний период в нём обосновывались мальчишки села, большую часть суток проводя в воде. По тонким стеблям камыша прыгали разнопёрые птицы. Иногда из прибрежных кустов слышались громкие всплески – это приبلудные ондатры баловали нас разнообразием. Взрослые люди говорили, что эти мускусные крысы охотятся на кур и уток. Вооружённые рогатками, мы долго таились в засадах, выслеживая осторожного хищника. Получив в лоб заряд из простого округлого камешка, ондатры исчезали на некоторое время, забывая о «куриных окорочках». Особенно сейчас удивляет то обстоятельство, что рыбы в этом небольшом канале водилось много. Чтобы она не попала на поля, где её ждала гибель от безводия и клювы голодных грачей, внимательные мирабы ставили плетёные сеточки из тонких веток вербы. Про змей, которые приползали с полей и близлежащих холмов Тянь-Шаньских отрогов, ходили страшные легенды и истории. Они, в основном, рассказывались взрослыми людьми. Дети же знали, что безобидные гады страдали от человеческого невежества намного сильнее и чаще, чем люди от них. Неоднократно попадались истерзанные и порубленные лопатами и кетменями тела ужей и гадюк, пути которых неосторожно пересекались с человеческими тропами.

Каждую весну, как только солнце высушивало зимнюю сырость, начиналась чистка Арыка. Мусора в нём не было, кроме прошлогодних листьев, веточек, отмерших кореньев, и поэтому главной работой было углубление Арыка, освобождение от наносов песка и ила. Дома стояли близко друг от друга. Чистильщиков было много, и ни один дом не оставался без гостей. Хозяева радовались, если у них обедали или просто пили чай больше народа, чем у соседа. Это была простая радость гостеприимства, потому что народы Ферганской долины никогда не знали зависти, жадности и зла.

В летнее время Арык становился своего рода холодильником. В нём охлаждались арбузы и дыни, которые во время жары становились вкусным источником утоления жажды или просто обедом с тандырной лепёшкой. В плетёных сеточках остывала водка, вкус которой в этих краях узнали только после возвращения фронтовиков с войны. Но предпочтение отдава-

лось прохладному напитку, остужённому водою Арыка. Это питьё состояло из сухой заварки зелёного чая. А делалось оно особым способом: в обычную стеклянную банку, которая ставилась в канал, наливалась простая вода из колодца, бросалась щепоть сухой заварки, все интенсивно перемешивалось. Вкус его оставался естественным, не прошедший термической обработки горячей водой.

Самым опасным местом, наводившим страх, считался небольшой участок Арыка, над которым почти смыкались густые ветки верб. За завесой тонких и густых листьев, зелёных до синевы, жил таинственный дед. У него была длинная и седая борода. Он был очень сильно похож на Льва Толстого и за глаза его называли коротким именем библейского персонажа – Бес. Напротив его косоного и серого домишки, под тёмными тенями чёрной воды, казалось, глубина была невероятной. Ходили слухи, что именно в этом маленьком закутке утонули две коровы и верблюд, пришедший с бродячим цирком. И будто бы в этом омуте дед топил молодых ведьм, предварительно опоив их соком, приготовленным из колючек репья.

Местным пляжем считалось место у дома бабки Груни, по прозвищу Яга. Купание в этом месте было настоящим испытанием для нас, потому что старуха всегда была вооружена метлой и, чтобы увернуться от ударов, нужна была сноровка, которую мы и получали на экстремальном пляже. Бояться мы тогда ничего не умели. Нас любили. И даже хлёсткие удары метлой по спине мы принимали за уважение к детству.

Самыми запоминающимися людьми в детстве становятся взрослые, которые соприкасаются с ребенком в период становления и воспитания, только если правильно это делают. Например, милиционера Марока, который гонял нас за изготовление поджигов и езду на велосипеде по тротуарам, сейчас, с высоты прожитых лет можно считать главным воспитателем. Его уроки могли бы лечь рядом с трудами Антона Макаренки и дополнить известную «Педагогическую поэму».

Но самым незабываемым, конечно, останется бессменный директор нашей школы Ниязов Джумабек Ниязович. Уже деды, когда-то воспитанные им, приводили к нему своих внуков с уверенностью, что отдадут их в настоящие руки великого педагога. Джумабека Ниязовича уважали все, от самого отъявленного базарного шалопая до высоких кабинетов республиканского значения.

Трудовой семестр, который охватывал первую четверть учёбы и закалял нас, приучая к тяжёлому труду хлопкороба, сейчас осуждается, его называют «эксплуатацией детского труда». Я уверен, что все скажут «спасибо» этой жизненной школе на полях колхозов, научившей нас не бояться трудностей.

Эталоном доброты остался молодой узбек Шарабара, изувеченный войной, живущий с постоянной болью, но сохранивший человеколюбие и сердечность. Таинственным героем так и ушёл в неизвестность угрюмый мельник, не оставивший даже своего имени. А бывший штрафбатовец – дядя Миша, учивший, «как убивать рыб, чтобы им не было больно», помогал нам познавать и любить технику. В самом притягательном месте – колхозной МТС (машинотракторной станции) бывшие фронтовики учили нас «становится мужчинами» – показывать взрослость не методом первых затяжек папиросками, а поступками. Божий человек – Тешевай, всю жизнь проходивший в кирзовых сапогах и не постаревший лицом, как рассказывали очевидцы, ушёл в «мир иной» с улыбкой. Собаки – эти «последние ангелы на Земле», принимавшие его за своего вожака, до сих пор спят на его могиле, охраняя покой «земного херувима».

В детстве даже мечталось: «А, если плыть по нашему Арыку, можно ли добраться до океана?». Потом я узнал, что дальше Аральского моря я бы не продвинулся. Остался бы в этом «тупике», который будет обижен человечеством, уничтожившим единственное море Средней Азии, сделавшим его пустыней. Через много лет сам стану свидетелем этого апокалипсиса. В 1998 году в составе гидрогеологической экспедиции попаду в пустыню Аралкум. Среди соли и солнца буду отчаянно ковырять голыми руками и ногами горячий песок бывшего морского дна, веря в то, что случайно соприкоснусь с песчинкой, которая когда-то жила в нашем Арыке сорок лет назад.

Не хотелось верить, что сорок лет назад вода из нашего канала уже не доходила до моря, – она умирала где-то на половине пути, отдавая последние капли виноградной лозе Хорезма или хлопковому кусту на Каракалпакских полях.

Не осталось ничего от Советского Союза, кроме памяти из железных крестов о родившихся и почивших на этой земле христианах, как напоминания о великой дружбе народов. Канал превратился в канаву. Дно у Арыка давно никто не чистит, и оно поднялось вровень с землёй, и только худая лягушка может проползти там, где мальчишки ныряли, показывая друг перед другом свою удаль и храбрость.

Река Эски-Массы-Сай утратила свою спесь и необузданность. Люди своим «покорением природы» «вылечили» её от буйного нрава. Ледники на вершине Ферганского хребта уже не блестят. Их вытопил грязный и просоленный воздух. Когда-то многоводная река стала похожей на околевающую овечку, жизни в которой осталось на день-два. Воды в ней сейчас течёт меньше, чем вылилось слёз в период мятежей по Ферганской долине в конце XX века. И имя ей сменили на тихое и нежное Алаш-сай. Новое название даже приближённо не напоминает о прошлом и переводится слишком слащаво – «Красивая». От нового имени красоты не прибавилось.... Только вдалеке виднеется старенький домик, в котором когда-то жил добрый человек – Шарабара, а рядом с ним стоит кибитка местного святого – Тешевая.

ШАРАБАРА

Лето варилось в огне Ферганского солнца и жило своей среднеазиатской неугомонной жизнью. Казалось, что вскипевший воздух испарился, оставив горячую смесь, которая обжигала язык и гортань, когда её втягивали лёгкие. Взрослые люди ворчали на тягостный зной, лежали в широких тенях нависающих виноградников и чинар, выпивая вёдра горячего зелёного чая, который своей высокой температурой гасил жаркий день. Нам же было хорошо. Протекающий рядом с домами небольшой канал, который все называли «Арыком», заменял нам все жадные мечты об озёрах, широких реках и тем более морях, о которых мы только слышали и плохо представляли такое количество воды – где не видно другого берега. Мутноватая вода цвета гнилой соломы доходила лишь до пояса. Её мокрая прохлада была вершиной блаженства.

Издали послышался певучий голос:

– Ша-а-а-ра-ба-а-а-а-ра! – он сразу остановил возню, и вмиг сделалась безгласная тишина. Было слышно, как тихая вода обтекает тела и нежно мурлычет в маленьком водовороте за спиной. Повозка старьевщика еле втискивалась в узкую улочку, которую с одной стороны подпирали высокие кусты роз, а с другой высилась насыпная плотина Арыка.

Закричали все: «Шарабара! Шарабара!» и бросились к своим тайникам, вытаскивать припасённые товары для обмена.

Весь седой, с трясущейся головой и пустым правым рукавом, узбек весело кричал свой позывной, срывая с самых срочных дел всю ребянтю нашего кишлака. Имени старьевщика никто не знал, все его так и звали – Шарабара. Его постоянно трясущаяся голова, будто бессловесным своим киванием соглашавшаяся со всем, что происходило в этом мире, была всегда опущена. Нам он казался дремучим старцем. Война, которую прошёл этот парень и тридцать лет, прожитые им, подняли его на недостижимый уровень, до которого, нам думалось, мы никогда не дорастём.

«Шарабара»! Сколько было притягательного в этом призыве старьевщика. В его «волшебном» ящике, который стоял посередине арбы, хранились самые сокровенные и недостижимые в другом месте вещи. За некоторые нужно было отдавать всего лишь найденную пустую бутылку или банку, старую телогрейку, которую бабушка выбросила из-за ветхости, или рваное одеяло, предназначенное для любимого пса. Но пёс – свой, я ему натаскал нежного, пахнущего птицами сена. А резина для рогатки, которая имела только у Шарабары, была нужнее удобного лежбища для собаки.

– А ну, не толкайтесь, ишак засмеётся и упадет! – шутил Шарабара.

Маленький ослик, который был ниже огромных колёс арбы, смешно поглядывал на нас и скалил выпуклые зубы, зелёные от щавеля, которым его кормили девчонки. Они не участвовали в массовом обмене, хотя для них у Шарабары имелись красивые стеклянные бусы и брошки. Девчонки считали, что украшения, выменянные на старую мамкину кофту у старьевщика, не подходили к статусу местных красавиц. Они чувствовали, что их изящество, которое формировало азиатское солнце, достойно большего, чем стеклянные бусы. Носить их на своих тонких, загорелых шейках они считали слишком де-

шёвым занятием. Уже в своём детском возрасте они мечтали о бриллиантовых серьгах, пусть даже вставленных в ноздрю, как в индийских фильмах.

Дошкольники меняли, в основном, пустые бутылки на свистки, вылепленные местными умельцами из горной глины, которая добывалась на близком Ферганском хребте. Испытания проходили сразу. В свистульку заливалась вода, и соловынная трель неслась из глиняного зева птички. Этих изделий хватало на один-два дня. В суматошном беге детских буден глиняные поделки кололись быстро. И сразу же начинался поиск новой тары, которая пряталась в тайнике до следующего посещения Шарабары.

Я принадлежал к среднему поколению детства и, отодвинув на правах старшего свистящих малышей, подал с достоинством бывалого менялы старое одеяло и две пустые бутылки.

– Мне резины на рогатку и, если хватит, тогда и кожи для пяты.

– Зачем спрашиваешь «хватит»? Всегда «хватит». На всё «хватит».

Старьевщик открыл сундук и вытянул длинные жгуты резины, которых хватило бы на катапульту времён Чингисхана для метания больших стрел.

– Какой покажи. Сколько покажи. Кожу покажи.

От такого богатства разбегались глаза. Я указал на желтую широкую резинку.

– Эту!

Шарабара ловко, не разрезая длинной полосы, одной рукой смотал его и, поковырявшись в ящике, протянул кусок настоящей кожи вместе с шерстью, остаток которой можно будет использовать на ляггу.

– На. Здесь на три рогатки будет. Стреляй, только не попадай в птиц.

Рогатка мне нужна была не для убийства воробьёв и лягушек, а для тренировки меткости. Уже тогда я знал, что мужчина должен хорошо стрелять. Может и не пригодится убивать кого-то, но держать в руках оружие, пусть даже пока рогатку, он должен уметь.

Мальчишки постарше толпились в стороне и спокойно ждали, пока младшие получали свой товар.

Потом они отгоняли всех и начинался профессиональный торг, выбор трубок для поджигов, спор о преимуществе бездымного пороха и отличиях гусиной дроби от шестого номера.

За этот «крамольный товар» Шарабару ругали все: начиная от участкового Мороки и кончая учителями школы. Из медных трубок мальчишки делали огнестрельное оружие и стреляли из него в добрых птиц. Но капризное счастье было на стороне пернатых, и за последние годы ни одна птица не пала от хаотично вылетающих пуль из самопалов. Даже попасть в мишень, расчерченную циркулем на тетрадном листке, с пяти шагов было вершиной меткости. Но мальчишек привлекал не акт убийства вороны или воробья, не пробитый белый листок, а ощущение тяжести оружия, лёгкий толчок от выстрела и свист вылетающей пули.

Повозка менялы уже имела вид огромного воза, где по периметру вокруг ящика была разложена тряпичная рухлядь, между которой лежали разномастные котомки с пустыми бутылками и банками.

– Кто забыл менять у Шарабары «ненужные вещи» на «нужные вещи»? – кричал старьевщик.

Взрослые очень уважали этого прострелянного на войне однорукого и контуженного молодого парня, но считали его занятие недостойным для дехканина. Они понимали, что управляться с мотыгой он не сможет, да и тело, которое постоянно били конвульсии, не приносило ему покоя. Его деятельность осуждали особенно старухи, у которых после приезда Шарабары исчезали не совсем старые домашние вещи. Куда они перекочёвывали, было догадаться нетрудно, и поэтому вся вина ложилась на безвредного старьевщика, хотя он всегда спрашивал у мальчишек:

– Почему совсем новый пиджак меняешь? Родители знают?

– Да, его папка выкинул. Вчера прямо у дверей бросил! – оправдывался обменщик, сваливая вину на пьяного папашу.

Часто к арбе подходили взрослые, но не для обмена, а поискать пропавшие вещи. Находили. Шарабара отдавал их сразу, не требуя возврата обменённого товара – этим и пользовались некоторые мальчишки. А хороший нагоняй, а то и порка солдатским ремнём по испытанному заду, которую они получали впоследствии дома, вполне компенсировала полученное маленькое счастье, выраженное в виде воздушного шара, выдутого из медицинской соски и раскрашенного цветной глиной.

– Ну, все поменяли? – крикнул Шарабара.

– Все! – загалдели мальчишки.

– А ну стели стол, – с этими словами старьевщик кинул к кустам старое покрывало, которое когда-то ему принесли на обмен.

Мы уже знали, что сейчас будет что-то интересное. Шарабара никогда просто так не уезжал. Однажды он даже показывал фокусы. Ему было трудно управляться одной рукой, но он ловко манипулировал горсткой камешков, которые исчезали в его ладони и появлялись вновь. А как-то он объявил, что будет факиром. Стоявшего около арбы старшего мальчишку он попросил зажечь спичку, а нас всех – отойти подальше. Когда спичка вспыхнула, он дунул на неё и огромный сноп огня полыхнул из его рта. Это зрелище запомнилось нам особо. Но сколько мы не просили повторить его, он отшучивался, говорил: «Топливо кончилось!».

Скатерть была постелена. Шарабара вынул из сундука огромную дыню. Потом ещё одну, и ещё одну.

Резал он их сам. Его нож был так остёр, что дыню никто не придерживал. Она лежала на скатерти и тонкое лезвие ножа свободно, будто прутиком воду, делило дыню на ломтики.

Шарабара нас любил. По законам Азии, он должен был давно иметь много своих детей, но у него не было жены. Его контузия, увечье или другие причины делали его одиноким. Хотя, в послевоенные годы любой свободный мужчина был в дефиците. Война внесла свою корректировку в баланс полов и сделала многих девиц неженатыми вдовами. Но старьевщик, как нам казалось, любил только нас. Или нам так хотелось. В то время нас любили все: строгий участковый Марока, собаки с базара и даже злая бабка Груня, по прозвищу Яга. И мы, разумеется, любили всех. Но сладкие, прохладные дыни, только от запаха которых можно было быть сытым, стояли на первом месте в графе нашей любви. Шарабара знал об этом и довольно часто привозил нам свою любовь, подкреплённую дынями.

Дынный сок стекал на загорелые, покрытые пылью животы. Липкие грязевые капли затекали в штаны и щекотали не защищённую загаром часть тела. Мальчишки почёсывались, а девчонки, у которых купальники были своеобразной защитой, хихикали.

Шарабара, как всегда, съел всего один ломтик. Мы же, ещё не доев первый, брали второй, поглядывая на третий.

Старьевщик одной рукой собрал концы покрывала в узел и вместе с кожурками и закинул в арбу.

– Утки радоваться будут. Они сильнее, чем Вы, любят дыни, – усмехнулся он и вскочил на повозку.

– Ну, шалаяй-валяй, разворот! – крикнул он ишаку.

Мы видели, что Шарабара никогда не пользовался кнутом и даже хворостиной для понукания животного. Он разговаривал с ним и тот выполнял команды. Вот и сейчас осёл очень круто, насколько позволяла теснота улочки, засеменял боком и развернул неуклюжую телегу в обратную сторону. Арба, нагружённая скарбом, зацепила высокие лианы китайских роз. Старьевщик одной рукой отодвинул их, завёл за спину и розовый букет полностью прикрыв его спину.

Чем дальше он отъезжал, тем ниже опускались его плечи и седая, дёргающаяся голова никла на грудь, будто Шарабара засыпал. Но он не спал – он начинал грустить.

Через несколько лет, когда тело старьевщика перестало сопротивляться болям, которые ему нанесла война, он умер. В его доме на окраине кишлака все свободные места были завалены никому не нужными старыми вещами, за которые он расплачивался свистками, медными трубками, резинкой для рогаток, воздушными самодельными шарами, солнечными дынями и своей любовью.

ДЯДЯ МИША

Мастерская для ремонта машин находилась прямо во дворе у дяди Миши. Со своим старшим другом Юркой мы выходили к нему ранним утром. Но короткий и быстрый путь не интересен. Из старого мешка у нас был сделан бредень, которым ловили рыбу в простом мутном канале, называемом Арыком и текшим на хлопковые поля соседних колхозов. К обеду десяток пескарей тут же жарились на небольшом костре и съедались вместе с горькими потрохами.

Вода быстро вытягивала ощущение сытости от рыбёшек. К вечеру мы шли к намеченной цели – дяде Мише. Он в первую очередь кормил нас арбузом с лепёшками, а потом показывал фронт работ.

Вечер. Солнца уже не видно, но запах знойного дня висит в неостывшем воздухе. Назойливые мухи, крупные, как майские жуки, нагло кружат над головой. Садятся на шею. Машинальный удар маслянистой ладонью не причиняет на-

секомому вреда, но оставляет на шее густое пятно мазута. На это место уже не сядут мухи, они будут облетать чёрную шею, пахнущую соляжкой. Мы уже знаем: как только солнце заходит за недалёкую гору, дядя Миша через каждые полчаса заходит в сарай, где у него припрятана бутылка водки. После четвёртого захода он начинает разговаривать, будто выговариваясь за весь молчаливый день. Он начинает говорить про непойманных рыб, на которых хочет идти охотиться. Это он так выражается: «Охотиться на рыб!».

После войны он приехал в наше село и занимается ремонтом автомашин. Пить он начинает только вечером. Я и Юрка, который старше меня на 3 года, помогаем мыть разобраный автомобиль. Вначале деревянной палочкой скovyриваем с металла чёрные сгустки маслянистой грязи, а потом полируем детали тряпочкой, смоченной в керосине. Вдруг дядя Миша говорит мне:

– А ну, покажи руки.

Я вытягиваю худые, выпачканные в мазуте ладони.

– Растопырь пальцы. Пошевели.

Выполняю просьбу. Шевелю своими тонкими и длинными пальцами. Замечаю, как отросли ногти на руках, которые нужно будет обязательно сегодня вечером состричь. Черный мазут, забившийся под ногти, выделялся тёмными полумесяцами, которые нужно будет отмывать в канале, перелопачивая песчаное дно ладонями – только таким способом руки будут чистые. А то старшая сестра, заметив грязь, сама захочет привести пальцы в порядок. А это уж слишком. Чтобы девочка стригла ногти настоящему пацану, пусть даже родная сестра, – это считалось позором.

– Да, жаль. Такие пальцы пропадают! Если подучить тебя – хорошим специалистом будешь!

– Каким специалистом? – спрашиваю. Но дядя Миша отворачивается и уходит выпивать очередную стопку водки.

Юрка отвечает:

– Наверное, пианист. У них должны быть длинные пальцы, как у тебя.

Через десять лет я узнал, что дядя Миша начинал войну в штрафбате, куда попал из тюрьмы. А сидел он за свою специальность – был карманным воров. В молодости у него были длинные и тонкие пальцы.

БЕС

Этот небольшой участок Арыка был мрачным. Там, где начиналась завеса пасмурности, светлая вода будто надевала чёрный чулок, который торчал из мохнатой штанины бесовского одеяния. Длинные ветки верб купали свои узкие листья в тёмной воде. Даже если раздвинуть тёмно-синий занавес густой листвы, всё равно чистоты в гуталиновом течении тихого потока видно не было. Но не только чернью, похожей на преддверие бездны, пугал этот участок. На противоположном берегу стояла обитель таинственного старца по прозвищу Бес.

За узким мостиком, где была брешь просвета, виделась косая избёнка, покрытая деревянными, фиолетовыми от сырости, досками. Окна были всегда закрыты ставнями. Даже не ставнями, а вертикально прибитыми горбылями, через которые никогда не просвечивались полоски света. Только в единственном окне, которое выходило к Арыку, среди чёрных досок по вечерам светилось матовое, круглое пятно – это было отверстие от выпавшего сучка.

Хозяин лачуги был похож на изломанный ящик из-под мидор, как и его пристанище. Лохматая белая борода доходила до пояса. Выцветшая толстовка, которая его роднила со Львом Николаевичем, была перепоюсана верёвкой, вручную сплетённой из ворса, надёрганного из незрелых хлопковых коробочек с колхозных полей. Прозрачные волосы на голове торчали, будто развороченная ветром скирда жёлтой соломы. Правое плечо было выше левого. На бесцветных глазах, обрамлённых красными кругами бессонницы, не было зрачков. Будто смотрел он безликими бельмами на белый свет сквозь толщину двойных очковых стёкол. Но как бы ни горбила этого старика тяжесть лежащей на нём жизни, в его фигуре просматривалась невидимая, скрытая статья, которая бывает только у строевых офицеров, вымуштрованных с малолетства в школе юнкеров. Но эта догадка пришла позднее, когда тайна Беса неожиданно открылась.

Выходил он из своего логова всегда с сучковатым высоким посохом. Шуршал по пыльной тропинке огромными калошами, одетыми на босую ногу, и шёл к чайной.

– Бес идёт! – начинали шептаться подвыпившие мужчины за столами.

Разговаривал Бес с достоинством барина, произнося своим величаво-властным голосом витиеватые фразы, которые

мало кто понимал. Его выпученные, безликие глаза смотрели через двойные линзы круглых очков, не мигая. Он подходил к столу, где выпивали мужчины, говорил ежедневно одни и те же слова: «Гибель лакаете! Бога забыли! Превращаете светлый праздник жизни в хмельную дурь! Вы не живёте, вы существуете!», но не услышав ответа и не найдя собеседника для философского спора, поворачивался и уходил.

– Ушёл, Бес! – облегчённо вздыхали пьяные мужчины. Они совершенно не понимали его нравоучительных нотаций. Им, прошедшим страшную войну, возвратившимся в тишину жизни, пусть даже не к своей обители, никто не мог указывать: как жить, что пить и с кем сидеть за одним столом. Только благодаря тому, что Бес был старше по возрасту, а уважение к пожилым людям блюлось свято, никто не перечил его нравоучениям. Все знали, что завтра повторится всё до мелких подробностей. Только подойдёт Бес к другому столу.

Возвращался к себе он ещё медленней. Пылил тропинкой и стучал посохом.

Проходил через мостик и долго возился с множеством засовов. В конце всех таинств отпирания и запираения, прислонял к калитке свой посох и скрывался в сенях. Дальше уже никто не знал, что пряталось за невидимой дверью, от которой слышался только визжащий шум. Петли, скорее всего, специально не смазывались, чтобы слушать звук отворяемой преграды.

В его доме обитало ещё одно существо, не менее таинственное, чем сам Бес. Была ли она его дочерью, женой, сестрой или просто домохозяйкой – невозможно было даже догадаться. Вместе они никогда не ходили – подтверждая этим подозрение в том, что у них были одни очки и пара галош на двоих. В отличие от старца, имя у этого существа было. Её звали тётя Соня. Единственное место, куда она ходила, шаркая огромными калошами – это на почту, получать газеты. Иногда заходила в книжный магазин, спрашивала у продавца «Конституцию СССР» и, получив отрицательный ответ, возвращалась в свой дом.

Год от года эта загадочная семейка не менялась ни возрастом, ни одеждой, ни калошами, которые носились зимой и летом.

Учёба в школе подходила к концу. Считались мы уже

взрослыми. С нами начал здороваться участковый Марока и бабка Груня, по прозвищу Яга. Она перестала обзывать нас «бугаями сказенными». К экзаменам мы готовились у тихой одноклассницы Ильмиры, которая панически боялась окончания учебного года. Она не представляла, что будет делать после получения аттестата зрелости, а выходить замуж ей было ещё страшнее, чем сдавать экзамены. Обычно у неё мы засиживались дольше всех с соседом Юркой, который окончил школу в прошлом году и ходил к красивой моей однокласснице отнюдь не для повторения алгебры и литературы.

Майские вечера были тёплыми и тихими. Дехкане спать ложились рано, чтобы до восхода солнца, ещё при спящих петухах проснуться и в прохладе начать очередной трудовой день.

– Засиделись Вы что-то, ребята? – с прямым намёком на конец общения сказала Ильмира в полночь, открывая дверь в ароматную свежесть полнолуния.

Собаки знали наши шаги и наш запах. Стояла какая-то молитвенная тишина, которая бывает только весной, когда земля отогрелась и будто натянула вновь на себя одеяло, чтобы досмотреть красивый сон. Течение воды Арыка звучало как глотание молока младенцем. Мы подходили к темной аллее. Вдруг из густого переплетения вербных веток, слизывая тишину, послышалась музыка. Она исходила откуда-то снизу, будто ей пережимали рот. Юра тронул меня за плечо:

– Слышишь? Играет патефон. Такого никогда не было, сколько мы здесь ходили. Это у Беса.

Мы остановились против светлого пятна, вылезающего из досок, которыми было заколочено окно. Нас разделяла только двухметровая ширина Арыка.

– Давай заглянем в дырку, – предложил Юра.

– Да ты что? Не хорошо подглядывать. Да и высоко. Не достать.

– Ты лёгкий. Сядешь мне на плечи. Взглянешь одним глазком и сразу слезешь. Потом расскажешь.

– Так, два глаза в эту дырку и не поместятся!

Друг разулся, спустился в канал. Я влез к нему на плечи и прильнул к таинственному отверстию.

Танцующими под патефон эту странную пару я мог бы

представить. Но то, что я увидел, было вершиной мечты каждого пацана нашего селения. Рот от удивления открылся сам по себе, и я весь превратился в зрение и слух.

Просматривалась половина небольшой комнаты, оклеенной газетами. Под оранжевым бумажным абажуром на потолке висела керосиновая лампа. За столом стоял... одетый в парадный китель самый настоящий царский генерал. Свет от лампы, падающий сверху, вызолотил ордена и эполеты, стократно увеличив их свечение, и их блеск через узкую щелку врезался в глаз. В его правой руке светился бокал с прозрачным напитком. На столе стояла большая зелёная бутылка и, наверное, золотое блюдо, на котором лежали серой грудой картошка в мундире и кочан варёной капусты. Софья сидела в белом напыщенном платье, чёрной шляпке, с которой свисала сеточка на её опухшие глаза, и восторженно смотрела на благородного генерала сквозь лорнет, который отражал в себе золотистый свет от керосиновой лампы. За её спиной играл патефон. Голос Беса заглушался звуками музыки, в которых довольно чётко слышались антисоветские слова: «Боже царя храни...».

Но вот головка звукоснимателя подползла к краю пластинки, затих звук и я отчётливо услышал слова Беса:

– За батюшку нашего. За его Императорское Величество! Слава! Слава! Слава! – в это время он повернулся боком и протянул руку с бокалом к портрету, висевшему на стене. На нём был изображён красивый мужчина с бородой, одетый в военный мундир.

Пил он содержимое бокала медленно, явно наслаждаясь неведомым напитком. Запрокинутая голова приняла в себя будто нектар жизни, потому что Бес не стал похож на себя. Это стоял стройный исполин, увешанный крестами храбрости, а перед его Высокопревосходительством сидела, склонив голову, дама, помахивая веером у своего белого лица, закрытым чёрной вуалью.

Вдруг он повернул голову и посмотрел прямо мне в зрачки. В его взгляде была собрана грусть, потерянность и одновременно ярость, которая сконцентрировалась в сгусток взгляда и выстрелила в мой зрачок.

Я, свалился с Юркиных плеч. В глухой ночи всплеск был так громок, что несколько собак недовольно рыкнули.

– Бежим. Он засёк нас.

Это была, конечно, ложная тревога. Не мог меня видеть

царский генерал из светлой комнаты в тёмной дырке от сучка, величиной с две копейки.

– Ну, что там видел? Рассказывай! – начал допытываться Юрка, когда мы выбрались на берег и пошли от тёмной аллеи, роняя с мокрых ног кусочки влажной пыли.

– Да ничего. Хоронили или поминали кого-то.

– А музыка тогда зачем?

– А может быть, и день рождения!

– Совсем не понял.

– А, что понимать? Кушали они. Скучно им, вот и крутят патефон.

Что увидел я, больше не узнал никто. Это было перед началом выпускных экзаменов. Я знал, что уеду от Родины, и тайну увёзу с собой. Вскоре, порывшись в библиотеке, я нашёл причину праздника в доме Беса. 18 мая 1968 года исполнилось 100 лет последнему императору России Николаю Александровичу Романову.

МАРОКА

Никто не называл его настоящим именем – дядя Вася, хотя был этот человек главным по тишине и покою нашего села. Звали его – Марока. Это прозвище прилипло к участковому милиционеру за присказку «Марока тебя (меня, его, их) побери!» Со своеобразной его орфографией.

Старшина этот был какой-то неправильный. Вместо того, чтобы уводить пьяных мужиков в вытрезвитель, он тащил их на своём горбу домой и сдавал женам, которые устраивали домашние разборки, после которых «пребывание в вытрезвителе» казалось бы «нежным отдыхом на лужайке с ромашками».

А если он вылавливал мальчишку с поджигом, так же не уводил его в «детскую комнату милиции», а устраивал показательное зрелище для всех любителей стрелять из самопалов. На такое мероприятие мальчишки собирались охотно. Марока уводил всю ватагу подальше за кишлак, к самым высоким обрывам и делал настоящий спектакль. Он сам заряжал оружие, плотно забивая ствол бумажными мокрыми пыжами. Привязывал конфискованный самопал к дереву, отгонял всех на безопасное расстояние и, наклеив на пластилиновую колба-

ску дорожку из спичек, поджигал и уходил. Творение мальчишеское разрывало, старшина собирал всех вокруг себя, показывал развороченную взрывом медную трубку и выводил на середину хозяина уничтоженного оружия.

– Вот! Глядеть всем внимательно! – он брал пузырёк с красными чернилами и кисточкой разукрашивал части тела. – Указательного и большого пальца у Вовки уже нет. Левый глаз выбит, в ухе дырка и осколками порезано лицо и живот.

Все покатывались со смеху, а виновник стоял разукрашенный пятнами краски, с обведённым кругом вокруг глаза, с красными пальцами, точками и полосками по всему телу, будто действительно посечённый осколками. После таких уроков мода на самопалы стихала на какое-то время. Но вскоре появился новый «пиротехник», которого Марока быстро вычислял и повторял показное выступление.

В День Победы фронтовики одевали награды. На милицейском кителе старшины места не хватало, и он шутил: «Если все ордена одену – с колен не встану, Марока меня побери!». Мы, послевоенное поколение мальчишек, чётко разбирались в наградах, и два ордена «Слава» сразу сделали его уважаемым для нас человеком. А медаль «За отвагу» ставилась нами выше любого ордена, которых у старшины было три.

В этот день никому не возбранялось быть пьяным. И Мароку зазывали во все компании, которые сидели в нашем кишлачном парке под каждым деревом. Деревьев были сотни, и старшина подходил к каждому, разговаривал и выпивал рюмочку. Пил он с пьяницами, которых таскал домой. С домашними дебоширами, ещё вчера успокоенными приёмами самбо. Поднимал рюмку с тёткой Клавкой, недавно вернувшейся из заключения, где сидела за растрату народных денег. Беседовал с аксакалами, чинно потягивающими зелёный чай. Каждый считал, выпить с самим Марокой – это честь!

И вот однажды, в такой прекрасный праздник старшина не рассчитал своих сил. По пути к себе домой нужно было переходить по мостику, перекинутому через канал, который мы все называли на азиатский манер Арыком. То ли мост шатнулся, то ли никем другим не ощущимая волна землетрясения прокатилась под сапогом старшины, но неожиданно парадно одетый Марока зашатался, потерял равновесие, раскинул руки, будто для объятия, и засеменил боком. Перил на мосту не было, и туловище старшины упало с метровой высоты в

мутную воду. Всплеснулась волна, послышался звон медалей и старшина правым боком ушёл с головой на дно. Прохладная вода освежило ещё не старое тренированное тело старого во-яки и он резко вскочил на ноги. С красивого кителя стекала вода. Он выбрался на берег, спокойно сел на камень, снял сапог и начал выливать воду.

С кем не бывает промашек? А он – участковый милиционер не считал это за позор, что на Великий праздник выпил ненормированное количество водки, и, для всеобщего об-суждения на завалинках, искупался в арыке.

– Дядя Марока, медаль потерял! – крикнул кто-то. И все заметили, что с кителя исчезла одна из медалей «За отвагу».

Старшина глянул на левую сторону кителя, бросил сапог и схватился за пустое место, где должна была висеть награда. В этот миг он был похож на женщину, у которой отскочила пуговица с платя на груди, обнажая стеснительное тело.

– А ну, искать!

Раздеваться было некогда. Толпа мальчишек бросилась в арык. Каждый хотел первым найти потерянную награду, тем самым заслужив внимание самого Мароки. И без того нечи-стая вода теперь походила на цвет навозной, темно-зелёной жижи. Она бурлила от мальчишеских рук и ног, которые подни-мали со дна ил. Перемальвалось дно вместе с песком. Через мальчишеские руки прошло десятки килограмм мокрой донной грязи, но медаль не попадалась. Кто-то принёс грабли и ело-зил ими ниже по течению.

– Ищите, хлопчики, ищите. Да осторожней, на ней же бу-лавка острая. Не уколитесь! – старшина очень огорчился из-за потери боевой награды.

Мальчишки, рассредоточившись цепочкой, вынимали грунт и вываливали его на берег, разравнивая ладонями. По-падались плоские камешки, прошлогодние гнилые листья, почерневшие веточки, осклизлые обрывки водорослей и тол-стые жгуты красных корней камыша, но медали не было. Уже прочёсана по сантиметру длинная полоса канала, вырыто дно на глубину мальчишеских трёх ладоней, но награда не появ-лялась.

Старшина сидел с одним снятым сапогом и причитал:

– Такого позора не было ещё у меня. На всю округу рас-трезвонят бабки, что Марока по пьяни медаль потерял, а сплетники разнесут, и дойдёт до того, что Марока все ордена уронил в арык и сам чуть не утоп. Ищите, мальцы, ищите.

– Дядя Марока, может, в другом месте обронили? – кто-то из мальчишек вынес предположение.

– Это тебе не муха же с кителя слетела. Медаль тяжёлая, учуял бы сразу. Здесь ищите.

Начали выскребать дно под мостом. Возможно, отскочила награда, ударилась о деревянный настил, да улетела в другую сторону от старшины. Даже выше моста метров на пять, на всякий случай обшарили дно. Не было медали. Некоторые мальчишки елозили на коленях по обеим сторонам берега, прощупывая каждый сантиметр среди низенькой травы. Не было медали.

– Да, что за напасть, Марока её побери. На войне, по всяческому буеракам блукал, не было случая, чтобы отстегнулась. А, здесь, в мирное время, на таком празднике – потерять. Позор, Марока меня побери!

Мальчишки устали. Многие уже сидели на берегу. Все уже поняли, что при таком поиске давно была бы найдена копеечная монета. А медаль, тем более.

– Э-э-эй! – послышалось издалека.

Со стороны парка бежала маленькая девочка.

– Дядя Марока! Дядя Марока! – девочка с передыхом захлёбывалась от бега. Протянула ладошку. – Папа нашёл, сказал, чтобы я Вам домой отнесла. А Вы здесь. Меня, наверное, ждёте. Вот медаль.

– Марока вас всех и меня побери! – вздохнул старшина и начал стягивать второй сапог, чтобы вылить застоялую воду.

МЕСТЬ

Лето всегда было жарким. Свою лепту в «счастливое детство» вносил Арык, который протекал рядом с нашими домами. Самое широкое и глубокое место было напротив дома, где жила старуха по имени Груня. Облик Бабы Яги и злых колдуний прочно ассоциировался с ней в наших детских умах, и поэтому другой клички, как Яга, она не могла иметь.

Радостно визжа, голая ватага бросалась в канал. Летящие брызги смачивали глинистые берега, с которых мы катались на грязных трусах. Эти горки заменяли санные спуски, компенсируя бесснежные среднеазиатские зимы. В этот момент выходила баба Груня с метлой.

– Ну-у-у! Бугаи скаженные! Марш отсюда! – Тому, кто не

успевал увернуться, перепало метлой по голой спине. Удары были хлёсткие – плотные и больные.

Эти гонения происходили ежедневно. Но, в основном, как только старуха появлялась в своей калитке, мы перебирались на недоступный для неё другой берег, заросший кустами и камышом. После её ухода всё начиналось вновь. Нам это надоедало. И мы готовили план мести. Предложения поступали различные: замазать окна извёсткой, пустить во двор гадюку, забить калитку гвоздями. Местный садист – Армек – предлагал поджечь дом. Его вариант сразу отклонили. Нам нужен был самый безобидный план – чтобы несильно навредить и дать ей понять, что мы вступили в войну.

Оригинальное решение подкинул сын самогонщицы Славка: « А давайте, ей в туалет закинем дрожжей. Я видел, как бродит брага. Будет пены немного и всё. Дрожжей я принесу». Это решение показалось нам самым безобидным.

Счастливыми днями для нас были суббота и половина воскресенья. В эти дни старуха уезжала в соседнее село к сестре, где торговала гусиными яйцами. Значит, в субботу ночью можно воплотить месть.

Ближайшим соседом к туалету бабки Груни был наш огород. В помощники себе я взял друга Валерку. Дрожжи, принесённые Славкой, были спрятаны в кустах, недалеко от ограды, через которую предстояло проникнуть ночью и совершить возмездие.

Родители никогда не ограничивали во времени – можно было остаться ночевать у друга, и никто не поднимал тревоги. Когда в моем доме погас свет, я и Валера, соблюдая меры конспирации, подошли к границе огородов. Достаточно было приподнять несколько веток изгороди – и я спокойно попластунски приблизился к деревянному сооружению. Кулёчек с дрожжами я опустошил в небольшое отверстие.

«Наверное, мало?» – подумал я.

– Слишком много! – сказал Валера, когда к обеду в воскресенье мы увидели ползущую из-под бабкиной калитки зловонную пену. Будка туалета стояла в конце огорода, и невозможно было представить всё пространство в 30–40 метров залитым пеной. Дни стояли знойные, и процесс брожения на-

чался хорошо, распространяя удушливый смрад. Взрослые толпились у дома бабы Груни, ничего не понимая.

– Пошли к нам, посмотрим, - сказал я, и мы направились к моему огороду.

Сразу стало ясно, что месть удалась. И мы понимали, что ответное возмездие со стороны обидчицы будет более «неотвратимым и страшным».

Будка туалета возвышалась над хлопьями пены. Пузыри, величиной с перевёрнутое корыто, расплзались по огороду, поглощали кусты картошки и тихо лопались, разбрызгивая коричневые капли в радиусе нескольких метров. В центре пенного ужаса, на навозной куче столпились гуси. Вожак стаи – серый гусь Гага – ходил по периметру, громко шипел. Забегал опять на пригорок к гусыням, тёрся об их бока и снова обходил замкнутый контур пленившего их потока. Густой запах висел в сухом безветренном воздухе.

Бабка Груня приехала в пятнадцать часов пятнадцать минут. Когда она открыла калитку – к её ногам хлынул тёплый и нежный пузырящийся поток. Это время запомнилось навсегда, потому что от её вопля в ближайших домах звякнула посуда в шкафах, на неделю перестали нестись куры, а у стоящей рядом толпы соседей остановились наручные часы.

Милиция была рядом, и за мной пришли в пятнадцать часов сорок минут. Вся наша компания была в сборе. В кабинете участкового шестеро сидели на трёх стульях, трое на подоконнике. Я и Валера стояли. В нашем посёлке за последние десять лет это правонарушение было выдвинуто в разряд «чрезвычайных», потому что милиция, в основном, боролась только с пьяницами.

– Ну что, изобретатели! Кто совершил злодеяние, и каким способом, в адрес гражданки Груни? – Было видно, что участкового – старшину Мароку – разбирает смех, но он сдерживал себя.

Я был старше всех, мне уже было 14 лет, и я понимал, что правда всё равно выяснится. А выражение «добровольное признание смягчает наказание» слышалось в мой адрес не единожды. И я шагнул вперёд.

– Я всё сделал сам!

– А я помогал ему! – выступил Валера.

– Мы все участвовали! – вскочили остальные.

– Так! Запишем всем «Явку с повинной». Идите по домам, и завтра пусть каждый принесёт «Объяснительную записку» с

описанием «преступления» подробно и свою роль в нём. Разойдись.

Старшина, конечно, поступил против правил, отпустив нас. По закону, каждый должен был в изоляции от остальных изложить степень своего участия и отведённой ему роли в вышеуказанном «злодеянии», чтобы избежать сговора. Но бабка Груня досаждала не только нам, но и всему посёлку. Милиционеров она обзывала «дармоедами» и злилась на них, что они не разрешали ей продавать гусиные яйца в родном селе, называя это спекуляцией. Поэтому «страж порядка» Марока принял нашу сторону и дал возможность подготовиться к ответу.

Мы сидели на нашем чердаке с листочками бумаги. Посредине, на перевернутом ящике стояла чернильница-непроливайка и лежали три ручки на одиннадцать человек.

Нужно было распределить роли так, чтобы «остаться невиноватыми, ответить за содеянное и понести справедливое, но лёгкое наказание». Главное – необходима была веская причина, толкнувшая нас на этот поступок. И тут меня осенило. В голове начал рождаться план – он оказался таким простым, что я удивился, почему он не пришёл раньше.

– Все пока сидите. Я сейчас напишу свою версию и прочитаю. Со мной должны согласиться все.

Я стал на колени и начал писать. Без ошибок не получилось. А нужно было преподнести «Объяснительную», как правдивое описание моих действий. После того, как я удовлетворился написанным, переписал на чистовик и начал читать друзьям:

«Объяснительная записка.

15 июля 1965 года я лежал в своём саду и дышал неприятным запахом, исходящим из соседнего огорода. Наши огурцы, помидоры и фрукты на деревьях пропитывались им. На вызов, чтобы перекрыть смрад, соседка не вышла, потому что была в отъезде по случаю продажи гусиных яиц. Я где-то слышал, что плохие запахи могут перебить дрожжи. Поэтому перелез через забор и высыпал дрожжи в источник запаха. Последствия, которые случились после этого, меня удивили сильнее, чем бабу Груню.

Злых умыслов не преследовал.

16 июля 1965 года.

Подпись».

Слушали меня внимательно, но смысл моего самопожертвования не понимали. Когда я закончил, объяснил:

– Мой огород самый близкий – это первое. Дрожжи высыпал я – это второе. Одного накажут всё равно мягче, чем группу – это три. Я самый старший – это четыре. А самым большим наказанием будет – вымыть Грунькин огород, это мы сделаем вместе.

– А что нам тогда писать?

– Каждый описывайте, что делали в этот день: где гуляли, с кем встречались, купались, играли. А в конце сделайте приписку: «В нападении на туалет бабы Груни не участвовал!»

* * *

Марока внимательно прочитал все «объяснительные». Мой листок отложил в сторону и сказал:

– Это ты придумал? Быть тебе юристом в будущем.

* * *

Наказание нам было вынесено, как я и предполагал. На второй день, когда процесс брожения прекратился, мы, вооружившись лопатами, вениками, совками и тряпками постучали в калитку бабы Груни.

Такого порядка и чистоты не видели эти края со времён нашествия Александра Македонского. В бабкином огороде сорняк был выполот и сожжён; картошка выкопана; деревья, сараи, туалет и стены дома побелены; электрический столб выскоблен осколком стекла. Гусь Гага и пять гусынь вымыты в канале. Земля, которой касалась туалетная пена, была перекопана.

В этот день Яга накормила нас яичницей из гусиных яиц и напоила компотом из слив.

На следующий год у бабки Груни на огороде вызрел невиданный урожай овощей. Мы все поняли, что это были последствия «нашей мести».

Теперь, когда мы купались, Яга выносила нам на табуретке тарелку со сливами и говорила: «Вы, хлопцы, только сильно не орите, а то от крика голова болит, да гуси плохо несутся!»

ПЛЮСМИНУС

Вода в Арыке, который протекает по большому фруктовому саду, так тиха, что, кажется, стоит без движения. Скрученные виноградные листья отрываются очень легко и падают с лёгким шуршанием, будто этот звук рождается трением о воздух. Они так невесомы, что даже не ложатся на воду, а прикасаются к ней и кружатся на её поверхности, словно продолжая лететь. Сухой и тихий ветер шевелится высоко. На это указывают едва качающиеся острые верхушки тополей. Внизу, ближе к земле, среди фруктовых деревьев стоит неподвижный, замерший зной, от которого тишина, нарушаемая лишь скрипом протеза садовника, кажется звенящей.

Мне мало лет. Этой осенью я пошёл в четвёртый класс. Сосед учит меня обрезать деревья. Ахмед-ака – узбек. Он воевал и имеет много наград. За месяц до окончания войны, под Кенингсбергом, ему оторвало правую ногу. Совсем недавно он сделал протез из комлевой части старого абрикоса. Даже обёрнутая в старую телогрейку, культя натирается в кровавые мозоли. Но старый солдат терпит и посмеивается над своим соседом – музыкантом Ордобаем, который хотел опередить его и сделать из спиленной урючины домбру.

На пересечении огородов рос древний урюк. Этому дереву было так много лет, что листья у него были маленькими, как крылышки у пчёлы, а на плодах уже не было мякоти. Твёрдые косточки были обтянуты жёлтой кожурой в коричневых пятнах, которая на вкус напоминала бумагу, смоченную соком молодого арбуза. Дерево считалось ничьим – оно было общим, росло на границе двух огородов – безногого садовника Ахмета и местного музыканта Ордобая. Урючину решили спилить. Пользы от неё не было. А была только вредная для овощей тень. Соседи долго спорили, кому достанется самая ценная часть – комля. Ордобай говорил, что протез можно сделать из любой древесины, а для музыкального инструмента подойдёт только эта, самая звонкая и прочная часть ствола.

Спор разрешил старейшина кишлака, достопочтенный Кудайберген. Он послушал говорливых соседей, приподнял руку – знак тишины, погладил белую бороду и сказал:

– Если будет протез у Ахмета – он сможет танцевать, но не будет новой домбры у Ордобая и, значит, не будет музыки. Если Ордобай сделает домбру – в селе будет музыка, тогда у Ахмета не будет протеза, и он не сможет танцевать. Ах-

мет у нас – Плюсминус. Плюс – есть нога. Минус – нет ноги. У него не хватает немного тела, которое когда-то было у него, значит, мы должны помочь ему вернуть недостающую часть. Домбра же – это тоже часть тела Ордобая. Но он родился без неё и должен подождать, когда кто-то позовёт его, если будет пилить урюк.

Так и решили. Теперь у Ахмета есть протез, и он его наращивает. А Ордобай по вечерам садится на круглый тёплый валун и играет на старой домбре грустные песни. Я прихожу к Ахмету не только потому, что хочу научиться ухаживать за деревьями. Вся тайна в том, что в большом доме соседа живёт и его дочь Шарапатхан, которая младше меня на один год.

Ахмет-ака меня не учит словами, а просто показывает, как и что нужно делать. Так дикие звери учат своих детей: «Делай как я!». Внимательно слежу за его руками – они у него сильные. Он говорит, что сила оторванной ноги, ушла в руки. И шутит по-чёрному: «Если бы оторвало обе ноги, тогда я был бы ещё сильнее!»

Внизу, куда он дотягивается, острым ножом срезает холостые побеги, предварительно несколько раз потрогав их, чтобы я запомнил. Если ненужный отросток высоко, он показывает на него. Я переносу лестницу, влезая и дотрагиваюсь рукой. Ахмет кивает. Быстрым движением, чуть наискосок, срезаю ненужную веточку и замазываю рану влажной глиной. Садовник одобряет мои действия.

Через несколько дней мы заканчиваем работу. Оставшиеся яблони я обрезал сам. Садовник только смотрел. Он не сделал ни одного замечания.

Когда последняя ненужная веточка была удалена, я протянул кривой садовый нож Ахмету. Он отстранил мою руку.

– Печак твой! Хорошим садовником будешь! Нравится тебе моя дочь Шарапатхан? – неожиданно он ошеломляет меня вопросом. Ведь никто не знал, что я влюблён в соседку.

– Нравится, – смущаюсь я.

– Тогда возьмишь её в жёны, когда вырастешь! – почти приказывает мой учитель.

Я молчу. Это так страшно – жениться на самой красивой девчонке нашего села.

– Не останется наше село без садовника! – радуется Ахмет. Хлопает меня по плечу, и мы идём к нему пить зелёный чай, который заварит Шарапатхан.

Ростом я маленький. Голова моя идет вровень с ремнём,

который крепит протез к поясу бывшего воина. Скрип сухой кожи режет слух.

С тех пор прошло много времени. Иногда, благодаря компьютерным технологиям, нахожу на космическом снимке небольшое пятно зелёного сада в далёкой Ферганской долине, который разрезает синяя лента канала. Вглядываюсь, будто хочу рассмотреть не моих внуков, гуляющих в старом саду под присмотром бабушки Шарапатхан.

РАССКАЗЫ

ПАРИКМАХЕРСКИЙ ВАЛЬС

Стричься я не очень люблю. И к стрижке, если честно, равнодушен. Мне, конечно, не наплевать на собственную внешность, но в душе я всегда придерживался правила: мужчина должен быть чуть-чуть красивее обезьяны. Главное – красота души. А всё остальное само собой сложится.

Не знаю, может, поэтому у меня никогда не было своего мастера-парикмахера. Жена, правда, пыталась меня к кому-то записывать, но длительного испытания такой проект не выдерживал. Я чаще всего не стригся совсем или, если быть точным, оттягивал до последнего и стригся лишь в тот день, когда должно было состояться какое-либо важное мероприятие, на котором выглядеть заросшим кинг-конгом уж совсем было неприлично.

Возможно, это отчасти объяснялось тем, что меня никогда в жизни не стригли так, как мне бы в глубине души хотелось. Бывало, что хорошо стригли, спору нет. Но... Что-то в этой стрижке каждый раз оказывалось не так... Одно время я пытался «направлять» парикмахеров, требовать от них чего-то. Но в конце концов понял, что всё бесполезно, и потерял вкус к самой процедуре. Садился обречённо в кресло и решал: пусть делают со мной, что хотят. Пусть сами выбирают, как мне выглядеть. На то они, в конце концов, и специалисты.

Флаг им в руки.

М-да...

В этот день должен был состояться приём в посольстве. Пригласили и меня. Я, вздохнув, посмотрел на себя в зерка-

ло – на своё заросшее отражение, похожее на вымученного лешего. И ещё раз вздохнул.

Позвонила жена.

– Дорогой, – сказала она, – мне порекомендовали одну очень интересную парикмахерскую, которая рассчитана как раз на таких, как ты. Уверена, тебе понравится. Запиши адрес... – И она подождала, пока я, чертыхаясь, достану ручку и бумагу. – Записывай...

Я записал.

– Только, – продолжила моя ненаглядная. – Только... Там, как бы это сказать...

– Что? – нетерпеливо спросил я.

– Ну... Сам увидишь. – Она замаялась. – Всё будет хорошо. Я тебя люблю! – Чмокнув в трубку, жена отключилась.

А я остался стоять с телефоном в руке, слегка озадаченный странным предостережением...

Парикмахерскую я искал долго. Адрес вроде бы читался ясно, но найти его в хитросплетении переулков оказалось не так-то просто. Я забрёл вообще в какую-то подозрительную часть города. Мрачные дома, подворотни, грязные узкие улицы с мусорными баками и – повороты, повороты, повороты; целый лабиринт. И спросить не у кого – кругом ни души, как в каком-то фильме ужасов.

Наконец нашёл. Скорей по везению – заглянул наугад в одну из подворотен, а там – полустёртая выцветшая вывеска «Парик...херская Кат...» Значит, стало быть, она и есть.

Гм.

Зашёл. Полумрак, затхлый запах, облупившиеся стены; пара парикмахерских кресел и давно немывые зеркала. Клиентов нет. Только владелица салона – разодетая чирикающая дама поздних бальзаковских лет (она ужасно обрадовалась при виде меня) да какая-то тощая, как спичка, девица, сидевшая на полу в соседней каморке. Когда мои глаза чуть попривыкли к темноте помещения, я заметил, что девица играет с куклой – расчёсывает ей длинные и пушистые кукольные волосы.

Дама встретила меня щебетанием:

– Ах, как хорошо, что вы пришли! Ах, какой вы умница! Чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик! Ах-ах-ах-ах! Какой вы красивый молодой мужчина! Мы сделаем вас ещё неотразимее! Будете мачо! Чик-чирик! Ахах!..

С обречённым видом я снял очки.

Дама, ни на минуту не замолкая, принялась меня обихаживать.

Я молча поддался, когда она усадила меня на стул перед умывальником и возилась с моей головой, щедро поливая её шампунем. Чирик-чирик! Молчал и когда вытирала меня колючим стареньким полотенцем, после мойки. Ахахах! Краем глаза я порой замечал худющую девицу, так и не удосужившуюся встать с пола и не обратившую на моё появление ни малейшего внимания, – она, кажется, уже причесала свою игрушку и укладывала её спать.

У девицы из носа свешивалась длинная-предлинная мутная сопля...

Наконец позднебальзаковская дама взяла меня под ручку и, как маленького, отвела к основному в этой комнатухе месту пыток, обшарпанному кожаному креслу времён императора Веспасиана. Вела и распиналась:

– Чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик! Ах-ах! Какой мужчина!..

Я сел. В общем-то ни о чём не думая. Отключённый. И ни о чём не думал даже тогда, когда дама принялась возиться с моими руками... Лишь когда она пристегнула запястья ремнями к ручкам кресла, во мне шевельнулось: что-то явно не так.

– Что вы делаете???

– Ах, чик-чирик! Это для вашего же блага! Всё будет хорошо! Мачо, мой милый мачо!..

Я сидел, совершенно обалдевший и тупо смотрел сам на себя – на своё отражение в зеркале – впрочем, довольно расплывчатое, ибо без очков меня всегда побеждала моя близорукость.

М-да.

– Каталея! КА-ТА-ЛЕ-Я!!!

Дама обращалась к тощей сопливой девице, и довольно громко. – Клиент пришёл!!!

Ноль внимания... Девица всё так же сидела на полу и, по моему, раскачивалась с куклой из стороны в сторону – туда-сюда, туда-сюда. И мычала.

Разодетая бальзаковская дама поспешила в соседнюю каморку к девушке.

– Каталея, дорогая, – услышал я. – Нужно встать. Подняться. К тебе пришёл новенький. Обслужи его, пожалуйста, как ты обычно делаешь. Ну, давай, моя зайныка.

Она подняла девицу чуть ли не силой и, развернув, подтолкнула её ко мне.

Я попробовал было оторвать руки от кресла – но безуспешно.

Девушка – с совершенно сумасшедшим видом, бледная, с запавшими глазами – приближалась. Смотрела она вообще не на меня, а сквозь меня. К тому же взгляд её косил, что придавало ей сходство с полупьяной Горгоной. Сопли уже почти не были видны – особенно после того, как она их длиннющим тонким языком слизала.

С уголка губ потянулась вниз ниточка слюны...

Я дёрнулся.

Ух ты!

М-да...

Дама-хозяйка подвела девицу вплотную ко мне.

– Каталя, зайка, вот тебе хороший молодой человек. Сделай его, как ты умеешь. Давай, давай, я думаю, ему понравится.

Она вложила девушке в руку ножницы и направила её кисть – так, чтобы была ближе к моей голове. Показала жестом, на пальцах: чик-чик! чик-чик! чик-чик!

Я замер от ужаса.

Девчонка стояла как истукан, с ножницами в ладошке, и молчала.

Вряд ли она вообще понимала, что происходит.

Готов поклясться, что ни черта не понимала.

Она просто глядела куда-то поверх меня – наверное на потолок, весь тёмный и безобразный от бесконечных потёков. И едва слышно постанывала. Потом как-то подозрительно зашипела. Качнулась. С шумом выдохнула воздух – мне аж стало дурно в этот момент – и будто взорвалась.

Наконец-то она увидела меня. И глаза её преобразились. Они вдруг загорелись огнём, сверкнули – причём превратились при этом в две тоненькие щёлочки. Каталя взмахнула рукой, и я услышал бешеное, раздающееся со скоростью пулемёта хр-р-р-р; это с металлическим скрежетом гуляли по моей шевелюре взбесившиеся ножницы.

Каталя отпрыгнула от меня; осмотрела; и снова сделала прыжок пантеры – ко мне. Лёгким ветром пронеслась над моей головой. Собственно, если бы я спал, то, наверное, ничего бы и не заметил, не почувствовал. Но я не спал – а наблюдал за ненормальной парикмахершей с диким ужасом, что, впрочем, абсолютно никак не сказывалось на процессе.

Каким-то совершенно непонятным для меня образом Катаlea преобразилась. Наверное, правильнее будет сказать, что она танцевала вокруг моей особы. Выделявала всякие па, повороты, пируэты – но не с целью продемонстрировать танец, а для того, чтобы ещё точнее, ещё изящнее, лучше, красивее срезать ту или иную торчащую волосину или прядку волос. Она извивалась – но грациозно и самым фантастическим образом.

Ножницы у неё в руках щёлкали безостановочно и при этом своим звуком воспроизводили стрекотание кинопроектора.

Они ЛЕТАЛИ.

Катаlea была красивая в этот момент – потрясающе красивая, прямо-таки неземная, озарённая волшебством, и от неё исходило внутреннее сияние.

Я сидел, вцепившись в подлокотники, не имея возможности даже двинуть пристёгнутыми руками, и с напряжением ждал. Хотя мало-помалу напряжение спадало.

Девушка вальсировала вокруг меня... Вальсировала в одиночку – я как партнёр был неподвижен и являлся не более чем объектом её чисто профессиональной страсти.

Вдохновение... Вдохновенность, сосредоточенность, магический огонь – и удивительная лёгкость, так я могу описать то, что являла собой в такие минуты Катаlea.

Даже дама позднего бальзаковского возраста – которая здешняя хозяйка – затихла и перестала на время процедуры чирикать. Не знаю, была ли она вообще в этой комнате... Или, может быть, залегла, любясь высшим...

Я как мог всматривался в зеркало перед собою. Беда в том, что будучи близоруким, я просто не в состоянии был себя рассмотреть. Зато видел облачко – воздушную девушку, стремительно носившуюся вокруг меня как олицетворение красоты и грации.

И вот... И вот... Катаlea внезапно остановилась. Выпрямилась. Стала как истукан. И померкла... Руки её бессильными плетями повисли вдоль тела... Взгляд потух, внутренний огонь погас... Ножницы вывалились бы – если бы их тут же, прямо на лету не перехватила мадам-хозяйка...

Я вжался в кресло. И как-то произвольно перевёл дух... Катаlea закончила.

Разодетая дама-чирикалка развернула девушку и, слегка подталкивая в спину, повела в соседнюю каморку, где Каталею

уже ждала её кукла. Каталея как-то вся съёжилась, уменьшилась, сгорбилась. И, по ходу дела, что-то там про себя замычала. Мне даже показалось, что она состарилась. На сто лет.

Боковым зрением я успел даже увидеть сопельки из её носа – но только на мгновение, потому что девушка шмыгнула и – отвернулась. Потом села прямо на пол и принялась тупо раскачиваться: туда-сюда, туда-сюда...

Хозяйка парикмахерского салона поспешила ко мне.

Отстегнула руки от подлокотников.

Зачирикала, защebetала: ах-ах-ах! чик-чирик, чик-чирик! Какой мачо, какой мачо! Погодите, я вам сейчас всё покажу!

Она подала мне очки с полочки, и я, опять прозрев, внимательно всмотрелся в своё отражение в зеркале.

Дама всё кудахтала. Но даже она не смогла нарушить гармонию.

Из зеркала на меня глядел... Да-да, я сам не поверил своим глазам. Это был необыкновенный тип, только что сошедший на берег со своей роскошной яхты. Нет, это был принц из сказки – обаятельный, как тысяча аленделонов. Мало того, причёска, которая украшала его прекрасную голову, была точь-в-точь такой, о какой я тайно мечтал всю жизнь. Ну, ладно – половину своей сознательной жизни. Начиная с юношеских тусовок, когда один поцелуй школьной красавицы ценился много больше, чем миллион билетов в кино.

Это было всё.

Это было... ЭТО БЫЛО ПРЕКРАСНО-О-О!!!!!!!

Я задохнулся от восторга, любуясь – впервые в жизни! – сам собою...

– Ах, мачо, мачо, мачомачомачомачо, – затараторила дама-хозяйка. – Ах, какой красавчик! Вам – пожалуйста, счёт.

Я, на мгновение спустившись на землю, взглянул на бумажку. И у меня потемнело в глазах...

– Ахахахах! – ворковала хозяйка. – Ахахахах!!!

Я ещё раз кинул взгляд на себя в зеркало – на прощание – и не стал торговаться. Молча отсчитал, сколько она просила, и ринулся к двери. В дверях обернулся: Каталея по-прежнему сидела на полу в той, другой камерке и сама себе показывала что-то на пальцах. Какое-то представление. Меня она, понятное дело, не видела в упор.

Я вздохнул.

И вышел в переулок, тёмный переулок, сопровождаемый пулемётной очередью из уст неутомимой мадам.

...Я шёл по улице, центральной улице города и наслаждался. Наслаждался тем впечатлением, которое производил на женщин тут и там. Никогда ещё я не был объектом такого внимания со стороны проходящих красоток; это тешило моё самолюбие, и впервые на своей памяти я ощущал себя мужчиной на все сто.

Да, совершенно точно, я стал другим, совсем другим человеком.

Я внезапно УВЕРОВАЛ В СЕБЯ.

В моё слегка опьянённое состояние души ворвался звонок мобильного телефона. Звонила жена.

– Как ты, дорогой? Тебе понравилось? Я так и знала, так и знала! – радости её не было предела. – У меня есть ещё для тебя хорошая новость. Твои зубы. Ты же всегда жалуешься на свои больные зубы, а к врачу ходить не хочешь. Так вот, я нашла для тебя один адресок – там помогают как раз таким, как ты. Записывай, мой любимый...

Она говорила, а я стоял на улице, под взглядами восхищённых прохожих, и слушал, как равное мне солнце благословляло меня...

ЛУЧШИЙ В МИРЕ МЫЛЬНЫЙ СЕРИАЛ

(Пересказываю сюжет)

Одна женщина отправилась на шоппинг вместе со своей маленькой дочерью, которую не на кого было оставить. Увлёкшись покупками в крупном торговом центре, женщина – как то так получилось – совершенно случайно забыла о девочке, переходя из отдела в отдел. А когда, через час, вспомнила, то отыскать свою дочурку уже не смогла.

Девочка была слишком маленькой, чтобы сообщить прохожим свой адрес, телефон и т.д. Приходилось надеяться на удачу...

Но удача отвернулась от женщины. Та сразу обратилась в полицию, потом – на телевидение и в газеты, и тысячи добровольцев по своему почину искали малышку в огромном сумасшедшем городе. Но всё было тщетно!.. Перепробовали все способы и, в конце концов от поисков отказались... Лишь обезумевшая от горя мать сама всё ходила и ходила по ули-

цам в надежде встретить свою девочку, наводила справки, на-
доедала полиции и – ждала, ждала, ждала...

Так прошло много лет.

И вот однажды наша женщина, уже в возрасте, пошла
в магазин – огромный супермаркет, чтобы купить что-нибудь
хорошее. И вдруг... В людской толчее... Вдруг... Она увиде-
ла маленькую плачущую девочку, которая как две капли воды
была похожа на её пропавшую дочь...

Сердце оборвалось у бедной матери. Она присела возле
малышки и попыталась её успокоить. К сожалению, девчушка
была настолько мала, что не могла связно объяснить, кто она
и откуда, и кто её родители. Вокруг женщины с ребёнком обра-
зовалась толпа. Прохожие сочувствовали и предлагали сроч-
но обратиться в полицию. И тут наша женщина испугалась...
Испугалась, что полиция отнимет девочку, и все мечты нашей
героини – вся её жизнь, все её поиски окажутся напрасными.
Вот она, та малышка, которую никак не могли найти! И никто
её – слышите, никто! – больше не отберёт!

Так думала женщина, но вслух ничего не сказала. Нао-
оборот, она успокоила людей, что сама отведёт девочку в по-
лицию и, таким образом, разыщет папу и маму. Люди пове-
рили. И разошлись. А женщина... А женщина, не веря своему
счастью, забрала девочку к себе, долго утешала, предлагала
игрушки и сладости и, в конце концов, маленькая сиротка оста-
лась жить у неё...

Радости женщины не было предела...

Но укору совести не давали женщине сполна ощутить
своё счастье. Удочерённый ребёнок рос (удалось каким-то
чудом выправить ей документы), но наша героиня день ото
дня думала лишь о том, что где-то в большом городе кто-то
всё время его ищет – как до недавних пор искала своё дитя
наша обездоленная мать. Эта мысль не давала ей покоя. И
вот в какой-то момент, после бессонной ночи, проведенной в
воспоминаниях, сердце её не выдержало. Женщина пошла в
детективное агентство и наняла сыщика, чтобы тот выяснил
всё о девочке, которая так внезапно нашлась.

И детектив выяснил... Он провёл огромную работу, встре-

чался с сотнями людей, тянул за тысячи поисковых ниточек – и в один из дней, торжествующий, появился на пороге.

– Вот, – сказал детектив. – Здесь, в этом досье, вся информация о матери пропавшего ребёнка: её адрес, её жизнь, её фото... Выяснилось, что когда-то в детстве её саму родители забыли в фойе огромного торгового центра...

И тут наша женщина упала в обморок.

Встреча состоялась в тот же день. Её назначили в супермаркете. Наша женщина всё-таки осторожничала, не будучи уверенной до конца в том, что нашедшаяся – её дочь. Хотелось обеспечить себе пути к отступлению, тем более, что на руках у неё оставалась ставшая родной малышка...

И они встретились... В толпе посетителей женщина смотрела искавшую её другую, более молодую женщину – мать малышки. Та, видимо, интуитивно почувствовала, куда надо идти, и бросилась, сквозь толчею, навстречу своей дочери и – вероятной матери. И тут – о чудо! – мать признала дочь! Конечно же, несмотря на годы, материнское сердце не могло ошибиться. Да, она нашла наконец свою потерянную дочурку, которую искала всю жизнь, нашла – потому что кто ждёт, кто надеется, тот обязательно добьётся своего.

Обе женщины, мать и дочь, плакали, обнявшись, в толпе людей и не стеснялись своих чувств. Покупатели торгового центра с умилением наблюдали за этой трогательной сценой, многие снимали их встречу на мобильники, чтобы потом выложить в Интернет. Всем было радостно на душе, и даже администрация супермаркета от чистого сердца преподнесла обеим героиням памятные подарки.

Ну, а маленькую девочку... О которой все забыли... О да, её задержала публика, чтобы она не потерялась в толпе, и тут же вручили обеим героиням. Но девочка всё равно плакала. Горько рыдала.

Никак не удавалось её успокоить.

От слёз она даже не могла говорить...

Уже дома, пытаюсь прояснить, что же всё-таки так расстроило дочурку-внучку, бабушка и мама узнали, наконец, причину. Захлёбываясь от рыданий, девочка рассказала, что случайно оставила в супермаркете свою любимую куклу...

Немая сцена.

ТРИ ЦВЕТА

Навеяно трилогией Кшиштофа Кесьлёвски

Белый

Они всегда приходят в непредсказуемое время. Никто никогда не знает наверняка, когда и где их ждать. Также мы не знаем и того, кто окажется следующим.

Они приезжают на своём полосатом трёхцветном грузовичке, замаскированном под машину торговцев мечтой. Проезжают по главной улице нашего селения, затем поворачивают – куда-либо, путь их никому из нас заранее неизвестен. Могут подъехать к дому старосты или пастуха, к здешнему самому уважаемому человеку или даже к свалке на окраине, на которой прозябают несколько бродяг.

И бывает это ночью. Или днём. Или ранним утром. Или просто после уроков – это когда они приехали забрать Мишку-пятиклассника. Они всегда вежливо здороваются и говорят: «Не хотите ли проехать с нами в место, где сбудутся ваши мечты?..» И бесполезно протестовать. Убеждениями, настойчивостью, а бывает и силой людей сажают в грузовичок – и увозят. Увозят навсегда. По крайней мере, мне никогда не доводилось слышать о том, чтобы увезенные возвращались.

Мы писали им письма... Но они не доходили. Не знаю, может быть, это оттого, что на конверте был расплывчатый адрес: «В место, где сбываются мечты...» Мы пытались передать им весточки через нашего мэра и через главу района, но это не приносило особой пользы.

Нам говорили: «У нас свободная страна. И люди вправе отправиться за мечтой. Что же вы зря беспокоитесь... Передать-то мы передадим, но вы напрасно думаете, что им от этого станет легче».

Не знаю. Ничего не знаю. У нас действительно демократия, но иногда жителям села не по себе от всего, что происходит. Мечта мечтой – но ведь и поля пахать надо, и урожай собирать. Не думаю, что это будет легче от того, что кто-то обманом или силой увозит наших работников.

Вот, скажем, вчера они приехали за Седым Джоном. Он как раз сидел на лавочке и курил трубку, грел на солнышке свои больные косточки. Он-то сразу понял, зачем они здесь, и ехать за мечтой ему уж совсем не хотелось. «Вот она, моя

мечта! – объяснял он прибывшим, показывая свою трубку, лавочку и – целый выводок внуков, выбежавших в изумлении из дома. – Мне больше ничего не надо!..» Но они не стали его и слушать. Вежливо, но решительно подхватили старика под руки и затолкали в трёхцветный грузовик. «Пока, дедушка! – кричали внуки. – Мы будем помнить о тебе всю жизнь!» И грузовик ехал, подрагивая на ходу, по кочкам сельской дороги, и пыль из-под колёс клубилась сизым облаком ещё долго, пока машина не скрылась из виду...

А на прошлой неделе забрали Ли Баожэй. Она возвращалась в полночь с сельских танцев; у нас иногда молодёжь гуляет допоздна, особенно в период праздника Весенней звезды. Девушку провожал Хуан, парнишка с молочной фермы. Так вот, они подстерегли их по дороге, и окружили в тот момент, когда влюблённые целовались. Баожэй кричала, когда её сажали в машину. Хуана держали трое, и ещё один его «успокаивал» – так, что назавтра всё лицо распухло.

За сыном моего соседа, Сержио, явились прямо на луг, что за сельской мельницей и ручьём; он туда на заре привёл коров пастись. Собственно говоря, мы так думаем, что явились именно они, потому что парнишка просто пропал, сгинул и коров в тот день домой не пригнал – пришлось соседу самому, уже поздно ночью, позаботиться о стаде.

Это вызвало в народе серьёзное недовольство, и мы с соседом даже ходили в мэрию, чтобы довести до сведения властей наш протест. «Понимаете, – говорили мы, – мы ведь живём в свободной, демократической стране, и так нельзя поступать по отношению к нашему населению. Люди ропщут. Вы должны отменить или на время отложить визиты в село торговцев мечтою. Иначе это может иметь серьёзные последствия...»

И мэр извинялся, бледнел, краснел и обещал, что больше такого – никогда! слышите, никогда! – не повторится. Что он всё сделает, сообщит, куда надо.

Мы поверили.

А спустя четыре дня они явились вновь – и без приглашения вошли в дом к доярке Маргарите фон Си-Бемоль и без церемоний вытащили её наружу. «Мечта! Мечта!» – убеждал старший из них, заталкивая в грузовик почтенную женщину. «Мама, я нарисовала тебе солнышко! – прокричала младшенькая, бегом примчавшись и протягивая к борту машины рисунок. – Оно будет освещать тебе дорожку!» И тогда их

главный бережно взял листок бумаги из рук малышки, улыбнулся и с уважением передал его внутрь, в кузов, пленнице. «Спасибо, милая, – сказал он, потрепав девочку по голове, – я уверен, что твоей мамочке понравится». А Маргарита напоследок воскликнула: «Нарисуй ещё один! Отдашь мне по моему возвращению!..» И малышка кивнула, и кинулась в дом за акварельными красками и бумагой...

Она, говорят люди, умеет хорошо рисовать. Наверное, когда вырастет, будет художницей. Если, конечно, ей не помешают мечтатели...

Синий

У нас беспокойно. С утра народ гудит, отказывается выходить в поле, даже доярки, подоив коров, вернулись в центр села и столпились вокруг дома старосты.

Мы все протестуем. Я сам лично возмущён происшедшим; доколе в нашей демократической стране мы будем терпеть произвол каких-то сомнительных личностей?! Почему?! Почему?! Почему?! – я вас спрашиваю.

Мы с соседом первыми взяли за ружья. Да, есть у меня отличное ружьё, оно очень полезно при сезонной охоте на кенгуру и ягуаров. Мужчины собрались на площади перед сельсоветом. Я им сказал: вооружайтесь кто чем может и создайте блок-посты на подъезде к селу; всё селение нужно окружить и защитить от вторжения посторонних. Ни в коем случае трёхцветный грузовик и иже с ними не должны больше появляться здесь, у нас! Мы не потерпим дальнейших беспричинных хищений!

«Эжен и Лео! – говорю я. – Дуйте в областной центр и срочно давайте телеграмму во все крупные средства массовой информации: так, мол, и так, защищаем свой дом от произвола, устали, мол, от тайных арестов».

«Петька и Васька! – продолжаю. – А вы – к губернатору региона, попадите к нему на приём любой ценой, добейтесь, чтобы он вас выслушал: пусть срочно принимает меры!»

Староста села долго и испуганно бродил в толпе, пытался тихим голосом меня успокоить, но я остался непоколебим. «Мы ведь правы? – говорю. – У нас ведь демократия?..» И тут он согласился... Вздохнул только, и пообещал, что будет перед властями в любом случае оправдывать все наши действия, коль скоро они вызваны нарушением прав и свобод...

«Только не стреляйте ни в кого! Только не берите на себя грех! – просил он. – Чтобы я с чистою совестью мог смотреть в глаза журналистам и руководству».

Я молчал – в этом случае, и в душе был полон решимости отстоять до конца спокойную, размеренную жизнь нашего селения, не нарушаемую всякими авантюристами от мечты.

...И вот начальство прибыло; прибыло прямо сюда, на место, в наше село. Парни, перегородившие проезд, охотно пропустили их – с моего позволения. Пропустили и корреспондентов Всемирного телевидения и газеты «Слава Богу».

Все мы – представители местных и прибывшие – собрались в сельской церкви; не лучшее место для переговоров, но иного у нас просто не нашлось, а свой дом никто из селян предоставить для этой цели не решился.

Было очень, очень много народу.

И ещё бы – ведь в этот момент решалась судьба (в какой-то степени) Великого Закона, который напрямую запрещал тайные поползновения властей, гарантируя гражданам неприкосновенность.

Представитель губернатора начал:

– Чего вы хотите?

Я вошёл на амвон и провозгласил:

– Свободы! Мы хотим свободы! Это не дело, когда наших людей тайно увозят якобы для исполнения мечты!.. Почему за нас решают, что кто-то должен навсегда исчезнуть, почему наносят такой предательский удар по нашему мирному маленькому сообществу?! Мы не хотим зависеть от злобных сил извне! Жизнь и права селян нужно уважать – именно об этом говорит Великий Закон, нарушение которого заставило нас взяться за оружие!..

...Меня слушали со вниманием, и от этого на сердце пребивала радость. Есть в мире справедливость, думал я, и мы ещё покажем, что демократия – не пустое слово!..

Красный

Теперь всё хорошо. Теперь всё отлично. Многие боялись, что наша встреча с властями ничегошеньки не даст, но опасения оказались необоснованными. Я лично верил в то, что за столом переговоров можно решить любую из проблем. И моя убеждённость сыграла ключевую роль в теперешнем вопросе.

Мы больше не страшимся несправедливости. Не трясем-

ся от ужаса, заслышав вдалеке, на дороге шум мотора трёхцветного грузовичка, потому что знаем, что не они – те, кто едут на нём, торговцы мечтой, – решают теперь, кто в очередной раз станет их добычей.

Теперь в нашем селе полная демократия. Мы сами определяем свою судьбу. И не в непредсказуемый день и час, а в то время, которое посчитаем нужным.

Слава Великому Закону!..

...Каждую неделю, обычно по субботам, когда закончатся шесть дней напряжённого труда, мы всей общиной собираемся в церкви – самом большом помещении в селе, весьма удобном для общих собраний. Каждый присутствующий может взять слово и высказать свои соображения. Мы делимся информацией и совместно решаем всё, что внесено в повестку дня. И самое главное – обсуждаем кандидатуру и, в конце концов, выбираем того, чья мечта на этот раз осуществится.

Голосуем. Заносим в протокол – с голосами «против» и воздержавшимися. Всё чин чинном.

Как положено.

Честно.

Без всяких сюрпризов.

И далее – идём звонить в город, чтобы трёхцветный автомобиль мог сразу же выезжать в наше село, уже на законных основаниях.

Мы очень любим свою страну. Ценим порядок и демократию. И для нас важно уважительное отношение к основам общества, ибо только так уважение к себе никогда не умрёт в нашем сердце.

ТИХО И НЕЗАМЕТНО

Земля

Вообще-то я опыляю поля. У меня есть личный старенький самолёт, унаследованный от отца – а ему, в свою очередь, он достался от моего деда. Летающая машина-биплан типа кукурузника, модель *culo del cielo*; на нём я налетал десятки тысяч миль, обследовал все окрестности нашей удалённой провинции, Срединных земель, а также приграничные районы стран-соседей: Левого государства (расположено слева от нас) и Правого государства (оно, соответственно, справа).

Ну, вы сами знаете, что такое находиться посередине, в

приграничье. Бывает, что и контрабандой приходится заниматься, потихонечку. Но, если честно, то я стараюсь этим не злоупотреблять, так как страна у нас справедливая, если поймают – не поздоровится, а оно мне надо?.. В принципе опыление полей и садов – более или менее доходная профессия, тем более что я знаком со всеми фермерами в округе; другое дело, что последние несколько лет мы переживаем засуху, заказы сократились и нет-нет, да и приходится втихомолку подражаться на работу, о которой не говорят вслух.

Например, мне случается перевозить скот. Прямо в салоне моего самолётика – и то сказать: небольшое стадо, в несколько голов, влезает за милую душу, только засрано потом всё остаётся, и нужно убирать. Ну, что же, такова моя доля... Лететь я вынужден на низкой высоте, иногда чуть ли не по-над землёю. Зато излевой страны в Правую, без всякого санитарного сертификата, попадают овцы, а из Правой в Левую – коровы. Дело в том, что края наши – и Срединные земли, и Ливо-Правые – расположены в пампасах, точнее, там, где пампа и горы встречаются друг с другом; дальше, за хребтами, уже начинается плато Барабама, ну, вы знаете. Здесь, у нас везде полно скота, который пасут гаучо; а ближе к предгорьям, где кончается долина, идут поля кукурузы, овса и – сады, взбирающиеся террасами по склонам. Именно там я и летаю, когда есть заказы, потому что насекомые-вредители никак не хотят оставить местных фермеров в покое. И отец мой здесь летал, и дед. Это наше семейное предприятие – ну, понятно, в ту пору, когда всё цветёт пышным цветом и урожая полно; я не имею в виду нынешние нелёгкие времена, когда приходится подрабатывать перевозкой груза – чтобы выжить.

А дело, с этими коровами-овцами, было так. Сижу я как-то себе в нашем городке среднеземельном – он называется Санта-Лощара, и питейное заведение, в которое я заглянул, соответственно тоже так – салун «Лощара». Так вот. Сижу я, значит, в салуне, потягиваю свою любимую вишнёвицу. Тут, у нас, собственно, и делать-то больше нечего, только вишнёвицу пить. Или сливовицу, или грушовицу, или гуаявицу, или бананад – у слепого Тома всё есть, что ни пожелаешь; но лично мне больше по вкусу вишнёвица – обожаю её!.. Так вот. И подкатывает ко мне, значит, незнакомый хмырь, наверное, излевой страны. Ну, или из Правой.

«Привет», – говорит.

Я: «Ну, привет!»

«Пить будешь? Я тебе закажу...»

Я смотрю на него – хмырь хмырём, но кожа задубелая, почернела от солнца, весь морщинистый, и руки натружены. Понятное дело, владелец фермы – просто не из наших.

«Давай, – говорю, – по маленькой. За дружбу народов... Только мне вишнёвицы!»

Ну, выпили мы с ним... А что? Я уж и так без дела который день слоняюсь, мой кулодель на приколе. Не грех немного расслабиться. И – глядишь – заказ кой какой перепадёт.

«Ты, это... – говорит он, – если хочешь заработать, то забери моих овец излевой... Перевезёшь типа через границу, я хорошо заплачу».

«Здрасьте! – отвечаю. Я тогда ещё правильный был, ни о какой контрабанде и слышать не хотел, в нашей стране справедливой. – Тебе, брат, за выпивку спасибо, конечно, но на меня не рассчитывай».

«А чё?...»

«Ну, я в курсе, что там у вас, влевой творится... Газеты читаю, грамотный. У вас там типа революция, к власти прогрессивный лидер пришёл, и, короче, все предприниматели драпают из страны. Есть нечего, скот распродают. А в Правой стране, наоборот, хунта фашистская, они там всё скупают по дешёвке... Наши-то власти, справедливые, не дружат ни с кем из вас, блокаду Левым объявили, и Правым заодно, если меня поймут на моей развалюхе – всё, считай, капец. Оно мне, брат, надо...»

Выпили мы с ним ещё. По маленькой. Помолчали. Подумали.

Он таким огорчённым выглядит, прямо жалко его.

Что за времена, что за нравы...

«Двадцать национальных монет даю, – наконец произносит он. – Не будь я Бельски!.. Ну, так что?...»

У меня аж дыхание спёрло от такой суммы.

И глаз начал подёргиваться – от волнения...

Но виду я особого не подаю.

И говорю:

«Сорок национальных монет». – Как ни в чём не бывало.

Он и бровью не ведёт...

«Тридцать, – сообщает мне. – И точка. Не будь я Бельски!..»

Короче, мы с ним-таки поладили. Ну, не знаю... Может, меня в тот день чёрт попутал...

С тех пор так и повелось. Я – не каждый день, конечно, – вылетал тихими ясными ночами, а бывало, и в обед, если дождь или там что, в Левую страну, через хребет и плато Барабама и приземлялся аккуратно на вытянутом, малозаметном с воздуха лугу в предгорье. Там уже меня ждали пастухи с отарой. Мы сооружали нечто вроде пологого деревянного трапа – сходней, и пастухи загоняли бляевших овец и баранов, во главе с козлом, в мой начисто вымытый салон. Сколько влезало. Каждый раз приходилось торговаться по числу голов – ведь салон не безразмерный, мой кулодель много не возьмёт, мне ещё лететь надо по-над горами, хотя они и не бог весть какие высокие. Я и так выжимал из мотора всё что можно, с таким весом летать-то нелегко! Шасси за скалы внизу едва не цепляют...

Рейс длился часа три-четыре – при моей скорости. Приземлялся я по ту сторону границы, точнее, обеих границ. Там, за холмами, уже шла Правая страна, и меня обычно ждали ребята бандитского вида, которые, однако, были вежливыми и аккуратно забирали весь скот. Ну, что поделаешь! – гаучо! Мне потом могли в салон, по договорённости, вместо овец загрузить коров и быков, но это, правда, не каждый раз было. И ещё мне вручали мои тридцать монет.

Вот так всё и было, клянусь, было...

Все эти операции, естественно, координировал тот самый старый труженик, фермер Бельски, с которым мы встретились в салуне, – полностью его, оказывается, звали К. О. Бельски; в дальнейшем я его для краткости величал К. О. Или просто Ко. Мы с ним, кстати сказать, очень хорошо со временем подружились. Хитрый был, зараза!.. Но опытный и умный...

Да, так и было...

Я сам буквально за месяц-другой здорово поправил своё материальное положение...

Прилетал я домой обычно под утро. Усталый, вымотанный. Нагружался, как положено, у слепого Тома, в «Лошаре», пил свою вишнёвицу, и жизнь мне казалась прекрасной. Правда, пришлось чуток поделиться доходами со здешним начальником погранзаставы; он однажды застал меня в салуне в нетрезвом виде и живо выведал у меня подробности авиаперелётов – замаскировался, гад. Я тогда, чуть позднее, протрезвев, чуть в штаны не наложил от страха, ведь наши-то справедливые таких вещей ох, как не любят! Ох!.. Но в кон-

це концов мы с ним договорились. Тихонечко так, по-людски. Единственное, что он меня предупредил по-честному: увижу, мол, твою машину в воздухе над границей – просто собью. Но если будешь тих, как рыба, то меня это не касается. Самое главное, чтобы всё было по чинному. Тихо и незаметно. И чтоб не болтать.

Я, понятное дело, согласился.

Ну, вы сами знаете...

Ведь жить-то надо...

Это жизнь...

Воздух

Начальника погранзаставы арестовали и расстреляли весной. Официально было объявлено, что в отношении него был совершён акт справедливости. Ведь наша страна Срединных земель известна всем как страна справедливая. А это что-то да значит – в наше время.

Я, конечно, сильно переживал в те дни. Опасался, как бы они теперь не пришли за мною. И даже решил просто отказаться от дальнейших нелегальных рейсов, тем более, по слухам, у Левых вообще творилось чёрт знает что, и наши справедливые во всеуслышание заявили, что не приемлют никаких полётов чуждых самолётов над своей территорией. Будут, мол, уничтожаться любые летающие объекты – пусть хоть президент ихний появится в воздухе, справедливым до этого нет дела.

Вы сами знаете, что мой кулодель не так-то просто обнаружить в небе, несмотря на все ухищрения сил ПВО. Но в любом случае я посчитал правильным больше не рисковать. К тому же и Ко в последнее время куда-то запропастился. Ну, а что касается заказов на опыление полей и садов – то они вновь появились, и это здорово; я опять был занят полезной работой, и это отвлекало меня от мрачных мыслей и всяких сомнительных дел.

В самом начале лета, когда молодая поросль покрывает всю землю до самого горизонта и скот нагуливает вес, К.О. Бельски оказался опять в «Лошаре». Он вальяжно расположился у стойки и с довольной физиономией наблюдал за мной, уставшим после рабочего дня и заказывающим у слепого Тома, как всегда, свою законную порцию вишнёвицы.

«Физкульт-привет работникам штурвала! – Торжествен-

ным движением Ко поднимает вверх полупустую бутылку. – Наше вам!.. Короче, для тебя есть очередное хорошенькое дельце...»

«Нет, Ко, уволь, – я смотрю на него с улыбкой. – Я подаю в отставку с твоей службы. У меня и так заказов полно на опыление полей, так что мне хватает...»

«И что, – не сдаётся Бельски, – они все платят тебе по тридцать национальных монет?...» – с этими словами он как бы невзначай подвигает ко мне мешочек с серебром, прямо по стойке бара.

Я уставился на этот мешочек и чувствую, как взыграла во мне жаба.

«Ну, если в последний раз... – говорю, сглатывая слюнки. – Ты ведь понимаешь, Ко, моя машина не очень-то приспособлена для перевозки скота, с каждым разом она от такой операции становится всё хуже и хуже...»

«Понимаешь, – охотно соглашается фермер с хитрой улыбкой и поднимает рюмку. – Давай-ка выпьем за тебя и твои полёты! Удача – это такая вещь, которая не даётся дважды одному придурку в одни руки!..»

Мы пьём, и я чувствую, как благодатное тепло разливается по моей глотке. Я готов – я снова готов идти в бой. И знаю, что проверну всё, как всегда, – тихо и незаметно.

Рано-поздну, в полпятого, с рассветом я уже оказался на месте, на том самом лугу, налевой территории. Приземлился, проехался по траве, заглушил мотор, подождал, пока пропеллеры останоятся... Здесь меня уже ждали – пара пастухов с двумя десятками белоснежных овец. Я вылез из самолёта, поздоровался. Один из пастухов оказался высоким красивым мужчиной – прямо-таки орёл молодой, мне приятно было с ним иметь дело. Первый раз увидел здесь его... Несмотря на рабочую потрёпанную одежду, что-то во всём его облике чувствовалось благородное.

«Вам не говорили, что вы похожи на...» – замечаю я, пока мы пристраиваем сходни к самолёту.

«А он косит под наших революционеров! – со смехом отвечает его напарник, пока высокий пастух скромно отмалчивается, не переставая заниматься делом. – У нас сейчас, знаете ли, повальная мода среди молодёжи – типа выглядеть так, как левые, одеваться так, как левые, говорить так, как левые...»

«Надеюсь, на самом деле вы – не одни из них?... – спра-

шиваю. – Впрочем, меня это, типа, не касается. Ваша страна – вы и делаете в ней, что хотите. Моё дело сторона – так, овец перевезти, что ли...»

«Не бойсь! – напарник всё наладил и приступает к загону отары в салон. – Мы не левые, мы свои! Нам, брат, знаешь, некогда всякой левой фигнёй заниматься! Нас ещё жёны ждут, и потому – успеть бы вернуться до вечера!..»

Короче, загоняем мы всех овец, я захопываю дверь и машу через иллюминатор коллеге высокого – напарник остаётся на земле, чтобы сэкономить лишние килограммы, а со стадом в салоне самолёта сидит лишь один высокий и красивый. Я киваю единственному пассажиру и завожу мотор.

«А вы не думаете, что эти справедливые откроют по нам огонь?» – спрашивает меня пастух; кричит громко, через салон, чтобы заглушить рёв рычащего двигателя.

«Пусть попробуют! – кричу я ему в ответ. – Сначала они должны нас засечь, а это, братан, не так-то просто! Мы летим на сверхмалой высоте и очень медленно – для современных самолётов. Аппаратура ПВО просто настроена на другие параметры; вполне возможно, что справедливые нас просто не заметят!»

«Это хорошо-о...» – улыбается начальник стада, но дальше мне уже некогда говорить с ним, и я вырливаю к наиболее удобному месту для взлёта.

«Держите своих овец!» – предупреждаю его напоследок. И газую.

Довольно длинный разбег, подрагивание фюзеляжа и – груженная машина тяжело отрывается от земли, кренясь, проседая; я кое-как выравниваю её и стараюсь поскорее набрать высоту, потому что совсем близко – горы. Невысокие, но всё же горы.

Овцы в салоне блеют как оглашенные и даже забивают своим испуганным «бе-е-е!» завывание моторов.

Я наконец-то поднимаюсь более или менее прилично над цепью невысоких вершин, делаю разворот и ложусь на курс – по направлению к Правым. Путь, надо сказать, неблизкий, да ещё с таким грузом. Внимание, внимание, внимание – я должен быть весь внимание, чтобы благополучно завершить полёт.

Самолёт надрывно гудит, его мотает из стороны в сторону. Я держу штурвал – и одновременно с тревогой поглядываю на землю, вниз и по сторонам – мало ли чего, вдруг и впрямь

там наши справедливые задумали какую-нибудь пакость. Граница-то уже близко, надо быть начеку.

Из салона несётся непрерывное бляение; и также распространяется запах – шерсти, бараньих какашек и чего-то патриархально сельского; но, надо сказать, я к этому уже привык.

Лечу.

Прямо.

Держу штурвал.

И смотрю, блин, на облака. И на проплывающие подо мною жёлто-зелёные гряды гор, окаймляющих плато Барабама...

Но полёт проходит, в общем, вполне благополучно, и я зря волнуюсь – хоть переживания и являются непременным атрибутом моего контрабандистского ремесла. Ещё нет и полудня, а мы уже подлетаем к месту назначения...

Посадка – отлажена. Это дело привычное, давно уже привычное – если говорить про последние мои задания. Я захожу по ветру, кричу в салон, чтобы там все приготовились, и на всякий случай обзираю с высоты окрестности: мало ли чего. И от правых тоже можно всякого ожидать...

Моторы ревут.

Пропеллеры крутятся.

Самолёт слегка дрожит – а земля приближается, всё ближе, ближе...

Низко, очень низко.

Толчок... Сели!

Ну, слава богу...

Я поворачиваю, уже на земле. Там, передо мною расстилается бескрайная пампа.

Глушу моторы...

Жду, пока полностью остановится вращение винтов...

Гляжу через смотровое стекло, как к моему кулоделю со всех сторон подбегают местные, бандитского вида гаучо... Встречают... Это свои, свои, свои... Как хорошо, как здорово, когда видишь знакомые лица!..

Выгружаюсь.

Точнее, наблюдаю, как выгоняют наружу мой овечий груз, и как гаучо радостно встречают сопровождающего пастуха – высокого, красивого. Он оглядывается и замечает меня; поднимает приветливо руку, машет. Мол, пока! Пока!..

Я машу ему в ответ, напоследок.

Мне теперь хорошо и спокойно на душе.

Ведь это был мой последний незаконный полёт.

И к тому же в кармане позвякивает тридцатник – тридцать огромных прелестных новеньких национальных монет, блестящих на солнце кружочков, в которых отражается небо...

Мне приятно. Мне радостно.

Мне классно.

Пора, блин, всё сдав, как надо, возвращаться домой...

И я прощаюсь со всеми и забираюсь к себе в кабину. Ещё я доволен тем, что сегодня мне не придётся закидывать к Левым коров. Сегодня я – свободен.

Это здорово!

Я – отрываюсь от земли и плавно, будучи совсем лёгким, как пёрышко, взлетаю к небесам.

Домой! Домой! Домой!..

Я, глядя на компас, разворачиваю машину носом в сторону своих Срединных земель...

Эх, сейчас бы не помешала бутылочка вишнёвицы...

Прилетел я обратно вскоре после обеда. Легко мне было на этот раз – и на душе спокойно, и машина шла как надо, без единого сбоя.

Сел в Лошаре, на окраине городка. Там у нас устроен крошечный аэропорт, который, по правде сказать, выглядит как сонная муха. Ну, ещё бы – гражданские рейсы бывают раз в неделю, и лишь грузовые летают чаще – разумеется, только в глубь страны. Мы вообще расположены на отшибе, в самом глухом конце страны, и если бы не краски полей и садов да не голубое, милое сердцу небо, здесь вообще совершенно нечего было бы делать.

Так думал я, вылезая из своего кулодела и направляясь в сторону дома, где, увы, никто не ждёт меня с чашкой чёрного ароматного дымящегося кофе, как некоторых иных моих авиационных коллег... Я, увы, уже много лет живу один – с тех пор, как моя благоверная сбежала из нашей глухомани в столицу. Я слышал, что она там со временем вполне неплохо устроилась. А я – я так и остался прозябать один, вместе со своим крылатым наследством, доставшимся мне от предков...

По пути домой я, конечно же, заглядываю в салун «Лошара». Это уже традиция такая, что поделаешь, – выпить рюмочку-другую после прилёта, отметить возвращение на землю.

Я, конечно, сегодня особо осторожен – справедливые ведь не дремлют. Если хоть кто-то прознает про мой сегодняшний рейс, то мне несдобровать. Хорошо, хоть начальник погранзаставы, которого «осправедливили», не успел ничего рассказать о наших с ним контактах...

Аккуратно заглядываю к слепому Тому – на всякий случай. Заглядываю с улицы, через окно. Нет, внутри всё чисто. Никого из посторонних. Разве что группа младшеклассников с рюкзачками за плечами; это пионеры, приехавшие на экскурсию в горы, оно понятно. Они нередко к нам, в Лошару приезжают. С пионервожатым. Наверное, единственные туристы, которые не обделяют вниманием наш убогий городок... Вон их автобус стоит – на обшарпанной автобусной станции. Весь в пыли, рыжей пыли местных дорог – или того, что называется в наших местах дорогами.

А так – всё спокойно.

Ага.

Умиротворённый, я вхожу в салун к слепому Тому...

Прохожу к стойке.

Залезаю на высокий стул.

Лениво оглядываюсь. Пионеры-малыши потягивают безалкогольный бананад.

И даже их старший – весёлый дядька с пионерским галстуком – не пьёт ничего крепче кофе.

Я заказываю вишнёвицу.

Дети галдят.

В салуне – никого из знакомых.

Скучно...

Но хорошо, что я наконец дома...

Эх... Устал...

Хорошо...

«Встать! – внезапно раздаётся над голосом жуткий и твёрдый командный голос. – Руки на стол! Живо! ЖИВО!!!»

Я вздрагиваю – и беспомощно оглядываюсь. На меня в упор наставлено дуло пистолета-пушки 90-го калибра. Его сжимает в каменной руке пионервожатый. А детки – детки повскакали с мест и с моментальной скоростью вынули из своих рюкзачков боевые автоматы. Все повернулись к моей персоне. Нацелились – прямо мне в голову. Держат на мушке. И больше не галдят. А смотрят на меня железными взглядами, мигающими глазами. Чувствуется, что ни у одного из них не дрогнет рука, если придётся выстрелить.

Я автоматически кладу обе ладони на стойку бара... По спине пробегает холодок. Группа захвата молчит. В то время как её старший – липовый пионервожатый – надевает мне на запястья наручники... Ловко. Споро. Безнадёжно.

Детские руки – маленькой девочки с хмурым взглядом – быстро ощупывают меня и извлекают из кармана мешочек с тридцатью национальными монетами.

Школьники дулами автоматов заставляют меня встать и довольно бесцеремонно подталкивают к выходу из салуна. Я в последний момент оглядываюсь – и замечаю виноватое выражение лица слепого Тома. Он стоит за стойкой, какой-то весь потерянный и жалкий... Я не сержусь на него. Хотя мне и некогда сердиться.

Нужно думать о своём – о новом теперь для меня своём...

Ко входу в салун «Лошара» подруливает жёлтый и весёлый школьный автобус...

Преисподняя

Темно. Ничего не видно. На глазах моих – повязка, мне её нацепили, и теперь ведут меня, поддерживая под руки, по каким-то длинным переходам – неизвестно куда.

Наконец приводят. Подводят, судя по всему, к стулу, усаживают и сковывают цепью запястья там, сзади, за спинкой того сиденья, на котором мне приходится теперь сидеть.

Снимают повязку... Я моргаю, щурюсь, оглядываюсь по сторонам – беспомощно и с трепетом. Вижу комнату, глухую замкнутую комнату – всё равно, что камеру в подzemелье. Она квадратная по форме, метров пять на пять, никаких тебе окон и – низкий потолок, отчего кажется, что пространство со всех сторон давит. Приглушённое освещение, от него на стенах возникают загадочные тени, и это тоже не прибавляет мне смелости и отваги. В такой-то день...

Я сижу, оказывается, в самом центре этой комнаты-камеры. И даже могу поворачиваться по кругу – мой стул вращающийся. Делает, при желании, полный оборот.

Но вот встать с него, оторваться – увы, мне нечего и думать...

В каждом из четырёх углов комнаты, на высоком табурете, восседает по бородатой фигуре – все они в длинных, свободного покроя, мрачных одеяниях и с горящими очами; вид их в целом грозен, и у меня под ложечкой пробегает холодок.

Замечаю, что бороды у этих незнакомцев – разного цвета... Но лучше бы мне не видеть всё это, лучше не видеть!..

«Итак, начнём, – говорит громоподобным голосом одна из фигур. – Подсудимый предстал перед справедливой четвёркой. Он находится полностью в нашей власти, и сейчас мы проясним, какую именно роль он играл в заговоре против нашего справедливого государства – Срединных земель».

«Какой такой заговор... – бормочу я. – Я лишь перевозил туда-сюда скот...»

«МОЛЧАТЬ!!! – первый мужчина, между прочим, с густою русою бородой, повышает на меня и без того громкий голос, и от этого мне становится действительно плохо. Неуютно. – Обвиняемый ответит тогда, когда ему дадут слово!.. Итак... В этой комнате собрались четверо справедливых в составе: обвинитель... – Одна из фигур, с чёрною бородою, с достоинством кивает из угла. – Далее защитник. – И русский церемонно прикасается к сердцу. – И, наконец, апеллятор, – взмах царственной руки направлен в противоположный угол, где сидит самый жуткий тип с бородою, поседевшей от времени.

«Как ваше имя, подсудимый?» – продолжает вести процесс координатор, глядя, строго и отстранённо, куда-то поверх меня.

«Я... Э-э-э...» – лепечу и чувствую, что язык мне не повинуется.

«Впрочем, это неважно... – Русая борода так и не достаивает меня взгляда. – Наверняка у него вместо имени подпольная кличка. Обвинитель... Что вы имеете сказать?»

«Ваша справедливость!.. – раздаётся басом из угла, где сидит чернородый. – Мы обвиняем этого недочеловека в подлой и злонамеренной деятельности против нашего народа, за что подсудимый получал вознаграждение в сумме тридцать сребреников».

«Однако его нельзя назвать предателем в справедливом смысле слова, – уточняет, тоже голосом-рочотом, защитник с рыжей бородой. – Он скорее пришлый агент международной разведки, подготовленный за рубежом. Об этом свидетельствует его невероятная ловкость, поскольку он обвёл вокруг пальца нашу сильнейшую и опытейшую спецслужбу и действовал у неё прямо под носом...»

«Пришлый? Да его отец и дед проживали в Срединных землях!..»

«Следовательно, перед нами – именно изменник, предавший интересы собственной страны, – подводит итог первому пункту русобородый координатор. – Переходите к сути дела».

«Да, ваша справедливость. – Обвинитель прокашливается. – Мы обвиняем этого недочеловека в организации беспрецедентной по масштабам торговли оружием. На своём самолёте он перевозил из Левого государства в Правое – а это, как известно, наши враги – огромные суммы денег, миллионы национальных монет. Все они были спрятаны внутри обычных домашних животных, в частности, в баранах и овцах».

Меня в этот момент передёргивает. Бьёт мандраж.

«И далее... – Обвинитель продолжает: – И далее он перевозил из Правого государства в Левое других домашних животных – крупный рогатый скот, начинённый боевым оружием по самую макушку. Там, в частности, были лазерные револьверы и автоматы, пулемёты с электронной системой наведения, боеприпасы – кстати, запрещённые всеми международными конвенциями, миномёты и комплекты химических мин к ним...»

«Но и это не всё, – говорит дальше чернобородый. – Оружие малого и среднего радиуса поражения перевозилось в коровах. А в быках – составляющие ядерных ракет, которые собирались уже непосредственно на месте, в Левом государстве... И всё это делалось с одной-единственной целью – для совместного нападения Левых и Правых на Срединные земли. Чтобы справедливые потеряли покой...»

Я чувствую, что теряю сознание... От наглости предъявленного обвинения не могу даже подобрать слов.

«Вы ещё скажите про главу государства!.. – встревает в выступление обвинителя рыжая борода. – Благодаря подсудимому, глава Левых летал к Правым, чтобы разрешить все приграничные конфликты!»

«Вы имеете в виду тайный перелёт в Правое государство президента Левого государства Красавски – он к тому же является и лидеромлевой революции, угрожающей самим основам мирового порядка. Но он летал к главарям фашистской хунты Правых отнюдь не для того, чтобы заниматься урегулированием приграничных споров. Нет, президент Красавски подписал с Правыми секретное соглашение о совместных действиях против нашей страны – неопровержимые доказательства тому представила наша разведка!»

«Красавски просто не мог покинуть территорию своей

державы... Как известно, Левые и Правые напрямую не граничат между собой. Между ними вклиниваются Срединные земли, и пересечь нашу территорию – было крайне опасно для него, ведь наша ПВО обещала сбить его президентский самолёт, едва тот появится на радаре!..»

«Ага! Ага! Ага!!! – злобно выкрикивает обвинитель. – И тут на горизонте появляется этот предатель, этот изменник со своим тихоходным бипланом!.. Он прекрасно знает, что его старенькая этажерка настолько примитивна, что недоступна для средств слежения наших сил ПВО! Если бы этот недочеловек не предложил свои услуги, то и альянс Левых и Правых не удалось бы создать – наша дипломатия и наши спецслужбы делали всё возможное, чтобы этого никогда не случилось!!!»

Координатор наконец соглашается взглянуть на меня – сверху вниз. Во взгляде его читается столько презрения, столько презрения...

Я сам держусь из последних сил. Цепи врезались в мои несчастные затёкшие руки, а в горле пересохло – совсем как в высокогорной пустыне Барабама. Сейчас бы вишнёвицы... Прохладную бутылочку вишнёвицы... Ну, или хотя бы один стакан...

«Но как вы мыслите себе, – вопрошает защитник с рыжей бородой, – чтобы президент целого государства, пусть даже враждебного нам, у которого армия под рукой, главнокомандующий наземными силами, военно-воздушным и военно-морским флотом – как же так получилось, что он запросто, без охраны, сел в дряхлый, полуразвалившийся кукурузник, переодевшись пастухом, и с очередной порцией национальных монет пересёк сразу две охраняемых границы?!»

«А очень просто... – чёрная борода не намеревается отступать. – В системе соблюдения безопасности применяется одна уловка, о ней знают специалисты высокого класса. Допустим, вам нужно перевезти большую сумму налички – таким образом, чтобы об этом никто не догадался. И что вы делаете?.. Перевозите деньги в простеньком потёртом чемоданчике самого затрапезного вида, с поломанными замками, да и хозяин чемоданчика – перевозчик будет выглядеть не лучшим образом, как какой-нибудь малоприметный счетовод, живущий на скромную зарплату... Чувствуете? Чувствуете? Чувствуете, куда я клоню?.. Президент мощнейшего государства – даже вражеского – может быть поставлен в аналогичные условия. Чтобы выполнить задуманное дело, ему нужно превратиться

в «тихий и незаметный» груз. Чтобы ни у кого – слышите, ни-у-ко-го! – даже подозрение не закралось, что происходит нечто экстраординарное. И это всё – ЭТО ВСЁ! – случилось в действительности благодаря присутствующему здесь недочеловеку!!! Я говорю так, имея в виду то обстоятельство, что подсудимый, изменив своему народу, утратил право называться «человеком»! Позор ему! Позор ему!! ПОЗОР ЕМУ!!!»

Я смотрю в пол, мне стыдно поднимать лицо, и по лбу моему непрерывными струйками бежит холодный пот – и стекает, капает с подбородка, с носа... Мне хочется умереть. Но я не знаю, буду ли принят на том свете – в сложившихся обстоятельствах.

Мне страшно... Мне страшно... Мне страшно...

«В вашем выступлении, – говорит рыжая борода, обращаясь к обвинителю, – вы показали, что подсудимый – однозначно гнусный тип, способный на бессовестные поступки... Но он ведь не мог, просто не сумел бы действовать в одиночку?»

«Конечно! – У чёрной бороды тут же готов ответ. – Ваша справедливость! – обращается он к координатору. – У нас есть неопровержимые доказательства, что этот агент, называемый нами «недочеловеком», действовал в единой связке с другим агентом, известным ассом шпионажа и мастером перевоплощений – его фамилия Кобельски. Этот шпион международного класса давно находится на учёте всех спецслужб мира, но задержать его не представляется возможным – он неуловим!..»

«Вы имеете в виду Ко?! – я не могу удержаться от удивления и подаю голос. – Я же не знал, ничего не знал... Я не знал...»

«Обвиняемый недочеловек сейчас ломает комедию, – поясняет чернобородый. – Он делает вид, будто является невинной овечкой, чтобы таким образом отвести от себя подозрения. Но мы-то с вами знаем, что он с Кобельским является прямым организатором самой антигуманной акции за всю историю человечества... Предлагаю, ваша справедливость, не заносить в протокол последнюю реплику подсудимого, чтобы не вводить в заблуждение справедливый суд».

«Ваше предложение принято, – сообщает координатор с густой русской бородой. – Я думаю, что обе стороны процесса изложили свои точки зрения, и теперь мы можем подвести итог всем этим – довольно неприятным – прениям. Справедливость нас обязывает. Попрошу выслушать официальное ре-

шение по делу: справедливые против недочеловека».

С этими словами координатор достаёт из полы своего одеяния перо и бумагу. Что-то пишет на листе... И, торжественно подняв руку с зажатым в ней пером, провозглашает:

«Именем Справедливости, кою мы все здесь представляем, приговариваю присутствующего в этой комнате изменника и предателя, вражеского агента к совершению в отношении него справедливого акта, и будет на то воля народа».

Меня бьёт озноб, и я готов закричать, – но понимаю, что поздно, поздно, поздно.

«Ваше слово, апеллятор!» – обращается вдруг координатор к молчавшему до сих пор седобородому старцу, сидящему в углу, у меня за спиной.

Я поворачиваюсь на своём вращающемся стуле...

«Кхе... – Апеллятор невозмутим. – Весь процесс, по моим наблюдениям, прошёл без процессуальных нарушений... Приговоренный! Желаете ли вы подать апелляцию?»

«Да! – отвечаю с жаром. – Я желаю!»

«Хорошо. Ваша апелляция отклонена, – сообщает апеллятор. – Можете приступать к совершению акта справедливости».

После его окончательного заключения все бородатые, находящиеся в комнате, встают и гуськом направляются к откывшейся – и ранее спрятанной между кирпичами, незаметной – двери. Я с ужасом провожаю их взглядом.

Вот комната пустеет... Я не считаю себя самого... Но сразу же в дверном проёме показывается новая фигура, нечто уж совсем необычное. Интуитивно я понимаю, что это входит палач.

Он одет... О боже мой, он одет... На нём – в это трудно поверить – костюм Муми-тролля. И соответственно маска симпатичного муми-бегемотика – сквозь прорези на мордочке видны блестящие глаза, которыми палач рассматривает мою персону. Меня колотит, мне плохо. Я чувствую, что зубы мои выбивают барабанную дробь.

За поясом у Муми-тролля торчит 90-калибровая мини-пушка-пистолет марки «Заинька», в руках-лапах – стакан с какой-то жидкостью красного цвета.

«На, пей!» – говорит мне палач. И подносит стакан ко рту, держит его – так как у меня самого закованы руки. Я жадными глотками отхлёбываю из стакана, в нём налита до краёв виш-

нёвица. Я пью и пью и не могу напиться.

«Хватит, хватит... – Муми-тролль суров и неумолим. – Я тебе сейчас завяжу глаза».

«Нет! – восклицаю я. – Не надо! Я не боюсь!.. Совсем не боюсь...» – а у самого поджилки трясутся от страха.

«Мне пофиг, боишься ты или не боишься, – сообщает Муми-тролль. – Но я должен завязать тебе глаза, чтобы случайно не увидеть твой предсмертный взгляд. Очень мне надо потом не спать ночами из-за укоров совести или мучиться от кошмаров... Так что здесь двух мнений быть не может. Поворачивайся ко мне затылком. Скорее, скорее, сверхурочных мне не платят. Давай».

Я ощущаю дикий холод во всём теле. И лишь там, где внутренняя сторона бёдер, – тепло... Даже горячо... Что-то там бежит у меня между ног, прямо по штанам, и я, блин, не понимаю, что это такое...

Очень, очень жутко...

Мамочка ты моя родная...

Боже, спаси и сохрани...

Муми-тролль надевает мне на глаза повязку. Затягивает. Посильнее, проверяет, не могу ли я как-нибудь что-нибудь высмотреть из-под неё.

Становится совсем ничего не видно.

Мрак. Ночь.

Темнота...

...Грохает выстрел...

космос

...Я качусь с горы...

Перекатываюсь – куда-то вниз, вниз, вниз...

Как в детстве – только тогда было весело...

А сейчас...

Сейчас – всё тело болит... Ноет... А концу горы нет и нет...

...Постепенно прихожу в себя...

...Оглядываюсь...

Чёрт возьми, в голове какая-то каша...

Всё кружится...

Туман...

Опять – покатился вниз...

Остановился...

Лежу...

...Я сел.

Вроде уже могу соображать.

Ещё раз осматриваюсь.

Конечно, я – внутри сферы.

Сфера здоровенная – для меня лично. Метра три будет – в диаметре.

И она, зараза, движется. Медленно так – совершает движение. Круговое. Как и положено сферам – если они, например, катятся куда-то по своим делам.

Со стороны – это шар. Наверное. Но я-то внутри нахожусь. Поэтому для меня – сфера...

И она с медленной скоростью вращается...

То есть я какое-то время просто лежу на полу – в низшей точке сферы.

Но эта точка, хотя и очень постепенно, всё время смещается – ползёт вверх.

И когда она забирается достаточно высоко – моё тело перекатывается, под действием земного притяжения...

И горы здесь не при чём...

Гора – это мне только так в полубессознательном состоянии казалось...

Я окончательно прихожу в себя.

Пытаюсь сообразить, что же происходит.

И каждые две-три минуты поправляю своё положение – внутри постепенно крутящейся системы.

Свет. Свет?.. Ах, да, тут в принципе не темно – хотя и не понимаю пока, за счёт чего всё тут, внутри освещается.

Поверхность? Мягкая. Вроде как кожа или кожзам, там, под ним, что-то набито, вроде как диван пухленький, так что в любом случае не разобьёшься, когда скатываешься вниз.

Вообще никаких проблем – с точки зрения возможного ранения или причинения себе вреда при перемещении. Даже головой можно биться – не разобьёшь. Всё хорошо. Только она вертится, блин, может, за полчаса полный оборот делает, может, минут за двадцать. Не могу пока понять. И поэтому в покое остаться надолго невозможно.

И ещё одно открытие – она, зараза, вращается, оказывается, не точно в одном направлении, а хаотически, то есть каждый раз перекатывается так, как ей заблагорассудится, в разные стороны. Типа вращения шарикоподшипника. Так что выработать определённые, раз и навсегда заученные до автоматизма движения нельзя, каждые несколько минут – что-то

новое, в зависимости от того, куда этот шар-сфера на этот раз повернул.

Я типа белки в колесе – только колесо это живёт своей собственной жизнью, оно непредсказуемо, и потом оно не плохое, а пространственное, и значит – бесконечное...

Очень хорошо... Очень хорошо... Нет, очень плохо, блин...

Придумают же...

Как же хочется остановиться, отдохнуть...

Я вновь перекатываюсь вниз.

...И сколько же я здесь? Боже мой, кончится это когда-нибудь или нет?!..

Боже мой...

...Внезапно полную тишину сферического пространства нарушает голос – тихий и вкрадчивый. Ей-богу, я не знаю, откуда он доносится, но явно из какого-то скрытого динамика.

Он – везде. Хотя и приглушён – самой манерой говорящего общаться...

«Привет», – говорит голос.

«Привет», – отвечаю я.

«Как дела?»

«Ну ты же сам видишь – просто отлично!»

«Угу...»

Молчит, блин.

«Эй, – спрашиваю, – ты кто?»

«Можешь называть меня Ун-Дойс-Трэс».

«Это ответ не по существу...»

Я перекатываюсь внутри движущейся сферы.

«Я – твой ангел-хранитель, если угодно. А по профессии – специалист по тайным, сверхделикатным делам, международного класса».

«М-м... Я должен быть тебе благодарен?.. И что всё это значит... Я не убит?»

«Вот ещё. Стали бы мы на самом деле казнить специалиста твоего уровня! Это никогда не поздно. Но ты ещё можешь пригодиться нашему государству...»

Тихий голос ненадолго замолк.

А я – встал на ноги и принялся не торопясь шагать, так проще было справиться с непрекращающимся вращением.

«Эй... – говорю. – А может, вы эту штуку остановите?»

«Не в моей власти», – голос явно огорчён.

«А где я вообще нахожусь? Как это называется?..»

«Тюрьма. Обычная тюрьма для государственных преступников».

«А я думал – комната пыток...»

«Нет, тюремная камера справедливого типа. Таких камер здесь тысячи. Не переживай, ты не один...»

Я опять переместился внутри сферы.

«И почему... Почему она круглая?..»

«Сфера – символ справедливости. Справедливость – равная для всех, она не имеет твёрдых углов, ломанных линий, она сглаженная, бесконечная и обволакивающая».

«Хм... А почему крутится?»

«Справедливость – не нечто застывшее, косное и неизменное, она – в постоянном движении, ибо на этом основан мир».

«Во дела...», – бурчу я и снова делаю несколько шагов, чтобы не шлёпнуться.

«Заключённые, оставленные один на один со сферой, постигают справедливость во всех её проявлениях, можно сказать, познают на своей шкуре. Авось, кто-нибудь и задумается... – Голос, казалось, читал мне лекцию. – Кстати, строительство таких тюремных камер очень дорого обходится бюджету. Ты видишь, как государство заботится о зеках, сколько денег вкладывает...»

И он, этот некто замолк – похоже, надолго.

«Эй! – кричу я в конце концов. – Ты здесь? Эй, Ун-Дойс-Трэс!..»

«Да, – отвечает таинственный ангел-хранитель. – Здесь, конечно...»

«И долго меня будут вымачивать?!»

«Это зависит от тебя...»

Вкрадчиво так говорит. Будто шепчет...

«И что я должен сделать?»

«У тебя есть два достоинства, которые можно использовать на благо страны», – говорит.

«Это...»

«Это – первое: ты уникальный агент, который готов на рискованные, но оправдывающие себя действия. Твоё мастерство – отточено, работа – тонкая, ювелирная; ты профессионал, знающий своё дело, как никто другой. Это ж надо – притвориться пилотом-пьянчужкой и залечь на годы в маленьком городке, дожидаясь часа, когда можно будет повернуть вели-

чайшую операцию...»

Я опять делаю несколько шагов. Пытаюсь понять, где спрятан динамик – но это мне не удаётся.

«А второе?..»

«Второе: ты лётчик от бога. Наши эксперты проверили твой culo del cielo, исследовали его вдоль и поперёк, даже мотор разобрали – по всем признакам летать он не должен, уже лет двадцать, слишком старая машина, ей давно вышел срок. Но ведь она летает! И ты делаешь на ней прямо чудеса. Это что-нибудь да значит...»

«И? – спрашиваю. – Что дальше?..»

И вновь перемещаюсь внутри проклятой сферы. Ей-богу, мне надоело это уже, хочется отдохнуть!

«Выполнишь наше задание? – вкрадчиво спрашивает голос. – Только ты способен... Только ты...»

«Я слушаю», – отвечаю и чувствую, что спорить о чём-либо совершенно бесполезно. Выбора у меня нет...

«Нужно совершить полёт. Один полёт. Особый полёт», – сообщает этот специалист по тайным, сверхделикатным делам. Чёрт подери. Что же я ещё мог ожидать от этого Ун-Дойс-Трэса...

«Куда?..»

«А этого я пока сказать не могу... Всеми своё время», – отвечает.

«Мне нужно кого-то перевезти? Или что-то? Президента? Ядерное оружие?..»

«Нет».

Голос внезапно становится твёрдым. Но в нём ощущаются нотки загадочности.

«Никаких пассажиров, никаких людей. Только груз. И этот груз – очень ценный. Невероятно ценный. О реальной ценности его ты, слава богу, не имеешь представления...»

«Намекни – хоть примерно...» – прошу я.

«Могу сказать лишь, чем этот груз НЕ является. Это не оружие, тем более не ядерное. Не золото, не деньги и не драгоценности. Не радиоактивные металлы и не заражённые отходы – физически груз безопасен. Не наркотики, конечно. Не продукты биологических, химических и физических экспериментов или производств. Не организмы, созданные с помощью геной инженерии, да и вообще с помощью каких-либо современных биотехнологий. Не бактерии и не животные. Не растения. Не цифровые – и всякие там электронные – замо-

рочки. Не наноразработки. Не продовольствие. Не машины, станки и не оборудование. Не исторические артефакты. А много, много ценнее...»

«Ну, и дела», – только и бормочу я. И сажусь на пол сферы, устав от непрестанного топтания на месте.

А сфера, зараза, всё крутится...

«И как я узнаю, по какому маршруту мне надо... это... доставить?..»

«О, не беспокойся! Собственно говоря, за тебя всё сделает электроника! Весь путь заложен в бортовые компьютеры. И задание своё ты получишь не сразу, а спустя некоторое время после вылета... Тебе будет дан сигнал – и откроются коды, с помощью которых ты сможешь узнать место назначения и то, что тебе надлежит сделать. Но – всему своё время.»

Голос становится немного лукавым.

«Всему – своё время...»

Я молчу. И пытаюсь на заднице съехать с переместившейся вверх внутренней сферической поверхности.

«Самое главное, – мой скрытый собеседник внезапно переходит на заговорщицкий тон. – Полёт будет проходить в режиме строжайшей секретности. Никто – абсолютно никто! – не знает и никогда не должен узнать о том, что произошло. Мы постараемся скрыть от общественности сам факт полёта, во всяком случае, сильно приуменьшим его значение. А дальше – твоя задача: сделать так, чтобы всё прошло тихо и незаметно. Понимаешь меня? ТИХО И НЕЗАМЕТНО! Именно для этого-то ты нам и нужен. Это у тебя хорошо получается, ты виртуоз своего дела – вот и действуй! Провал операции будет означать конец всему».

Я молчу, думаю...

«Похоже... мне остаётся только сказать: о'кей, ребята, я согласен?..»

«Ну вот и славно, вот и договорились! – Ун-Дойс-Трэс, кажется, доволен. – Мы так и рассчитывали, что ты дашь своё согласие... Непременно согласишься!.. Ведь для профессионала твоего класса – это вопрос престижа...»

«Да, и ещё, – напоследок добавляет он, как будто вспоминая. – Тебе придётся теперь держать себя в форме и заняться тренировками. Так что пока – можешь начинать», – и он, судя по всему, там, где-то у себя на стороне, улыбнулся.

А сфера, моя сфера внезапно увеличивает ход... Она начинает вращаться всё быстрее и быстрее, и я буквально вы-

нужден прыгать, бегать в ней – и на самом деле, словно белка в колесе. Скачу и чертыхаюсь. Чёрт возьми! Чёрт возьми, чёрт возьми, чёрт возьми...

...На небе – рассвет. Солнце ещё не показалось, оно – за горизонтом. Но его лучи выныривают оттуда, из-за линии раздела небес и земли. Они изящно пробиваются сквозь воздушный слой перистых облаков и красят их во все цвета радуги, с оттенком перламутра. И ещё они освещают красивым и загадочным светом гордый силуэт космического корабля, торчащего гигантской свечой на космодроме.

Меня ведут бережно, обступив со всех сторон. Помогают идти – ведь я в тяжёлом неуклюжем скафандре. Из специального космодромного автобуса меня вывели под руки, и теперь мне нужно сесть на скоростной лифт, который доставит меня на самую верхотуру ракеты – на высоту пятидесятиэтажного дома.

Поднимаюсь – в компании обслуживающего персонала, с грустью смотрю вниз, на землю... И вижу под собою лишь стартовую площадку и бесконечные технические сооружения, и ещё, сбоку, – металлические мачты-стойки, которые позволяют всей этой махине удерживаться стоймя.

Вот и самый верх. Меня разворачивают в сторону люка, легонько подталкивают. Кое-как залезаю. Несколько специалистов уже внутри – готовят моё «ложе», рабочее место, в котором мне предстоит пережить старт. Я укладываюсь в него; мне помогают, пристёгивают, соединяют различные трубки и патрубки с системой жизнеобеспечения корабля. Я лежу и думаю про себя: хоть бы не дрожали руки, хоть бы сердце не выпрыгивало из груди...

Наконец все, кто находился внутри отсека, кроме меня, закончили свои работы и дружно, по одному покидают космический корабль. Мне не по себе. Мне страшно. Я с трудом поворачиваю голову в шлеме и вижу последнего – это ответственный за подготовку к старту, он приветливо машет мне рукой на прощание: пока, пока! Показывает кулак с большим пальцем, поднятым вверх: мол, удачного полёта!

Я киваю – у себя внутри скафандра. Но мне плохо, плохо, плохо...

Остаюсь один... Совсем один. И даже не знаю, увижу ли когда-нибудь ещё другую человеческую душу. Машинально повожу руками в перчатках, вокруг кресла... Что-то нащупы-

ваю справа от себя. Беру в руку... Подношу к глазам... Ага. Бутылка вишнёвицы, заботливо приготовленная кем-то из обслуги. Она – пластиковая, чтобы не разбилась в случае чего. И – рядом, под рукою я чувствую специальную гнездо, куда эту бутылку можно засунуть на время старта.

Но, странное дело, мне сейчас почему-то совсем не хочется вишнёвицы... Не до того...

Вот зажигается панель управления, она пищит, и меня вызывают: «Незаметный, как слышно, как слышно, приём! Говорит Единорог. Приём». Отвечаю: «Единорог, Единорог, Незаметный вас слышит. Я готов. Приём». «Начинаем обратный отсчёт. Внимание! Зажигание!»

Корпус корабля гудит, и я ощущаю мелкую вибрацию. Началось...

Они считают вслух: «...Тринадцать, двенадцать, одиннадцать...»

Боже мой.

«...Восемь, семь, шесть...»

Мамочка родная!

«Три, два, один... Ноль... Пуск!..»

Я зажмуриваюсь. Страшная сила вдавликает меня в моё рабочее ложе. Корабль сотрясается – и это жутко. Грохот зашкаливает за все пределы – хотя, по идее, я и не должен почти его слышать из-за хорошей звукоизоляции.

Я чувствую, я чувствую, как – среди грохота и огня – моя ракета плавно и медленно отрывается от земли. Но вот она набирает скорость, ускорение растёт с каждой секундой, и весь мой организм подвергается какой-то зверской перегрузке. Меня тошнит, выворачивает наизнанку – но я с трудом терплю. Не могу поднять даже руку – тяжёлая она, ужасно тяжёлая! – и думаю только об одном: хоть бы не задохнуться! Хоть бы не задохнуться!!

Хоть бы не задохнуться!!!

Ракета стремительно набирает высоту, и у меня по щекам – это правда?! не может быть! – бегут слёзы. Я дрожу – как и всё вокруг меня. Я трясусь – и всё остальное в космическом корабле тоже, вместе со мной, трясётся. А может, это мне так чудится?! Всё плывёт, всё плывёт, всё плывёт – в моих заплаканных глазах! Вселенский туман застилает поле зрения, не давая разглядеть в иллюминатор стремительно уносящуюся землю. Мне бы попроситься! Мне бы попроситься!.. Мне бы

попрощаться...

Я хрипло кричу – насколько это удаётся при страшной нагрузке на лёгкие.

Корабль летит, и где-то там, в грандиозной выси, меня уже ждут звёзды...

Примечания:

**Culo del cielo* – в переводе с испанского «задница небес», «ж...па неба».

** *Ун-Дойс-Трэс*, или *Um-Dois-Tres*, – с португальского: Один-Два-Три.

Юлия КУЛЕШОВА

ОСТАВЬ МЕНЯ

Рассказ

Предисловие

Зря я, наверное, решила это вспомнить. То был самый жуткий кошмар в моей жизни. Я до сих пор не уверена, что всё это было лишь плодом моего воображения, без участия потусторонних сил. Тяжело проходить через это снова. Не знаю, зачем и почему спустя столько лет я взялась записывать то, что произошло тогда на границе сна и реальности.

Тогда, в феврале 2002-го меня тянуло записать это, но было страшно. Очень страшно. Позже вспоминать не хотелось. До сих пор морально тяжело. И по-прежнему страшно. Не хочется на ночь глядя оживлять в сознании те образы. Но сдаётся мне, если я не сделаю этого хоть раз, то так и не избавлюсь от них.

Посвящается моему брату – Артёму Лысенко, погибшему 14 ноября 2001 года. Двадцать один год. Столько ему было, когда пьяный водитель на своей новенькой красной Мазде совершил наезд на него, его невесту и друга. Погибли все. Артём отлетел на пятнадцать метров. Жизнь оставила его последним. Собирали буквально по частям. В гробу пришлось все это связать верёвками, чтобы тело хоть как-то держало форму.

Тук. Тук. Тук.

За закрытыми ставнями монотонно гудит засыпающий город. Редкие сигналы машин. У подъезда соседнего дома, в

чей двор выходят окна моей спальни, переругиваются мужчина и женщина. Наверху разрывается чей-то младенец, внизу заходится кашляющим лаем собака. Со всех сторон несётся приглушённый разноразной новостных сводок, скандальных ток-шоу, слёзовыжимательных сериалов и тошнотворно весёлых мультфильмов. А над всем этим мерное «Тук. Тук. Тук».

Я знаю этот звук. Он преследует меня с того самого дня, как тело моего брата было предано земле. Комья рыхлой почвы гулко ударялись о деревянную крышку гроба. И я была в числе тех, кто три раза набирал горсть земли и три раза бросал её.

Тук. Тук. Тук.

Слишком чётко. Слишком громко. Слишком близко. На кухне вполголоса общаются родители, а в дверь моего шкафа кто-то стучит. Настойчиво и неотвратимо. От шкафа меня отделяет всего пара-тройка шагов и узкая полоска света из прихожей, прорезавшая комнату напополам. Своеобразная граница.

– Юля, ты спишь? – тихо спросила мама. Я и не заметила, как она пришла с кухни и остановилась на пороге моей комнаты.

– Оно стучит, – неотрывно смотря на дверцу шкафа, прошептала я. – Ты слышишь, мама? Стук. Ты его слышишь? Мама? Мне страшно.

– Я думаю, завтра на похороны бабушки мы поедем без тебя, – вздохнув, ответила мама. – Не стоит тебе снова проходить через это.

– Я боюсь оставаться одна дома, – стук не прекращался. И как будто стал сильнее, нетерпеливее. – Неужели ты не слышишь?

От страха голос пропал вовсе. Мой шёпот потонул в темноте, когда мама пожелала спокойной ночи и закрыла дверь. Теперь между моей кроватью и шкафом не было даже узкой полоски света.

Дверца скрипнула, приоткрываясь. Я села на кровати и, вжавшись спиной в стену, натянула одеяло до самого подбородка. Кричать не получалось. В горле внезапно пересохло.

Что-то вывалилось из шкафа и стукнулось об пол. Прощуршало ко мне и остановилось у самой кровати. Всё это время я до боли в глазах вглядывалась в темноту, но видела лишь неясные очертания невысокой человеческой фигуры, когда в соседний двор вдруг въехала машина, и полосы света

от фар пробежались по стенам комнаты, на мгновение выхватив того, кто стоял теперь прямо напротив меня и тянул руки с узловатыми пальцами.

Моя бабушка. Та, к которой я должна была пойти на похороны завтра, но уже совершенно точно не пойду. Её лицо вновь скрыто темной, но я чувствую, что она смотрит. Смотрит на меня.

В лицо пахнуло сырой землёй, и на запястье правой руки сомкнулись холодные, влажные пальцы.

– Мама! Мама! Помоги! Мама! – с запозданием, но крик пробил преграду в горле.

– Тшшш, – шипела бабушка и тянула к себе.

Я брыкалась, вопила, плакала, звала на помощь маму, а бабушка всё тащила, уже схватив обеими руками.

– Всё, всё, родная. Успокойся. Всё. Это просто страшный сон. Страшный сон, и ничего больше. Юля, проснись! Слышишь?! Проснись!

– Подожди, сейчас я...

В лицо брызнули холодной водой.

Я открыла глаза. Апельсин-абажур под потолком заливает комнату тёплым, оранжевым светом. На кровати сидит мама и участливо гладит меня по спине. Рядом, с пустым тазиком в руках, застыл обеспокоенный папа. И больше никого.

Из соседних квартир всё так же доносится разноголосье новостных сводок, скандальных ток-шоу и рейтинговых блокбастеров. Уже не сверху, а где-то сбоку-снизу надрывается младенец. В доме напротив с криками бьют посуду и выясняют отношения. Облысевшие за зиму деревья надсадно скрипят, покачиваясь на ветру и треща ветками.

А дверь шкафа открыта. Но там только моя одежда.

Проситься спать с родителями в мои семнадцать совсем несерьёзно и даже стыдно. Но лучше так, чем оставаться одной в тёмной комнате. Если только спать со светом.

Бабушка умерла 13 февраля 2002 года. Почти через три месяца после того, как погиб мой двоюродный брат Артём. Дядя Толя, только что потерявший сына, обезумел от горя настолько, что пожелал смерти родной матери. «Почему он, а не ты? Почему ты, старая, всё ещё жива, а он – нет?!», – кричал он на похоронах Артёма. Люди осуждающе качали головами,

шептались промеж себя, а бабушка ни слова не проронила. Только сидела, опустив глаза, в углу, возле гроба внука. Я не помню, плакала ли она. Скорее всего, да.

Эгоист по натуре, я была всецело поглощена своими чувствами. Наканунная успокоительными, я мялась у двери, не решаясь подойти к гробу брата. Кругом толпились люди. Все незнакомые. Казалось, вся улица пришла провожать его в последний путь. Чужие, с наспех состряпанными масками сострадания, они работали локтями, стремясь первыми взглянуть на того, кому ещё недавно с таким упоением перемывали косточки.

– Ох, Артём-то некрещеный, – вздохнула одна старуха. – Что с ним будет-то? В рай не возьмут. Так и будет мыкаться меж миров.

– И то правда, – со всем старанием бывалой поминальщицы сокрушилась вторая, – Ленка-то, невеста его, крещённая. И друг их, Серёга, тоже с крестом ходил. А этот, нехристь, прости Господи, упокой его грешную душу...

– Твари! – не выдержала я, невольно оказавшаяся свидетельницей их разговора. – Да как вы можете говорить такое?! Кто вы вообще такие?!

Бабки замолкли и повернулись ко мне. Всё сострадание, прежде жирно намазанное на их лицах, тут же стекло, будто и не было его вовсе.

– Сестра его, видишь? Такая же, – прошамкала одна из старух, отводя взгляд.

«Смотри, как похожи. Как в зеркале», – шептались люди, когда я сидела у изголовья гроба. И впрямь, мы были очень похожи с братом. Те же угольные брови вразлёт, огромные глаза. Даже тёмно-каштановые, почти чёрные волосы были практически одной длины – у меня они струились по плечам, у него тёмным облаком лежали на подушке. В левом ухе тускло блестело серебряное колечко – ещё один повод для сплетен назойливых соседей.

Мой брат был очень красив. В детстве я тайно вздыхала по нему, отлично понимая, что испытывать такие чувства, пусть и к двоюродному, но брату, нельзя. И ничего не могла с собой поделать. Он отличался от остальных моих братьев, был не только самым красивым, но и добрым. Мне нравилось даже просто тихо играть рядом с ним, пока он занимался своими делами. Почему-то мы стали реже общаться, когда я вышла из дошкольного возраста. Лишь изредка я встречала его на

общих семейных собраниях, но не могла толком поддержать ни одну беседу, даже про рок-музыку, бывшую близкой нам обоим. Мне проще было сказать «привет» и уткнуться в очередную книгу.

Много раз впоследствии я спрашивала себя, почему его смерть оказалась таким шоком? Почему я так сильно переживала и продолжаю переживать это? Ведь мы с ним практически не общались. И только после его смерти стали видеться и разговаривать чаще.

Он снился мне едва ли не каждую ночь. И всё больше молчал поначалу. Виделся неясными образами, после которых наутро оставалось лишь понимание того, что он приходил, но содержание самого сна ускользало.

Я спрашивала маму, почему он снится, ведь я сделала то, что мне посоветовали родственники на похоронах: превозмогая страх, подержалась за его ноги, с некоторым удивлением заметив, что холодными, как это подобает покойнику, они не были.

– Это не спасёт от снов с участием ушедшего человека, – тщательно подбирая слова, отвечала мама, – это просто избавит тебя от страха, если он вдруг приснится.

По всему выходило, что в моих же интересах было проводить бабушку в последний путь. А перед этим ещё и подержать её за ноги. И я, вместе с семьёй, отправилась на похороны. Но на этом моя смелость закончилась. Ехать на кладбище меня не могли заставить ни осуждающие взгляды родственников и целой толпы чужих людей, ни необходимость бросить на крышку гроба горсть земли – «чтобы покойник не нашёл слабое место и не стал пугать по ночам». Я даже не помню, хватило ли мне сил посмотреть в последний раз на бабушку перед тем, как её увезли на кладбище. Всё виделось словно в каком-то тумане. Воздух, пропитанный ароматом церковных свечей и сладостью валерьяны, плыл и превращался в мириады снежинок, мутно-белой стеной отделявших меня от сновавших по дому людей в траурных одеждах.

– Она исчезла три дня назад. Пошла на базар и исчезла. Ты же знаешь, она и на пенсии не могла уgomониться, работала на трёх работах. Потом ещё на базар решила за продуктами заскочить.

– Все больницы. Я объехал все больницы. Нигде её нет.

– Сегодня решил ещё раз заехать в четвёртую горбольницу. Мне показали бабушку, которую доставили шесть дней

назад с базара. Инсульт. Я с трудом узнал её – она стала такая маленькая, такая маленькая.

– Это квартира Лысенко? Ваша бабушка умерла сегодня утром. Мне очень жаль.

Она любила меня. Конечно, любила. Приходила на все дни рождения и всегда с подарками, даже когда у всех настали трудные времена. Она водила меня за кулисы цирка, в котором когда-то работала, рассказывала о том, как ей жилось в цыганском таборе и как она – девочка, из-за войны потерявшая родителей чуть ли не во младенчестве, до пятнадцати лет играла в куклы. Она любила меня. Наверное, именно поэтому не могла оставить. Поселившись в моей комнате после своей смерти, сводила с ума.

– Скажи ей, чтобы оставила её в покое?! Это же твоя мать! Скажи ей! – кричала мама на папу, пока я пригоршнями умывала лицо ледяной водой, стараясь смыть запах сырой земли и разложения. Казалось, он въелся в мою кожу вместе с влажными касаниями бабушкиных рук. Всхлипывая, я снова и снова взбивала мыльную пену, уже свыкнувшись с щипанием в глазах.

Скрипящий, обшарпанный троллейбус, с пигментными пятнами ржавчины по всему корпусу. В душном салоне мутит от запаха древнего дерматина, застарелой пыли и чего-то приторного с примесью лекарств, какие непременно бывают в тёмных комнатах, спрятанные в верхний ящик прикроватной тумбочки. Агонизируя после каждой остановки, троллейбус неторопливо продолжает ползти вперёд. Города за запотевшими стёклами не видно. Просто туманная дымка с неясными силуэтами зданий, скелетами деревьев.

Все места заняты, и мне ничего не остаётся, как держаться за холодный поручень. Прислонившись к нему лбом, я мысленно повторяю английский, но слова постоянно ускользают, предложения расползаются, так и не успев сложиться в грамматически правильную конструкцию.

Чужой взгляд. И не один. Весь троллейбус, все пассажиры смотрят на меня. Смотрят доброжелательно, с сочувствием даже, и вот это пугает больше всего. С запоздалым удивлением я замечаю, что сидят все, и только я одна стою, хотя, оказывается, есть свободное место – почти у выхода, рядом с моей бабушкой.

Вздохнув, она приглашающее хлопает по этому сидению, и все дружно кивают в знак согласия. Шуршит одежда с грязными разводами, щёлкают шейные позвонки, задыхается троллейбус и бьётся моё сердце. Оглушающе громко среди общих молчаливых кивков.

Остановка. Скоро должна быть моя остановка. Я непременно сойду до того, как троллейбус привезёт меня... Куда? Куда он должен привезти?

Я всхлипываю и, продолжая цепляться за поручни, иду к ближайшим дверям, когда вспоминаю: этот троллейбус ни разу не остановился с тех пор, как я села в него. Подъезжая к остановкам, на которых толпились люди, он агонизировал, но не останавливался. Запустив меня, он так и не открылся больше ни для кого.

– Выпустите меня! Выпустите! – кричу я, пиная двери, пытаюсь выбить стёкла. А люди всё кивают. И также молчаливо вытаскивают какие-то бланки, протягивают их мне.

– Что? Что это? Я... я не хочу смотреть! Просто отпустите меня! Выпустите! Пожалуйста!

Понимающе кивая, они взглядами указывают на карман моего пальто.

– Там нет ничего. Там только деньги и наушники, – тихо отвечаю я, изо всех сил надеюсь, что так оно и есть. А сама опускаю руку в карман и нащупываю там тонкий бумажный квадрат. Кивки становятся интенсивнее, будто подбадривают.

«Справка о смерти, – читаю я, – имеется запись акта о смерти...». Мои инициалы. Моя дата рождения. И моя дата смерти – 17 февраля ... года. Последние цифры закрыты моим большим пальцем. Надо всего лишь сдвинуть его, чтобы прочесть до конца, но я не могу. Сердце бьётся всё быстрее, и троллейбус, словно в такт ему, несётся с умопомрачительной скоростью. Пассажиры подсакивают на своих сидениях, меня мотает из стороны в сторону, бабушка настойчиво бьёт по свободному месту рядом с собой, но я упрямо держусь за поручень, боясь отпустить его.

Бабушка приходила с завидной регулярностью. Но хватать за руку, как в первые свои посещения, не пыталась. Иногда просто стояла у кровати и подолгу смотрела на меня. Но и тогда было настолько страшно, что я даже кричать не могла – язык словно прилипал к гортани.

Вариант вызвать священника либо какого-нибудь экстрасенса в нашей семье не рассматривался. Во-первых, религиозности в нас не было ни на грош. Во-вторых, лично я была против всяких святых отцов. Совершено детская обида на Бога, появившаяся после смерти моих собак, со временем трансформировалась в кривую форму атеизма с неизменными богохульными шуточками, как обязательными атрибутами моего тогдашнего мировоззрения.

Говоря себе, что не верю ни во что потустороннее, я всё равно интересовалась оккультизмом. Перечитав от корки до корки, в целях общего развития, Ветхий и Новый Заветы, особенно уделив внимание Откровению Иоанна Богослова, я принялась за поиски так называемой Чёрной Библии. В книжных магазинах часами простаивала у редких стеллажей с любопытной мне литературой, вздыхая над тем, что карманных денег на приобретение красивых, а, главное, содержательных трудов различных демонологов и оккультистов, у меня не хватает. Ещё до смерти бабушки, но после смерти брата я присмотрела книгу с подробным описанием обрядов, инструкциями по вычерчиванию пентаграмм, соответствующих определённым случаям. Богато иллюстрированное издание стоило сообразно своей твёрдой обложке с почти бархатистыми страницами. Поэтому я начала на него копить, пожертвовав школьными обедами и еще не догадываясь, какую роль оно сыграет в моей жизни.

Разумеется, при таких увлечениях о вмешательстве церковников не могло быть и речи. Причудливый скептицизм протестовал и против шарлатанов из менее официальной среды. Оставалось только сходить с ума дальше либо забить свой мозг до такой степени, чтобы на производство кошмаров у него уже не оставалось сил. Что я и делала, с головой погружившись в учёбу. Я даже начала делать домашние задания по естественным наукам, к которым питала явную антипатию. А по вечерам, три раза в неделю, ездила на курсы английского – готовилась к поступлению в университет.

– Бабушка не снилась сегодня? – спросила мама, когда я уже стояла в дверях.

– Почему не снилась? Снилось, – буркнула я, застёгивая пальто и проверяя карманы. Так, на всякий случай. Только деньги и наушники.

– Что делала? – как можно более спокойно поинтересовалась мама.

– В троллейбусе со мной на курсы английского ехала, – нервно улыбнулась я и краем глаза посмотрела на календарь, висевший напротив входной двери: 17 февраля. Сегодня 17 февраля. «Четыре дня со смерти бабушки. Дожить бы до со-рока дней», – подумалось вдруг.

– Может, не поедешь? Останешься дома? – мамин голос почти звенел от тревоги.

– Да прям. Что со мной может случиться? Пойду по освещённым улицам, сяду в переполненный троллейбус, выйду... Выйду на своей остановке. Всё будет нормально, мам.

– Не ходи, – тихо, едва слышно.

– Надо, – отвернувшись, завозилась с замком, открывая.

Юношеский максимализм. Неверие в саму возможность собственной смерти. Во мне этого было с лихвой. Быть может, оттого, что в детстве я часто умирала во снах и всегда просыпалась поутру. Или оттого, что страх, наоборот, становился катализатором всех моих безрассудных поступков. Панически боясь высоты, я в числе первых поднималась на крышу нашей пятиэтажки и там, затаив дыхание, борясь с головокружением, смотрела на маленькие машины и человечков, сновавших по дорогам. Если на крыше лежали мёртвые птицы (а они непременно там оказывались всякий раз), именно я первой подходила к ним и с каким-то ненормальным любопытством заглядывала в потухшие глаза, желая и опасаясь одновременно встретиться со своим отражением. Я приучила себя не бояться даже пауков, когда в детском саду все дети кричали, нечаянно увидев их. Улыбаясь, я пыталась поймать несчастного, и никто не догадывался, насколько тяжело мне даются прикосновения крохотных лапок к коже.

Троллейбус не попал в аварию, но и до курсов не довёз. Он просто сломался, успев проехать всего одну остановку. Водитель заверил, что скоро всё починит, и полез на крышу цеплять троллейбусные «усы» к проводам. Пассажиры смиренно ждали и скучающе поглядывали в окна, за которыми остановился унылый февральский городской пейзаж: грязный город с обледелеными дорогами и расползающимся по земле саваном снега.

Поколебавшись ещё пару мгновений, я всё же решила покинуть троллейбус. От греха подальше. И поспешила вообще уйти с дороги.

Дойдя до остановки и потоптавшись там некоторое время, подумала, что судьбу лучше не испытывать и направилась к курсам пешком.

Сорок минут быстрой ходьбы и постоянных оглядок на машины, взвизгивающие на поворотах, и на прохожих, вдруг ставших поголовно подозрительными.

Но ничего страшного не произошло. Обычный английский в ничем не примечательный день. Порой в обыденности тоже есть свои плюсы.

Мы редко выезжали с классом на экскурсии. Не сложилось как-то с внешкольными общественно-образовательными развлечениями. Да и, откровенно говоря, мне особенно не хотелось, чтобы было наоборот. Из всего класса я дружила только с одной девушкой. С ней же на пару мы богохульствовали и отпускали шуточки вроде того, что даже жариться в Аду будем на соседних сковородках.

*На коленях перед алтарём
Я стою, грудь пылает огнём.
Перевёрнутый крест Люцифера
Висит на стене.*

Столько лет прошло, а я до сих пор помню ту песню, что мы с ней тихонько распевали, сидя на задней парте и ловя косые взгляды одноклассников.

Она полностью разделяла мои интересы и одно время была больше, чем другом. Все вокруг подмечали и нашу внешнюю схожесть, притом, что она была азиаткой, а я нет.

Так что, когда объявили об общеклассном выезде на природу, я порадовалась только одному – что подруга едет со мной.

Пока мы тряслись в автобусе, я всё раздумывала – в чём смысл экскурсии на природу зимой, да ещё в такой противный в Средней Азии месяц, как февраль? Снега с гулькин нос, всюду слякоть либо лёд, образовавшийся после замерзания этой слякоти. А в горах солнце слепит глаза так, что они, не ровен час, вытекут, растаяв.

– Смотри, куда мы приехали, – тронула меня за плечо подруга.

Кладбище. Вот конечная цель нашей экскурсии. Одноклассники недоверчиво хмыкают, пожимают плечами и

бредут к выходу из автобуса. Мы следом, под плавную речь гида. Он рассказывает о принципе захоронений, о времени, спустя которое можно сносить кладбище и возводить на его месте кинотеатр, торговый центр или ещё какое принципиально необходимое здание, и даже о Мексике, в которой нужно было платить аренду за могилу – чьи родственники вовремя не заплатили, того выселяли и складывали вместе с другими «бездомными» мертвецами в одно помещение, впоследствии ставшее музеем смерти.

Пока все внимали гида и стройными рядами шли за ним по разбухшим от влаги дорогам, мы с подружкой napravились в другую сторону. А там уже нас ждал Артём.

Подпирая плечом высокое надгробие чужой могилы и скрестив на груди руки, он улыбался одним кончиком рта. Клетчатая красная рубашка навыпуск, потёртые голубые джинсы и белые кроссовки, с налипшими на них комьями земли.

– Когда ты успел переодеться? Ведь ты был в костюме, сером костюме, когда... Когда... – спросила я. Он усмехнулся и, отлепившись от надгробия, зашагал прочь.

Экскурсия. Я же на экскурсии. Днём. Почему это происходит сейчас, когда солнце высоко? И кладбище? Какая к чёрту экскурсия на кладбище?

– Я сплю. Я опять сплю, – шептала я, оглядываясь в поисках спасения. Подруга рядом выглядела такой же потерянной. Она знала, кто именно встретил нас и кто стоит в десяти шагах от нас, выжидательно улыбаясь.

– Давай ты ущипнёшь меня, а я ущипну тебя, – сказала подружка. Артём деланно вздохнул и, закатив глаза к небу, приглашающе взмахнул руками: мол, валяйте, щипайте друг дружку, сколько влезет.

На мой щипок вполне закономерно последовало возмущённое «Ай!».

– Пошли уже, – вздохнула я.

– Нельзя с ними уходить, – возразила подружка, потирая пострадавшее место. Видать по всему, попе было больно даже через джинсы.

– Видишь, человек ждёт. Надо идти, – упрямо ответила я и шагнула к заждавшемуся уже брату. Подставив лицо солнцу, он жмурился, словно кот. А я с удивлением заметила, что волосы ещё отросли и спускались уже до самой поясницы.

– Не ходи, – подружка схватила за руку, – ты же не уходишь с бабушкой, когда та является. Вот и с ним не ходи.

– Бабушка меня пугает, а он нет.

– Может, она просто более честная? Ладно, я пойду с тобой.

И вот так, рука об руку, мы пошли к Артёму. Отвлёкшись от своего занятия, он подмигнул нам и повёл за собой.

И вдруг день сменился на ночь. Я даже не поняла, как это произошло. Будто кто-то резко поменял декорации, убрав куда-то и спящее февральское солнце, и едва прикрытую клочками снега землю, и само кладбище.

Чёрнота над головами, но назвать это ночным небом не поворачивается язык. Просто тьма без единой звезды, без намёка на облака, обычно даже в туманную ночь размазанные неоднородной сине-фиолетовой палитрой по небесному холсту. Не космическая тьма – глубокая и наполненная до краёв, а что-то чуждое, гулко-пустое, жадное.

У ног шелестит река, такая же чёрная. А на берегу высокие деревья со странными плодами, гроздьями свисающими с тяжёлых веток. Как виноград, только каждая ягода размером с грушу. Тёмная, терпко пахнущая, с наверняка очень тонкой кожурой. Только надкуси, и в рот хлынет сладчайший сок, со вкусом которого не сравнится ни один земной виноград.

Вот я уже верчу в руках сорванный плод, вдыхаю его аромат, забыв обо всём, когда река неожиданно начинает пениться, с шумом разбивая волны о берег.

А на пирсе мой брат сжимает в объятиях мою подругу, целует её так, словно стремится поглотить всю. Бездыханным телом повисает та на его руках, когда он, наконец, отрывается от бледных губ и, подмигнув мне, произносит:

– Вкушай же тот плод, которого так жаждешь.

«Тук. Тук. Тук», – постукивает кто-то по изголовью кровати. «Тук-тук», – просится заокостеневшее дерево с улицы, понукаемое ветром. Прерывисто стонут в соседнем дворе качели.

Вздохнула, открыла глаза. В комнате, погружённой во мрак. Фонарь за окном в одиночку сражается с темнотой. Его света едва хватает, чтобы обрисовать синими линиями фигуру, что склонилась надо мной. Бабушка. Она снова пришла. Один кошмар за другим. Проснусь ли я?

Бабушка растягивает рот в жутком подобии улыбки, ощериваясь желтыми, измазанными в грязи, зубами. И кивает. На-

стойчиво, усердно. Так, что при каждом кивке хрустят шейные позвонки, а челюсть норовит вывалиться.

Я силюсь закричать, оттолкнуть бабушку, но паралич сковал всё тело. Не пошевелиться.

Не слышно привычных звуков города, многоквартирного дома. Кажется, что я осталась один на один с моими кошмарами. Как фонарь за окном. Он мигает, готовый вот-вот перегореть. И чудится, будто бабушка в этом мигании корчит рожи, подмигивает, нелепо подпрыгивает.

Резко хватает за руку и тянет. Дверца шкафа с протяжным скрипом отворяется, и оттуда в комнату шагает брат. Засунув руки в карманы джинсов, он с усмешкой наблюдает за моими мучениями.

«Помоги», – взглядом прошу его. Отрицательно мотает головой. Медленно. Туда и обратно. И также с улыбкой.

– Ты сама выбираешь, куда тебе пойти, – шепчет его голосом темнота в комнате.

«Ты сама выбираешь», – подтверждает кивком бабушка и роняет меня с кровати на пол. Но тут же подхватывает под руки и снова принимается тащить.

– Отпусти! Отпусти меня! Оставь! Слышишь! – кричу я, пытаюсь вырваться. – Помогите! Пожалуйста! Помогите!

Я кричу и реву, а влажные руки всё тащат и тащат меня куда-то. Брыкаюсь, что есть сил, из-за слёз уже не видя ничего. Задыхаюсь от приторно-тошнотворного запаха.

– Юля?! Юля! Очнись! – тормошат меня, – Юля?!

– Пустите! Оставь! Оставь меня!

Не помню, как добралась до ванной. Помню, только, что, умываясь, старалась не открывать глаза, потому что иначе неизменно встречалась взглядом с бабушкой, успевшей втиснуться в крошечный проём между ванной и стенкой.

– Оставь меня... Оставь, – шептала я, раз за разом опрокидывая на лицо пригоршни холодной воды, – оставь... Я не буду больше... Я не куплю эту книгу. Обещаю. Только оставь меня. Уйди. Пожалуйста!

С тех пор кошмары с участием бабушки прекратились. Перестал навеваться и брат. Засыпая, я больше не чувствовала чужого присутствия в комнате. Мне стало спокойнее дышать, хотя иногда я и жалела, что больше не вижу с братом.

Мама уже готова была решиться на поход в церковь, когда я рассказала ей, что нужды в этом больше нет. И про своё обещание в ванной.

– Бабушка всегда была очень деятельной, – заключила тогда мама после некоторого раздумья, – не могла сидеть спокойно на одном месте. Ты же знаешь, что ещё задолго до своей смерти, она требовала, чтобы родные провели от дома до её могилы трубу. «Я буду слушать, что у вас происходит. Только попробуйте натворить глупостей. С того света приду вразумить вас», – грозилась она. Видимо, тебя она, глубоко верующая, пыталась уберечь от совершения этих самых глупостей. И без трубы обошлось.

Говорить про Артёма мама не стала. А я не решилась спрашивать, боясь получить ответ, который бы меня не устроил. Наверняка он преследовал те же цели, что и бабушка, только действовал другими методами. Вроде игры в «хорошего и плохого полицейского».

В том же году, спустя всего пару месяцев после описанных событий, я слегла с пневмонией, не на шутку перепугав всю семью. Температура повышалась ближе к ночи, когда комната наполнялась сумеречными тенями. Но напрасно я выискивала среди всех этих персонажей моего буйного воображения брата. Он навсегда остался в том феврале.

А я... А я так и не «завязала» с глупостями. Нет, обещание, данное тогда бабушке, я сдержала. К тому же, книгу купил кто-то другой. Когда в следующий раз я пришла в магазин, её уже не было на полке. Облегчение. Наверное, именно его я испытала в тот момент. Но от тяги ко всему тёмному, потустороннему не избавилась. Оно всегда рядом, словно ждёт подходящего случая либо того момента, когда страх перед бабушкой ослабнет.

ПОЭЗИЯ

Николай ИЛЬИН

ОГНЕМ БОЖЕСТВЕННОГО СЛОГА...

ГЛУБИНЫ И ВЫСИ ИССЫК-КУЛЯ

* * *

Полдневно, облачно и знойно
Застыло время над землей,
И солнце властно и спокойно
Слепит над влажной синевой.

В раздумье вечном смолкли горы.
Их бледно-бурая страна
Расслаблена подобьем сна,
Где миги тянутся, как годы.

И мнишь, что это навсегда –
И сон и тишь, и свет и ясность,
Что эту вызревшую явность
Не тронет время никогда.

* * *

В блестящий полдень около воды
Бродить по саду, сонному от зноя,
И узнавать растенья и цветы,
И постигать обилие земное.

Искать местечек, спрятанных от глаз
И прячущих тебя в своих покоях,
И сознавать, что уж не в первый раз
Ты здесь силен, и целен, и спокоен.

Дышать елеем солнечных аллей,
Вздыхать с листвой от мира многоцветья,
Искать рукой стволов смолистый клей,
Ласкать на клумбах пряные созвездья!

Мой сад, я растворюсь в твоей тени,
В твоей тиши я стану незаметен,
И я приму твои труды и дни
И буду также лиственен и летен!

Я соберу плоды твоих щедрот,
Я напоюсь твоим зеленым светом
И буду жить, как уходящий год,
Хранящий мысль о возвращенье в лето.

* * *

В мире горного безмолвья
Золотые игры лета,
Нежит озеро с любовью
Волны синего вельвета.

В бурый выгорел зеленый,
Обесцветилось предгорье,
Лишь над влагой разморенной
Дремлет небо голубое.

В моей клетушке благодать:
Ни душа, ни воды холодной,
Я сыт и пьян, но не свободный:
Пора на берег мне опять,
И пусть я солнцем опаленный –
Но я ведь ехал «отдыхать».

Вокруг прозрачная страна,
Вот тучка у горы пасется,

И в день забредшая луна
Нелепо щурится от солнца.

Я здесь, и я вдыхаю лето
В мое озябшее нутро,
Где солнце мечет копны света,
Где посреди плантаций лета
Горячий август дышит ртом.

Я растворяюсь в повседневье
Песка и сосен, и берез
И застываю на мгновенье
В крылатом поиске стрекоз,
И пчел взволнованном кочевье,
Которое через мгновенье
Коснется тайны алых
Раскроет тайну красных роз.

ДЕВОЧКА НА ВАЛУНЕ

На скользкой скуле Иссык-Куля,
Где скалы скалятся скуля
От соли, хлестких волн и гула,
Стоит девчонка, как косуля,
К воде фигурку наклона.

Ее ладонь волны коснулась,
И, всплески пенные даря,
Она до неба дотянулась,
И все на свете вострепенулось
От солнца, брызг и янтаря.

* * *

Подводная страна насквозь видна,
В прозрачной ряби стынут дюны.
Песчаные морщинки дна –
Следы доисторических раздумий.

И всё не умудренные веками,
Решив, что вечность простояли зря,

Переодевшись облаками,
Седые скалы по воде скользят.

* * *

Холодный горный день. Охрипли птицы,
И в воздухе, слезясь, дрожат листья.
На плечи гор сырая тень ложится,
А света и тепла уже не видишь ты.

Проходит лето, да! и ежится тревожно,
Стремясь предугадать, когда остынет свет –
Но осознать живое невозможно,
И бесполезно знание примет.

Зелено-желтых дней наивно жалко,
И на душе озяблость и тоска.
На берегу сидевшая русалка
Рассыпалась в бесформенность песка...

* * *

Мой летний сад, прощаюсь я с тобою
И ухожу в осенний полусвет,
Где мир красив иною красотой
И где к тебе уже возврата нет.

Куда, оставив листьев одеянье,
Приходит только вечное времен:
Земля, стволы, осенних истин знанье,
И где грозит забвеньем зимний сон.

Ну что ж, пора, пройдя твои аллеи,
Коснувшись веток, листьев и стволов,
Увидеть, как потупясь свет бледнеет
И что ты сам, как сад, уже не нов.

Но мудрость лет – лишь временная мудрость:
Пройдя за разом раз по кругу лет,
Твой опыт обнаруживает скудость
Усердных знаний, мыслей и примет.

И видишь, что не все есть власть закона,
Привычек, времени, исчисленных путей,
Что красота вневременна и нова
И что она не слушается зова
Усталых дат и их календарей.

В АЗИИ

Судьба неласковой должна
Была для праотцев сложиться,
Чтоб из родимого угла
В надежде света и тепла
К далекой Азии прибиться.

И Азия нас приняла:
Для нас в ночи луна плыла,
И солнца золотая птица
Над нами силила крыла.

И, глядя вспять, как в глубь стекла,
Мы вновь находим близких лица,
А память, солнечно светла,
Стирает времени границы
И снова видит, как цвела
В листве садов весны столица,
Как синева небес круга,
Как на седые купола
Прозрачность вечности ложится.

* * *

Жизнь принадлежит тому, кто спешит.

Бабур

Нельзя опаздывать, мой друг:
Пустяк – к застолью опозданье,
Но неуместно на свиданье
И так обидно для подруг.

Нельзя опаздывать к труду,
К стихам и музыке, к таланту –

Природа отбирает гранты
И погружает в немоту.

Нельзя опаздывать в судьбу –
Она останется судьбою,
Но очень значимо – какую:
За промедление иное
Накличешь на себя беду.

Нельзя опаздывать к себе:
Себя упустишь – не воротишь,
И будет все обычно вроде,
Но ты – как в некоей пустоте,
Где ставни, как пустой избе,
Глухое время заколотит.

* * *

Через дожди и вдохновение,
Навстречу новым временам,
Через артриты и давление
Опять весна приходит к нам.

Через погоды колебания
И ритмию душ и дум
Идет-гудет зеленый шум.

Весна зовет нас к созиданию,
И мы на грани издыхания
За ней плетемся наобум.

ВЕСНОЙ

Я у природы веру перейму
В разумное устройство мироздания,
В естественность процессов созидания
И здравый смысл, дарованный всему.

Так жизнь красна со всеми, на миру!
Отвергнувшая вечные сомнения,
Что ненадежно солнца приближение,
Что вдруг лучи ослабнут и замрут.

И видя первых листьев изумруд,
И чувствуя весеннее дыхание,
Так верится наивному сознанию,
Что никогда весной я не умру!

ЛЕТО В ПРЕДГОРЬЯХ

Уже темнеют бурые стручки,
Готовя семена к полету в землю.
Июльский полдень выгибом руки
Накинул, как вуаль, густую зелень.

Сонливый жар, затишье и покой,
И в чуде тени – тишина и вера.
Лишь тополя блестящей чешуей
Играют на волнах сухого ветра.

Вот торжество июльской красоты,
Вот полнота тепла и власти солнца!
В ленивом блюзе дергая хвосты,
Коровье стадо медленно плетется.

Когда приходит время обнаженья
Древесных крон и затаенных чувств,
Когда лучей усталое скольжение
Не слушается солнечных причуд.

Когда сентябрь, как листья, гасит звезды
И осыпает желтизной луну,
Когда живое подалась ко сну,
И видишь, что искать ответов поздно.

Тогда осенней мысли остается
Смотреть на мир, на гаснущий простор
И видеть, как прозрачность неба льется
На стынущей листвы усталый хор.

* * *

Бледные крылья заката –
Бабочка зимнего сна.
Снежная кровля покато
Розовым осенена.

Бабочка крылья смежила –
Света и тени игра,
Мерзлая марля сложилась
Зябкой ужимкой двора.

Вечера стынущий уголь,
Тлеющих стекол зола.
Зимняя мгла заглянула
В солнечных снов зеркала.

* * *

Я вырос в изрядность лет,
И это от нас не зависит;
Я вырасту в воздух и свет,
Когда облетят мои листья.

Схождение высоты –
Законов осенних благодать,
Когда постигаешь ты
Озябших времен усталость.

И слушая зов листвы,
Я веткой качну нелепо,
И мне улыбнется высь,
И я опрокинусь в небо.

ИЗ ВОСТОЧНОГО ЦИКЛА

Сезам

Ты посмотрела на меня,
И я сказал: «Сезам, откройся!»
Я говорил себе «не бойся»,

Я повторял себе «не бойся!»,
Но знал, что это западня.

Полна чудес и красоты
Твоя волшебная пещера,
Богатств в ней собрано без меры,
Но всех вошедших губишь ты...

Я знал об этом наперед,
Но я из тех, кто чуда ждет
И кто щадить себя не станет:
Пусть сердце вспыхнет и умрет,
Пусть сердце вспыхнет и умрет –
Оно сокровищ не возьмет
И только душу ей оставит.

Мастер и Время

Что дать любовь моя умеет?–
Пристрастье, нежность и резец.
И то навеки уцелеет,
В чем мастер видел образец.

Ты не подвластна больше плену
Старенья, времени и лет:
Я в мрамор слов тебя одену
И возведу на постамент.

Словесный камень, он не ломкий,
Ему в веках звучать и жить.
И пусть пристрастные потомки,
Ведя о юных девах толки,
С тобой их силятся сравнить!

Весна и Ночь

В слепой ночи затеряна весна,
Моим шагам идти твоей судьбою,

А силуэт мечети допоздна
Колелблется молящейся толпою.

Пусть неба не видна голубизна,
И мир опущен в чашу с темнотою,
Но где-то есть во тьме твои глаза,
Есть свет души, затепленный тобою.

Пусть муэдзина песнь в ночи ясна,
Пронзая минаретной высотой:
«Приидите, молитва лучше сна»,
Но слышится: «Ее зовут Весна»,
Но слышится: «Ее зовут Весна –
Придите восхититься красотой!»

Хадж

О, сколько веры в человеке
Рождает путь к святым местам:
Я обращаюсь к тебе, как к Мекке,
Я обращаюсь к тебе, как к Мекке,
И в честь тебя воздвигну храм.

Моей души звенящий купол
Тебе молитву станет петь,
Чтоб каждый веровал и слушал,
Кто посетит твою мечеть.

Моей груди живому сердцу
Немолчным колоколом звать,
Чтоб потянуло иноверца
Из иноверца верным стать.

И над михрабом глаз оконца,
Смогли бы взор твой рассмотреть –
Неиссякаемое солнце,
Испепеляющее смерть.

Застывшим храмом на дороге
Мне ждать с мечтой наедине,

И пусть твой храм пребудет в Боге,
И пусть твой храм пребудет в Боге,
Как пребываешь ты во мне.

Огнем божественного слога
Мой стих окрасится звеня:
О, как уверю я в Бога,
Когда поверишь ты в меня!

Иван НЕЧИПОРУК

СТИХИ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Однажды я проснулся на рассвете
От острого предчувствия беды.
Бесился за окном безумный ветер,
Терзая опустевшие сады.

Растерянно метался дождь по крыше,
А за моим заплаканным окном,
Стонала перепуганная вишня,
Как будто бы войти просилась в дом.

И так мне было страшно и тревожно,
Хотелось взвыть в объятьях темноты,
Хотелось убежать... Но невозможно
Бежать от приближения беды.

* * *

Растворяется боль,
словно в кофе добавленный сахар.
Оплывает, как воск,
в жарком небе полночном луна.
Я увлёкся, плывя по теченью,
забыв чувство страха,
И теперь получаю
по старому счёту сполна.

Ночь июля душна,
от жары ли? А может, от боли?
Лишь молитва способна
ночную хандру превозмочь.
Только вера – вериги обиды
как чашу расколет,
И устанет душа
в ступе времени воду толочь.

ШАГ

Сделан шаг –
Отступить и сдаваться
 бессмысленно.
Страх в глазах,
А душа, как рубаха
расхристана.

На краю:
Между словом
и страхом безмолвия,
Я стою,
Ожидая, когда
грянут молнии.

ГУЛЛИВЕРОПАД

Без надежды, без любви, без веры,
Одурев в предчувствии войны,
Лилипуты валят гулливеров
С постаментов гибнущей страны.

Изолгав историю и даты
Малорослый озверел народ,
Словно гулливеры виноваты,
В том, что лилипутам не везёт.

И летят, раскалываясь, туши,
Массой содрогая города...

И мельчают нищенские души,
Оскверняясь раз и навсегда.

Сорвался снег над городом больным.
Был невесом и лёгок белый рой,
Казалось, что вальсировали сны.
Беспомощный, осеннею порой,
Шёл первый снег безудержной войны.

И город вдруг предстал совсем иным,
Он снеготайнство по-новому познал.
И были улицы предчувствия полны,
И каждый клён восторженно дрожал...
Шёл первый снег невысказанной войны.

Я вдыхаю эту осень,
Это пряное амбре –
Запах тополей и сосен
В задымлённом октябре.

В небе кое-где зарницы
И разрывов дальних гул.
Ветер под ноги ложится,
Подвывая на бегу.

А пути мои не гладки,
Звёзды канули во мрак,
И шагаю по брусчатке
Под истошный лай собак.

Хмурый небосвод нелётный
Накрывает город тьмой.
И под грохот миномётный
Я в ночи спешу домой.

Н. Романовой

Опустели наши кельи,
Песни наши не допеты
В это огневое лето.
От Тавриды до Карелии
Разлетелись мы по свету.

И теперь – судьбы избранники,
Разнесённые ветрами,
Мы храним святое пламя.
Божьи дудки, Божьи странники –
Слово вечно будет с нами.

ДОМОЙ

Мелькают рощи золотые,
Тоскуют сонные леса.
Дни сентября совсем остыли,
И поседели небеса.

За мной вослед – дожди косые
И одуревший листопад...
Я уезжаю из России
К себе на Родину назад.

Я еду по дороге гулкой,
Туда, где пахнет мир золой,
Где сиротливы переулки,
И где гуляет ветер злой.

Там тоже дождь, там тоже осень,
И небо затянула мгла.
А ветер души листьев носит
Над тротуаром из стекла.

В хитросплетеньях цифр и дат
Перемешались все события.
Дома, осколками побитые
Безглазо выстроились в ряд.

А под ногой хрустит стекло,
Деревья с вырванными удами...
Мой город, преданный иудами,
Ещё в строю в борьбе со злом.

Мы верим завтрашнему дню:
Мы город исцелим, отстроим,
Мы наречём его героем,
Назло
и смерти,
и огню!

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Тают в облаках лучи...
Ветер свищет, как нагайка,
Воздух сладостно горчит.
Надо мной не плачут чайки,
Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты...
На ветру трепещет осень,
Сквер, осунувшись, простыл.
И октябрь с собой уносит
Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной...
И друзья считают чаек
Над холодной Невой.
И по Родине скучая,
Не торопятся домой...

* * *

Когда остывшие надежды
Листою скинут тополя,
Как надоевшую одежду,
И успокоится земля,

Дворы наполнятся прохладой
И нереальной пустотой,
И новым жизненным укладом
Задышит бранный город мой,

Тогда и я, собрав пожитки,
Пойду по зову в темноту,
Туда, где тихий ветер жидкий,
Качает робкую звезду.

Виктория ПОЛЯКОВА

СТИХИ

* * *

Я знаю, что такое Неизбежность –
Пол, уходящий резко из-под ног,
И лживых слов изысканная снежность,
И от беды ослепшее окно.

Я знаю, что такое Бесконечность –
Вой ветра, одичавшего в трубе,
Груз одиночества, упавшего на плечи,
Ночь, за которой не спешит рассвет.

Я знаю, что такое Безысходность,
А так хотелось никогда не знать.
Забывать тебя: лицо твое и голос...
Открыв глаза, опомниться от сна.

Но слишком крут
Любви и Счастья берег
Средь океана Тысячи Потерь.
Я знаю, что такое Неизбежность.
О, дай же, Боже, не узнать тебе.

* * *

Я выводила пальцем на стекле
Зигзаги, закорючки, запятые...

Как будто заклинание чертила,
Стирающее память о тебе.

...А ты сошел по лестнице, потом
Неспешно пересек больничный дворик.
Ты не хотел ничьей касаться боли...
Как рыба я хватала воздух ртом...

И солнце закатилось за роддом...
В чернильном небе потерялись звезды...
Мне б отказаться, ведь еще не поздно...
Но по стеклу забарабанил дождь...

Слез не было... И, словно бы вина,
Палату наполнял ребячий гомон...
А скальпелем водили по-живому,
И ДУШУ вырезали у меня...

* * *

Иконы безмолвствуют – что им мирские дела?
Мой крохотный мир не дорос до проблемы глобальной.
Даваясь тишиной, коротаю свои вечера,
Твердя по Фэн-шуй: «Все нормально. Нормально!
Нормально!!!»

А Космос – во мне: поглощает своей чернотой.
И дело не в том, что любовь оказалась земною.
Мне было начертано строить печали чертог,
А я замахнулась на то, что отведено Ною.

Свеча догорела, лишь капелька воска в руке.
Я боли не чувствую: сердце – вместилище горя.
Мы были чужими... Но кто-то другой вдалеке
По звездной дороге меня поманил за собою...

* * *

Волхвы к яслям его спешили,
Пришла и я.
И вынесла Мария Сына –
Царей Царя –

Им – мудрецам, жрецам и магам,
И грешной мне...
А Иордан, подобно магме,
Побагровел,

Там кровь невинно убиенных
Рекой текла...
А я стояла на коленях,
Отца звала:

«О Элохим, еще не время,
Ты обещал
Не по делам воздать – по Вере...
Удар бича
стерплю,
как раньше долю вдовью,
позор, суму...
Одень же шкуру мне воловью –
Помочь Ему
Позволь...»

Дорогой малолюдной
Тяну возок.
Но новый день не будет судным –
Еще не срок:

Еще не слушали Мессию,
И пять хлебов
На ждущих чуда не делили,
И для врагов

Еще не подставляли щёки –
Шел глаз за глаз...
И не распяли на Голгофе,
Его за нас.

Не звезды ЭТО предрешили –
Рука Твоя.
Волхвы к яслям его спешили.
Пришла и я...

* * *

Я Нефертити или Венера?..
Светят софиты справа и слева,
Но ослепляет души нагота.
Люди, подайте ради Христа!..

Что ж вопрошаю как-то несмело? –
Плодом червивым
 с райского древа
И с одного я укуса съта...
Пообносились платье стыда.
Ева?.. Адам?.. Мне не сюда...
Люди, подайте ради Христа!..

Страстью пылают юношей взоры.
Стану Еленой – девой раздора.
Непобедимая Троя взята!..
Люди, подайте ради Христа...

Сотни имен с сотворения мира,
Не понимая значенья, носила
С вызовом дерзким: вам не чета!..
Люди, подайте ради Христа!..

Веры моей и Пилат не отнимет.
Ноги Христа волосами своими
Вымою я. (Слез святая вода).
Люди, простите ради Христа!..
Гея¹. Далила². Юдифь³. Маргарита.
Знаем ли мы,
 что под гримом сокрыто?..

31 мая 2005 года

¹Гея (*из греч. мифологии*) – мать-земля, породившая все сущее, но большинство ее детей были чудовищами.

²Далила (*библ., книга Судей, 16*) – возлюбленная Самсона, отдавшая его в рабство.

³Юдифь (*библ.*) – отрубила голову Олаферну.

* * *

Сквозь сердце пропуская боль,
Не ручкой гелевой, а кровью,
Пишу, без длинных предисловий,
Банальности о нас с тобой:

«Мне вечным быть учеником –
Не мастером, а подмастерьем:
Страдать ночами от бестемья,
Давится истины куском,

До дыр зачитывать Псалтырь,
И сомневаться в слове Божьем...
Вцепиться хваткою бульдожьей
В жизнь...

Уповать не на святых,
А на людей в халатах белых.
В агонии родными бредить,
Молиться мысленно о них...

Примерив квиетизм больниц,
Растворы впитывать из трубок,
И не прикидываться трупом,
А быть наполовину им...

Утратив слух от пустоты,
Понять – сочувствующих – тыщи!,
А чувствующих так, как ты –
И днем со свечкой не отыщешь...»

КВИЕТИЗМ (*от лат. quietus — спокойный, безмятежный*) — религиозное учение, доводящее идеал подчинения воле Бога до требования быть безразличным к собственному спасению.

* * *

Под ногами – снежинок крошево.
Спазмом боли сжимает горло.
Кто ты, с неба на землю сброшенный
В мир, где прошлое иллюзорно?..

И куда тебе деться с крыльями? –
До предела забита паперть,
В этом – полное изобилие,
Остального на всех не хватает:

Недолюблены, недоласканы,
Недосчастливы мы, но все же...
У Распятия не распластанных
Ты спаси и таких, о Боже!
Погибающих от неверия,
Себялюбия и гордыни...
Освети нам Дорогу – Верою,
Ту, что раньше вела нас в Ирий...

От стихов – не остов, а косточки...
Мне на выход опять с вещами...
Что еще Ты подашь мне, Господи!..
Звезд горошины...
и Молчанье...

Я здесь. Я – мазохистка, истеричка
Ловлю огонь от вспышек мыслей-спичек,
Вбираю их поверхностно, подкожно...
А вдруг потом сумею приумножить?.. -
Себе я льщу.

А кто не без изъяна?..
Без Веры мне спасенье Бог не явит...
Но даже с Ней мне Рай не обрести...
Обречена я груз грехов нести
До исповеди...

Но владея словом,
Я этот груз наваливаю снова,
Чтоб передать в поношенной котомке
Моим несостоявшимся потомкам,
С надеждой: пересевя мыслей бред,
Они найдут не Истину, а СВЕТ,
Который я, призрев свои пороки,
Не искажу.

И пусть уста Пророка
И шепотом звучат сильнее грома.

Все внемлите?.. –
В начале было СЛОВО!
И прах вобрав от тысячи дорог...
Внемлите ВСЕ! –
И слово было БОГ!!!

* * *

«... А нынче всяк горазд звонить в колокола...»
Балабашкина Марина

Лик Богородицы слизал огонь войны
(Священник не успел спасти икону!)...
Дни города на карте – сочтены:
Снарядами его Отчизна кормит,

И обещаниями...
Воду, газ и свет
Не подключают, из любви огромной...
Я так устала. Веры больше нет.
Есть только грохот «Града» или грома! –

Не различаю...
Есть дыра в стене,
И сквозь неё видны кресты собора,
И дождь, и колокольня...
Только нет
На месте здания моей обычной школы...

Да, я оглохла. То звонили и по мне...
Еще жива (полшага до могилы...)
Я так устала.
Веры больше нет
В то,
что дождусь на Украине мира...

* * *

«...Детской кровью помечен дьявол...»
Балабашкина Марина

Детской кровью помечен дьявол.
Криком вдовьим заклало уши.

Очи долу, и совесть глуше...
А присмотришься – все неправы!

Из руин достаю игрушки...
По кускам собирают сына...
Что ж ты делаешь, Украина?!..
А в ответ – канонадой пушки!..

А солдатики – на запчастях!..
Кто у власти – до денег жаден.
Нет, не женщины вас рожали!..
И насмешкою – город Счастье...

На престол возвратился Ирод
И пилатствует без разбора,
И растут у нас трупов горы...
Что ж ты делаешь, Украина?!..

В НОЧЬ НА 16 ЯНВАРЯ

Подвала нет (в проекте был упущен)...
Какую из трех стен считать несущей?..
Куда упасть?.. – Удар взрывной волны...
О Господи, пошли нам тишины!..

Дом – ходуном: разрывы где-то рядом...
Теперь от нас: по звуку – запуск «Града»...
Вновь валидол положен под язык...
О Господи, как хочется мне жить!..

Мне всё равно «укроп» то или «ватник»...
Но пятый час дрожит сервиз в серванте...
Хорошего и в эту ночь не ждать...
Свет вырубили... кончилась вода...

Нас с двух сторон подталкивают к бунту.
Одни кричат: «мир нарушает «хунта»»,
Другие: «вас сливают, как всегда...»
Шесть месяцев не ходят поезда...

И блокпосты на выездах и въездах...
Нет, никогда страна не будет прежней! –
Ей жители Донбасса не нужны:
Мы террористы для своей страны!..

Под взрыв снарядов и осколков визг
Здесь отмывают «баксы» на крови,
И делят бизнес-сферы – интересы,
Но выдает прикормленная пресса:

«Ату – Россия!.. Украина – браво!..»
Чеканит шаг брусчаткой «сектор правый» -
Джин вырвался – попробуй, загони...
О Господи, спаси и сохрани!..

День ТИШИНЫ! – насмешка – не иначе...
Мать над ребёнком годовалым плачет...
В Полтаву, Киев, Львов везут гробы –
Такая вот «ирония судьбы»...

...Курганка, Бессарабка, Комсомолец...
Я в позе эмбриона в коридоре
Сижу, нательный крестик крепко сжав...
О Господи, прости...

Моя душа
Всё дальше отлетает с каждым взрывом...
(Хочу заметить, я не из пугливых),

Но этого не выдержит никто:
Подпрыгивает 3-х подъездный дом,
А вместе с ним и мой район, и город...
Пожаром близким обагрило шторы...

Как с этим жить, скажи мне, Бог-Отец?!..
Молю я о смягченье злых сердец,
И имена святых перебираю...
Кому еще молится я не знаю...

Шестнадцатое.
Утро.
Тишина.

Сама себе не верю, что война...

СТИХИ

КУЛЯЙКА

Кварталы жилые знакомо
Растут, в поднебесье спеша...
По низкому старому дому
Моя заболела душа.

Дороже не сыщется места,
Спешу – полететь бы готов –
Глотнуть его, воздуха детства,
У ржавых глубоких прудов.

Засеянный птичьей соломой,
Глядит на меня карагач.
И слышу я: в доме знакомом
Тяжелый прерывистый плач.

Прижалась к сарайчику бричка.
Травой пересыпан цветник.
– Куляйка преставилась нынче,
Сказал незнакомый старик.

Так вот ты откуда, тревога! –
От горя пошла, от беды...

И видятся мне на дороге
Военного детства следы.

Немало нас было, мальчишек,
Тогда

в той деревне,
в тот год.

И был для вихрастых и рыжих
Весомым прозрачный ломоть.

Плясала пурга над избушкой,
Кричало в полях воронье.
И мы, словно птицы к кормушке,
Слетались к порогу ее.

И хлеб свой делила хозяйка,
И ласкою грела своей.
Знать, соткано сердце Куляйки
Из солнечных было лучей.

Мы слушали радио долго,
И нашим желали удач...
Меня возвращает в сегодня
Тяжелый прерывистый плач.

В доме ее стареньком людно.
И чувствует сердце вину...
И детство неловко и трудно
Припало глазами к окну.

ПЕСНЯ АКЫНА

Как готовая к делу гончарная глина,
Тяжела и медлительна песня акына.

И дрожат, как на солнце январская стужа,
Под упругими пальцами струны комуза.

Он сидит, набежавшим раздумьем объятый,
Подпоясанный старым багровым закатом.

До утра, что фазаном сверкнет в поднебесье,
Наиграть ему нужно последнюю песню.

Прошлой ночью к нему из далекого мира
Приходила жена и уйти с ним просила.

А уже на заре, лишь успел он одеться,
На дыбы поднялось его старое сердце.

Он его успокоил и лаской, и лестью –
Лишь бы силы сберечь на последнюю песню.

Не спеша опускается ночь на джайлоо, –
Вдохновенье желанное только пришло бы...

За скалою не спится речушке-шалунье,
Взгляд акына наполнен тяжелым раздумьем...

Он сидит, вдохновеньем пришедшим согретый,
Подпоясанный розовым легким рассветом.

А лицо у акына лучится, лучится...
И стремительно сердце летит кобылицей.

АК-БУРА

День лежит в долине желтой дыней.
Льнет к воде назойливо жара.
Вспоминая мартовские ливни,
Тихо катит воды Ак-Бура.

Слышно ей, как птичья песня льется,
Видно, как под сонной синевой
Сулейман-Гора и красно солнце
Разговор ведут между собой.

Разодетый и в шелка, и в ситцы,
Что легли на бронзовый загар,
Зазывает, спорит и рядится
Стоязыкий красочный базар.

Видно ей, как Ош, кварталы строя,
Хорошеет с двух ее сторон,
И спешит, не в меру беспокоя,
Заковать ей берега в бетон.

И реке сегодняшней грустится,
Ведь вода ее давно не мед.
Оттого, знать, вечером напиток
Сулейман-Гора не подойдет.

ДЖЕТЫ-ОГУЗ

Прими поклон, любви моей исток.
Все зримее встает перед глазами
Пронзительно знакомый уголок
С бегущими по небу облаками.

Издалека, милее всех речей,
Вдруг кто-то мне подаст знакомый голос.
Холмы, дорога горная, ручей.
И вот – за легкой дымкой – Джеты-Огуз.

Чуть ниже облаков – полет орла.
Зовет, зовет дорога за собою.
Извечно дремлет древняя скала.
Как бабка над арчевой клюкою.

Взлетел фазан огнем из-под руки.
Заречье в облепиховой метели.
И, напугавшись грохота реки,
На склон горы повыбежали ели.

Река зеленоглазая ревет,
Да так, что берега ее трясутся,
И Семь Быков коричневых вот-вот
От сна тысячелетнего проснутся.

* * *

Порою жизнь, щадившая тебя,
Такою ляжет тяжестью на плечи...
Мы жили рядом, и сама судьба
Подталкивала нас упрямо к встрече.

И хоть итог, казалось, будет прост,
Но – что за странность властвует над нами!

* * *

Ну и жребий мне странный достался:
Управлять безымянной судьбой.
Я давно над собой не смеялся,
Не смеялся давно над собой.

В окружении кукольной рати
Довелось мне весь мир покорить
И, пытаясь безумье растратить,
Сердце с разумом вновь примирить.

Что ж, я долго и честно старался
Видеть жизнь без тревог и без гроз.
Я давно над собой не смеялся,
Над другими смеялся до слез.

Кто шепнул мне, последней разине,
Поддурманивать кисточкой зло?
Оттого, знать, до срока предзимье
Под глазами моими легло.

Что ж я птицей в силке заметался?
Тихий вечер стоит за спиной...
Я давно над собой не смеялся.
Срок настал – посмеюсь над собой.

СНЕГИРЬ

Ища в предгрозы тишины и крова,
Спешили птицы спрятаться в лесок.
В тот хмурый час – голодный, бестолковый,
Попал снегирь в расставленный силок.

Ходили верхом всплески ветровые,
Все пропиталось запахом грибным,
И мякиш хлеба ситного впервые
Лежал изменой черной перед ним...

Потом он слышал птиц веселых пенье
И видел, как тихонько отцвела
И в старый пруд зеленый за деревней
Капелью звонкой радуга стекла.

По-над рекой торжествовали ели,
За луг веселый пятилась гроза...
И видела ольха, как тяжелели
У снегиря раскосые глаза.

* * *

Снятся мне непонятные сны –
Сумасшедшие красные кони...
Будто я от сердечной вины
Ухожу – ухожу от погони.

Белый конь мой – надежда моя.
Только силы его на исходе.
О, неужто, поверить нельзя
В тот глоток леденящей свободы!

Горизонт мой закатом залит.
Воздух полнится воплями волчьими.
И осенняя степь от копыт
Разлетается рыжими клочьями.

Не уйти! Догоняют меня!
И, целуя былую беспечность,
Я стегаю нагайкой коня...
И влетаю в холодную вечность.

* * *

Доченька портрет мой рисовала,
И, держа в руке своей резинку,
Подошла и ласково сказала:
«Я сейчас сотру твою морщинку».

За окном, роняя паутинки,
День стоял осенний, светло-синий.
Вот и мне бы хоть одну морщинку
Осторожно снять с лица России.

ЛИСТ

Школа меж лип музыкальная.
Льётся из форточки Лист.
Словно улыбка прощальная
Падает с дерева лист.

Смотрит он взглядом расколотым
В солнечный день, как во мгле.
Щедрым наполнится золотом,
И... растворится в земле?

Призрачно музыка стелется,
Осени робкая дочь.
В солнце поверив,- не верится
В долгую-долгую ночь.

И переходит в парение
Жизни земной благодать.
Тайны в осеннем падении
Вряд ли кому-то понять.

Мечется, как обещание
Форточки жгучий проём.
В музыке смех и прощание –
В ней обо мне и о нём.

Друзей моих прекрасные черты

ОБОРВАЛАСЬ СТРУНА

*Памяти ветерана Великой Отечественной войны,
моего соседа и друга
Бориса Иосифовича Селиверстова*

На людей осерчала природа.
Оттого, знать, добавилось бед:
Умер друг после Нового года,
А теперь вот – мой лучший сосед.

Интерес нас к футболу сначала
Незаметно, но крепко сплотил.
Без звонков, приглашений, бывало,
Часто в гости к нему приходил.

Был он вечно завален работой:
То пилил, то чинил, то строгал.
Он в войну с пулеметным расчетом
Пол Европы в боях прошагал.

Из поморов с замесом отваги
Говорил: «Не большая беда,
Что не он, а другой на Рейхстаге
Свой автограф оставил тогда».

Был он в целом характера славного
И шагала судьба не тайком.
Я за месяц до праздника главного
В дом к нему заглянул вечером.

После нашей недолгой беседы,
Улыбнувшись, спросил: – Ты не прочь,
Если вместе споем в День Победы
И «Землянку», и «Темную ночь»?

Я идею приветствовал чудную,-
Спеть, тем более в день непростой.
Он гитару принес семиструнную
С оборвавшейся крайней струной.

– Заменяю, – тихо вымолвил с горечью, –
Ведь такой голосистой была...
Прилетевшая «Скорая» полночью
Ветерана спасти не смогла.

По каким там небесным дорогам
Бродит нынче сосед дорогой...
Жизнь – струна и дарована Богом.
Замени-ка попробуй другой...

СЛЫШУ, ТОЛЯ, БИЕНИЕ ГОЛОСА...

Памяти друга

Телефонный звонок из Бишкека
Пошатнул моё сердце бедой:
Потеряла Земля человека –
Умер друг и поэт Бережной.

День за днём он и мудро, и молодо
Над большою поэмой корпел...
Я к нему из далёкого города,
Как ни рвался, и всё ж не успел.

И теперь вот из дальнего космоса,
Где нам быть до поры не велят,
Слышу, Толя, биение голоса.
Вижу чуть уккоризненный взгляд.

Тихо, мирно у вас, небожителей?
Здесь ты жить постоянно спешил.
Но меня и других сочинителей
Осторожно и мудро растил.

Непростую ты ставил задачу:
Постоять хоть чуть-чуть на краю...
Ты мою на страницах удачу
Принимал за удачу свою.

Ты душой был сродни океанам,
Хоть шаги твои были тихи.
Ты на добрую память землянам
Вместо сердца оставил стихи.

МНЕ ПОМАШЕТ ОН РУКОЙ

Памяти Александра Никитенко

Заточив острее жало
Смерть его сразила влёт.

И, теперь меня к вокзалу
Саша встретить не придёт.

И ему уже от рынка
До горы не добежать,
И река Аламединка
Понапрасну будет ждать.

И гармошка не взорвётся
От настроенных басов,
И блокноту не дожидаться
Новых Сашиних стихов.

Есть ли жизнь у неба-чаши,
Где с улыбкой неземной,
Распахнув окошко, Саша
Вдруг помашет мне рукой?

КНИГА ЗРЯЧАЯ ВЗОШЛА

Памяти Валерия Жернакова

Добрый, тихий, чаще – грустный,
С парой чушек-кулаков,
На земле в долине Чуйской
Жил Валерий Жернаков.

Не по щучьему веленью
Добывал Валерий хлеб
И стихи писал...
С болезнью
Неожиданно ослеп.

Трудно стало жить без света.
И когда посёлок спал
Доставал слова из сердца,
В землю тёплую бросал.

Потянувшись тёплым летом
Утро встало в два крыла.
И в лучах дневного света
Книга зрячая взошла.

ПУБЛИЦИСТИКА

ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР

ГРАФСКОЕ ДЕЛО

Граф Сергей Капнист, прямой потомок русского поэта и драматурга Василия Васильевича Капниста. Живет в Париже. Получил экономическое и финансовое образование. Работал в промышленности и в банковской сфере. Состоял в должности атташе по экономическим и торговым вопросам посольства Франции в Москве. В настоящее время – председатель Русского Красного Креста (СО) во Франции; президент группы компаний Acceleration (Россия); член-учредитель Координационного совета Российских соотечественников во Франции; зампредела Союза русского дворянства (UNR) в Париже.

– Обидно вам или нет, Сергей Алексеевич, но вы не первый граф в моем собрании интервью...

– Обижаться тут не на что. Напротив, я этому рад. Надеюсь, что и не последний.

– Первой была графиня Мария Андреевна Разумовская, жившая в Вене, за ней шел граф Владимир Ламсдорф из Барселоны, теперь вот вы. Да и финансист вы в моем собрании – третий по счету. Первым был князь Никита Лобанов-Ростовский, вторым – Александр Кочубей...

– О да, я с обоими давно и хорошо знаком, мы регулярно встречаемся то в России, то во Франции или Швейцарии.

– Помогите разобраться в происхождении графского титула Капнистов.

– Изначально он был не российский, а венецианский, его получил мой дальний предок, грек Стомателло Капниси, со-

стоявший на военной службе у дожей Венеции. В 1711 году его внук Петр Христофорович Капнисси с сыном Василием переселился в Россию. Отец вскоре заболел и умер, а сын, когда ему исполнилось 14 лет, был под фамилией Капнист записан в слободский полк, стоявший в городе Изюме, волонтером участвовал в польских походах, служил усердно, рос в военных чинах. Во время Семилетней войны, участие в которой принимала Россия, погиб в битве при Гросс-Егерсдорфе. Но только в 1876 году род графов Капнист был признан в этом достоинстве в России, запись об этом сделана в Пятой части родословной книги малороссийского дворянства.

– Мне попало на глаза интервью, в котором вас назвали потомком сразу двух русских писателей XVIII века – Василия Капниста и Гаврилы Державина. Известно, что Капнист и Державин дружили, – но были ли они родственниками?

– Их жены были родными сестрами.

– Значит, по-русски их следует звать свояками.

– Наверное, вы правы. И оттого, что Василий Васильевич и Гаврила Романович общались по-семейному, потомком Державина я не стал. У меня есть квартира в Петербурге на Фонтанке. Когда я туда приезжаю и направляюсь к себе мимо дома, где жил Державин и где теперь расположен его музей, то мысленно представляю, что иду тем же путем, по которому Василий Васильевич шел навестить свояка.

– Но его путем в плане профессии вы не пошли, выбрали свой. Кстати, рассматривая генеалогическое древо Капнистов, я отметил, как много на нем имен людей выдающихся, оставивших заметный след в российской истории, в литературе, в государственном устройстве России. Там, помимо уже упомянутого нами Василия Капниста, есть контр-адмирал и камергер императорского двора; полковник Войска Запорожского; директор департамента Министерства иностранных дел; дипломат и два депутата Государственной Думы; московский гражданский губернатор, писатель, сенатор. И ни одного финансиста. Вы – первый.

– (Рассмеявшись) Наверное, кто-то должен был начать. Хотя, если вдуматься, финансами так или иначе занимались, вероятно, многие Капнисты, просто подход к деньгам у них тогда был иным, нежели у меня. Я поступил в Экономический университет Paris Dauphine, а также в EDC (Коммерческая школа в Париже), одновременно служил во французской компании Fenwick, которая экспортировала в Советский Союз

французские грузоподъемники. По окончании учебы я должен был отслужить два года в армии. На мою удачу, во Франции существовала и существует сейчас, хоть и немножко в другом виде, возможность исполнить этот долг на условиях альтернативной службы, при которой человек не носит военную форму и не живет в казарме. В рамках такой возможности я через министерство финансов Франции получил пост атташе по торговым и экономическим вопросам во французском посольстве в Москве. Гораздо больше, чем этот пост и дипломатическая карьера, меня привлекала возможность пожить в советской России первой половины 1970-х годов, известных как начало брежневского застоя...

– Вам бы стоило пожить там подольше, чтобы увидеть расцвет этого самого застоя.

– Возможно. Однако мне важнее было почувствовать, что такое Россия, а не Советский Союз...

– Ну и как – почувствовали?

– Обнаружил колоссальный разрыв между обществом и властью, точнее – политическим строем. Немало забавных случаев я мог бы вспомнить о том периоде.

– Вспомните хотя бы один.

– Начало моей службы совпало с национальным праздником Франции – 14 июля, Днем взятия Бастилии. По традиции, ежегодно в этот день посольство устраивает большой прием. Так было и на сей раз. Мой начальник, экономический советник посла Пьер Луи Лабади, ко мне подводит какого-то советского чиновника: «Сергей Капнист, сотрудник торгпредства». Чиновник на меня смотрит и говорит: «Значит, вы официальный шпион?» Мне хватило секунды, чтобы ответить: «Не надо судить по себе». Вообще, пока я служил там, много было интересного. Но мне не хотелось думать о продолжении дипломатической карьеры. И когда господин Лабади сказал, что с моим подходом к делам и людям можно преуспеть в банковской деятельности, я решил попытаться счастья: рассылал письма в разные банки, получал какие-то предложения, и в итоге был приглашен на работу в BNP (Banque Nationale de Paris). Банковский опыт пошел мне на пользу еще и тем, что я смог его применить в моей дальнейшей деятельности. Видите, как складывается жизнь...

– Не столько вижу, сколько верю вам на слово. Еще немного о вашем знакомстве с Россией: оно было первым?

– Напомню, что до работы в посольстве я служил в ком-

пани Fenwick. Как человек, владеющий русским языком, я был в составе группы специалистов командирован в Москву для ведения переговоров с советским внешнеторговым объединением «Машиноимпорт», в котором сосредотачивались продажи и покупки разных западных материалов. Во время этой командировки мы с коллегами замечали, что за нами постоянно следят, и для нас, выросших в условиях Запада, это создавало, мягко говоря, дискомфорт. Позже, работая в посольстве Франции, я с удивлением обнаружил, что иностранные дипломаты не могут свободно покидать 40-километровую зону вокруг Москвы. Любой маршрут за пределами этой зоны приходилось утверждать в Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса (УПДК) МИД СССР, а там в последнюю минуту могли ответить отказом. Об этом я тоже мог бы рассказать немало анекдотов. Тем не менее, поскольку этот период был довольно долгим, я смог немало увидеть и почувствовать, чем живет Россия.

– Вы ее воспринимали как родину предков и свою историческую родину или как любую другую страну?

– Отвечу на ваш вопрос немного издалека: ни в какую другую страну я бы не поехал на дипломатическую должность, смысл состоял именно в России. Конечно, это было связано с историей моей семьи, но не в меньшей мере с моим собственным желанием осознать – что это за страна, о которой я столько слышал в семейном кругу и в четверговой школе на уроках русской литературы, грамматики и закона Божьего. Школу создала моя дальняя родственница Антонина Михайловна Осоргина, которую все ученики называли тетя Тоня. В моем сознании существовал некий русский мир, который мне требовалось увидеть своими глазами. Но для того, чтобы это случилось, необходимо было поехать в СССР.

– Не догадался спросить в самом начале, так спрошу сейчас: кто были первые Капнисты, ушедшие в эмиграцию из России?

– Первым после Октябрьского переворота 1917 года эмигрировал во Францию мой дед со стороны отца Дмитрий Павлович Капнист. Он был депутатом IV Государственной Думы, правой рукой Родзянко, председателя Думы, затем возглавлял комиссию Временного правительства по делам печати. Он выехал с семьей. Моему отцу, единственному сыну у родителей, было, кажется, 2–3 годика. Дед тяжело перенес эмиграцию и скончался в 1926 году. Моя мама, дочь офице-

ра военно-морского флота России, родилась в Индокитае, во Францию приехала с родителями к своему деду Якову Смирнову, который с 1898 года был настоятелем кафедрального собора Святого Александра Невского в Париже. Здесь она встретила моего отца, вышла за него замуж. Венчались они в соборе, в котором служил мамин дед.

– Как прекрасно вы говорите по-русски! Такое не часто встречается у людей, родившихся вне России и живущих вдали от нее.

– Очень мило, что вы это заметили. Но я более скромного мнения о своих познаниях в родном языке. Родился я во Франции, но когда пошел в первый класс школы, то совсем не говорил по-французски. Мои родители, бабушка и дедушка со стороны мамы мудро рассудили: живя в этой стране, я, конечно же, буду знать ее язык, поэтому сделали все, чтобы на первых порах дать мне основу родного русского языка. Они понимали: остальное придет своим чередом.

– Вы потомок Василия Капниста в каком колене?

– В шестом. Прихожусь ему прапрапраправнуком.

– Готовясь к интервью, я нашел в Интернете исторический анекдот о том, как император Павел I, прознав, что актеры его театра репетируют пьесу Капниста «Ябеда», которая бичует российское взяточничество, прибыл ночью в театр, велел доставить туда актеров, и когда их привезли чуть ли не в ночном белье – заставил играть, а сам был единственным зрителем. После первого акта император приказал выслать драматурга в Сибирь, после третьего – заковать в кандалы, после пятого, когда Капниста уже увозили, – вернуть и наградить. Впрочем, все это вам известно и без меня...

– Признаюсь, что недостаточно знаком с творчеством своего прапрапрадеда. Всегда считал, да и сегодня считаю, что в русской классической литературе – он фигура, если можно так выразиться, второстепенная, мало известная широкому кругу читателей. Но вот в 2009 году, находясь в Москве, я был приглашен в театр «Эрмитаж» на премьеру спектакля «Капнист: туда и обратно», поставленного по «Ябеде» – пьесе очень современной, хоть и написанной более двух столетий назад. В названии содержится намек на выдуманную историю с отправкой драматурга в Сибирь, к счастью, не состоявшейся. Режиссер спектакля Михаил Левитин построил его отчасти на материале пьесы, отчасти – на стихах и песнях своего друга, замечательного русского барда Юлия Кима. Надо сказать,

с его стороны было смелостью решиться на такую постановку.

– Не потому ли, что проходящая в пьесе красной нитью тема повальной коррупции и взяточничества очень актуальна для современного русского общества и прозвучала как пророчество?

– Абсолютно верно. Именно это я имел в виду.

– «Ябеда» выглядит предтечей трилогии Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина», а также грибоедовского «Горя от ума» и гоголевского «Ревизора». Судьи в его пьесах могли бы спеть в унисон с персонажами Капниста:

*Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать.*

Василий Капнист.

Автор миниатюры – Владимир Боровиковский.

А сами вы, Сергей Алексеевич, в каких отношениях с русской литературой?

– В молодости я с удовольствием читал рассказы Тургенева и Толстого, стихи Пушкина и Некрасова, повести Гоголя. Подлинным потрясением стала для меня встреча с творчеством Александра Солженицына, чье значение в России и в мире еще не до конца оценено. Регулярно бывая в Москве, посещаю научно-культурный центр, известный как Дом русского зарубежья имени Солженицына, часто связываюсь по деловым вопросам с его директором Виктором Москвиным. Что же касается современной русской литературы, то должен

признаться, что знаю ее мало и очень жалею об этом. Так сложилось, что я недостаточно владею своим временем, чтобы читать. Текущие дела заваливают. Вот уйду в отставку – начну заполнять этот пробел. Не так давно открыл для себя интересного автора – Андрея Ланского, чьи стихи заново ввели меня в мир поэзии. Он также автор интересных романов.

– В отставку с какой должности уходите?

– Много лет я служил во французских банках, одновременно был учредителем банковской группы в Африке BOA (Bank of Africa), до сих пор с ней связан, хотя все меньше и меньше. Завершив официальную служебную деятельность, переключился на дела Русского Красного Креста во Франции (С.О.), задумываюсь: как перенести в Россию наш опыт по организации работы старческих домов?

– Вот тут мог бы вам пригодиться графский титул: с его помощью легко решать все дела. На вашей исторической родине это всегда считалось нормальным.

– Мой титул – моя личная духовная опора, не меньше, но и не больше. Он помогает мне хранить память о предках, не позволяет уронить фамильную честь, поддерживает душевно. Никаких выгод я от него не ищу, считаю это недостойным.

– Мои собеседники по прежним интервью говорили, что их родители, дедушки-бабушки, оказавшись в эмиграции, «много лет сидели на чемоданах», ожидая, пока рухнет коммунистический режим и они смогут вернуться в Россию.

– Да, знакомые разговоры.

– Они этого момента не дождались, зато дождались их дети и внуки, которых Россия, сбросив власть коммунистов, ждала и готова была принять, но почему-то никто не спешил исполнить мечту предков. Возвращения не последовало. В чем, по-вашему, причина?

– Наверное, в том, что для большинства эмигрантов возвращение оказалось бы нелегким. Масса вопросов, с которыми русскому человеку, родившему и выросшему на Западе, смириться трудно и даже невозможно. Это, не в последнюю очередь, вопросы коррупции и взяточничества в России, которые со времен «Ябеды» не только не ушли в прошлое, но проникли глубоко во все поры жизни российского общества. А еще немаловажно, что желание вернуться упирается для человека в вопрос практический: что он станет делать по возвращении, где будет жить, в каких условиях...

– Иными словами, человек не уверен в завтрашнем дне. Или, напротив, уверен в том, что завтра все может повториться и плохо кончиться.

– Сошлюсь на свой пример. Лишь недавно я решился быть партнером и председателем группы компаний в России, а до этого медлил, отдавая себе отчет, что слишком мало знаком с особенностями русской жизни. Сразу соглашаться, чтобы меня там загрызли, не имело смысла. Выступая на проходившей в сентябре в Севастополе международной научно-просветительской конференции, посвященной 95-летию исхода на чужбину русской армии, флота и гражданских беженцев, я назвал события после Октября 1917 года в России «геноцидом, в ходе которого элита русского общества того времени была просто истреблена». Понимаю, что на русском дворянстве, русской аристократии лежит немалая доля вины в том, что произошло в российской истории, но не могу не думать и о том, как много умной, талантливой молодежи трудилось бы на благо России в промышленности и науке, в искусстве и культуре, в военном деле и финансовой сфере, если бы большевики не уничтожили миллионы людей! До сих пор наше Отечество расплачивается за это.

– Сейчас скажу страшную вещь: если бы не Октябрь 1917-го, то ни вас, ни меня, ни наших детей не было бы на свете.

– Согласен с вами. Но от того, что мы оба это понимаем, черное дело, свершенное большевиками в России, светлым не станет.

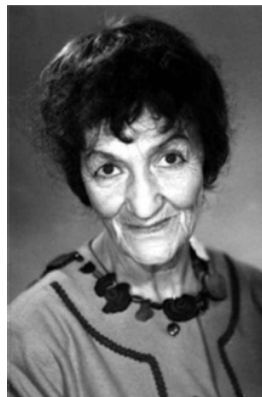
– Коль мы заговорили об обидах, нанесенных властью коммунистов, давайте вспомним о судьбе вашей близкой родственницы Марии Ростиславовны Капнист.

Мария Капнист. 1930-е годы.
Снимок из коллекции Анны Подмаскиной. Владивосток.

– Я звал ее тетя Мира. Потомственная дворянка, она родилась в Петербурге, где у ее родителей был шикарный особняк. В семье росли еще трое сыновей – Василий, Андрей и Григорий и старшая дочь Елизавета. Их отец, граф Ростислав Капнист, был расстрелян большевиками на территории своего имения в крымском Судаке, куда увез семью, опасаясь расправы; Елизавета, горя о смерти отца, скончалась от инфаркта; Василий утонул, Григорий погиб в одном из первых советских концлагерей, Андрей, сменивший «графскую» фамилию на Копнист, выжил, я его однажды встречал в Москве, потом потерял из виду; их матери, Анастасии Дмитриевне Байдак-Капнист, вместе с дочерью Марией помогли бежать крымские татары, переодев в свои национальные одежды. Обе остались в Советском Союзе, в 1931 году приехали в Ленинград. Мать, с ее знанием восьми иностранных языков, получила работу переводчицы; дочь, с детства проявлявшая актерский талант, поступила в театральную студию при драмтеатре имени Пушкина, а когда студия закрылась – стала студенткой Театрального института, но вскоре по причине дворянского происхождения была исключена. Мария уезжает в Киев, оттуда в Батуми, там ее арестовали местные чекисты, обвинили в «контрреволюции», отправили на восемь лет под Караганду, в исправительно-трудовой лагерь.

– Карлаг – это 1941 год, ее первый срок. Сидела в одном бараке с Анной Тимиревой, гражданской женой адмирала Колчака, потом до 1950 года катала вагонетки с рудой на шахтах Степлага, там в тюремной больнице родила дочь Раду от вольнонаемного инженера, поляка Яна Волконского, позднее расстрелянного. Второй срок получила за то, что избивала воспитательницу лагерного детсада, увидев, как та издевается над Радой. Срок отбывала в Красноярском крае. Я много о ней читал, нашел в Сети ее фотографии до и после лагеря: на первых – красивая, элегантная женщина, от последних – сердце болит...

Мария Капнист. 1970-е годы.

*Снимок из коллекции Анны Подма-
скиной. Владивосток.*

– На свободу Мария вышла в 1956-м. Она мне рассказывала, что у нее был любимый друг, он пришел на вокзал, чтобы ее встретить. Но когда она вышла из вагона и прошла перед ним – он ее не узнал. Подумать страшно, что должна была чувствовать женщина!..

Мария была человеком исключительной красоты и врожденного благородства. Думаю, она много от чего глубоко страдала, но всегда держалась достойно, не роняя фамильную честь Капнистов. Стала актрисой украинского кино, снималась во многих фильмах, среди них – «Бронзовая птица», «Дикая охота короля Стаха», «Олеся», «Руслан и Людмила», получила звание заслуженной артистки Украинской республики. Мы с ней впервые повидались в Москве, потом она приезжала ко мне во Францию. Жаль, нам не удалось почаще общаться, чтобы больше понять друг друга, но так складывалась жизнь. Иногда я звоню по телефону в Харьков ее дочери Радиславе.

– Много лет идут разговоры о России, встающей с колен. Но разве она на них стояла?

– О-о, вот вы какой затронули вопрос! Его можно обсуждать долго, под разными углами зрения. Думаю, что да, в 1990-х годах Россия была на коленях, это стало следствием более семидесяти лет советской власти и самого существования СССР.

– Трудно представить коленопреклоненной страну, чей ядерный потенциал признан одним из наиболее мощных в мире...

– ...но, заметьте, которая рухнула от легкого толчка! И слава Богу, что это произошло спокойно, без потрясений в виде, скажем, Гражданской войны. Уверен, что Россия выходит на свои самые высокие уровни. И хотя ей еще многого предстоит достичь, но уже сегодня она в моих глазах становится похожей на державу, которая нужна современному миру. И то, как она сейчас себя проявляет, – для меня большая радость и большая гордость. Узнаю прежнюю Россию, про которую слышал с детства и любовь к которой мне передали мои родители. Разумеется, я вижу, насколько ощутимо различие между жизнью крупных городов и провинции. Необходимо время, чтобы это различие стерлось. Как бы то ни было, сегодняшняя Россия начинает отвечать моему видению и видению моего поколения русских, находящихся за ее пределами. И хотя моя родина – Франция, здесь я родился, но мое Отечество – Россия,

она живет в моем сердце.

– Вольно или невольно, но сейчас вы почти слово в слово повторили мысль, которую наш с вами общий знакомый, князь Никита Лобанов-Ростовский выразил в предисловии к моей книге интервью: «Отечество – понятие сердечное».

– Замечательно, что мы оказались единодушны с человеком, мной глубоко уважаемым. Впрочем, наше единодушие проявляется не только в этом.

– Нам не уйти от темы нынешних отношений между Россией и Западом, заметно обострившихся в последние несколько месяцев на фоне событий в Крыму и Украине: дело дошло до введения экономических санкций. Франция к этому процессу подключилась. Вас, радеющего за Россию, еще не записали в представители пятой колонны, не называют лоббистом интересов Москвы?

– Много чего я на свой счет слышал, много чего про меня и моих единомышленников было написано, но нам это безразлично. Что касается санкций, то они оказались полезными. Скажу больше: по воскресеньям я ставлю свечки в церкви, чтобы санкции продолжились.

– Вот так поворот! Не ожидал. Особенно после ваших признаний в любви к России.

– Вы не первый, кого шокировали мои слова, но я глубоко убежден, что благодаря этим дурацким санкциям Россия встает на ноги, развивается самостоятельно, используя свои собственные производительные силы. На уже упомянутой конференции в Севастополе я сказал, что если бы американская олигархия, которая так влияет на политику правительства США, была умнее, то дождалась бы, пока Россия, живя спокойно на своем газе, на своей нефти, упадет, как зрелый фрукт, к ее ногам. Теперь же благодаря санкциям происходят заметные перемены в российской экономике, меняется отношение к деньгам. Легкие деньги от продажи нефти и газа – они как яд, который постепенно травит.

– Вы представляете во Франции российский Институт стратегических исследований. Признаюсь, впервые слышу про такой. Чем он занимается? Какая роль в его деятельности принадлежит вам?

– Институт разрабатывает стратегические темы для России, конкретно – для администрации президента. Изучает ситуацию и делает свои выводы. Порой в странах Запада, и во

Франции в частности, довольно резко реагируют на какие-то позиции России, и связь прерывается. Моя скромная роль – стараться поддерживать отношения на возможно более высоком уровне, способствовать тому, чтобы не потерялась связь между нашими странами в политической, деловой, церковной, общественной и военной сферах. И чтобы диалог, необходимый в любом случае, мог продлиться. Сегодня в политике Запада наблюдается большой недостаток авторитетов. И это, думаю, одна из причин ослабления западной демократии, которая постепенно тускнеет. А у меня такое чувство, что в России может сложиться какая-то модель авторитарной демократии.

– Возможно, вы хотели сказать – авторитарной?

– Ну хорошо, пусть будет авторитарной. Так вот, если с этим не считаться – система управления государством слабеет, падает. Мы свидетели такого падения и у себя во Франции, и в других западных странах. В какой-то степени это произошло и у вас в Америке, где слабым правительством страны рулят олигархи. Действуя в интересах своих компаний, они подталкивают правительство к созданию однополярной мировой системы, которую смогут полностью контролировать.

Сергей Капнист.

Фото: Андрей Маруденко. Париж.

– Прежде чем затронуть тему совершенной 13 ноября в Париже серии ужасных терактов, в ходе которых 129 человек погибли и более 400 были ранены, я обязан спросить – не оказался ли среди пострадавших кто-либо из ваших близких или знакомых?

– Нет, слава Господу, никто из них не пострадал. Но я

убежден, что странам Запада, и Франции в том числе, давно пора, не отступая от своих демократических принципов, научиться их защищать. А у нас демократию принимают как достижение, которое незначем поддерживать, потому, якобы, что у нее врагов нет. Но они есть! Мы 13 ноября получили тому доказательство. Проблема борьбы с терроризмом в исламской части мира настолько сложна, что для ее успешного решения необходим военный ответ. Этот ответ должен быть единым, в составе коалиции, лишь она способна искоренить терроризм. Тот факт, что страны Запада не смогли защитить христианские идеалы, существующие много веков, привел к теперешним событиям. Когда обсуждался проект Конституции Евросоюза, высказывались мнения о необходимости указать, что Европа сильна христианскими корнями, христианскими ценностями. Эти мнения не были услышаны, что, на мой взгляд было серьезнейшей ошибкой, потому что в итоге на месте Европы с идеалами появилась Европа чиновников. Еще одной ошибкой выглядит в моих глазах принятое 20 лет назад Шенгенское соглашение: оно слишком широко открыло границы двадцати шести стран, упростило паспортно-визовый контроль на границах, снизило уровень проверки, тем самым открывая путь потенциальным террористам.

– Замечено, что этот теракт прибавил число сторонников ультраправой партии «Национальный фронт» и ее лидера Марин Ле Пен. Партия требует, чтобы правительство Франции ограничило или вообще прекратило иммиграцию, в первую очередь из стран арабского Востока, откуда исходит главная угроза терроризма. Заговорили о необходимости внести изменения в Конституцию Франции, в той части, которая касается иммигрантов. Этого следовало ожидать?

– Да, сейчас идет об этом речь. Мы живем в Пятой республике, как принято именовать период с 1958 года, когда была принята ныне действующая Конституция Франции, и по настоящее время. Вероятно, следует задуматься о Шестой республике, которая бы жила по новой Конституции, поскольку старая связывает страну обязательствами перед ее бывшими колониями и сегодня выглядит несовременно. Лично я считаю разумным усиление тех глав Основного закона, которые касаются защиты наших границ от нелегальной эмиграции. После терактов 13 ноября президент Франсуа Олланд объявил о чрезвычайном положении в стране и попросил выделить из казны дополнительные средства на нужды армии и полиции,

чтоб они могли более эффективно защищать сограждан.

– Что ж, цель оправдывает средства, в данном случае – дополнительные. Но и международному терроризму подобное на руку: его цель – чтобы западные страны тратили бюджет на укрепление границ, на усиление армии и полиции в ущерб социальным нуждам, системам образования и здравоохранения. Есть у него и другая цель, помимо стрельбы и взрывов: посеять панику, держать нас в страхе и напряжении, в постоянном ожидании теракта.

– Да, это важная часть стратегии международного терроризма, мощный рычаг, с помощью которого он рассчитывает полностью дестабилизировать обстановку в странах Запада. Но этой своей цели он никогда не достигнет. Слушаю радио, смотрю новости по телевизору, читаю газеты – люди не поддались страху, они не отказались от привычного образа жизни, ходят в магазины... Я уверен, что в конечном итоге терроризм будет побежден, но мне абсолютно непонятно, почему Запад и Россия так долго не могут согласовать свои действия в борьбе с этим кошмаром. Мне кажется, что политики, которые не поняли вовремя необходимости таких действий, совершают грубую ошибку, плохо выполняют свои обязанности и поэтому недостойны занимать свой пост.

– Мои друзья, узнав, что я намерен еще раз побывать во Франции, советовали сделать это побыстрее, пока она еще остается Францией. Понимаю, что это горькая ирония, но, по вашему, основание для нее есть?

– Уверен, что Франция сможет остаться Францией. Хотя, если судить с точки зрения демографии, то иронии ваших друзей можно понять. Но я бы мог вам назвать множество французов марокканского, алжирского и, естественно, русского происхождения, которые полностью интегрированы во французское общество. Не следует распускать разлагающие идеи, будто Запад, и наша страна в том числе, исламизируется. Другое дело, что нужно изменить условия приема новых эмигрантов. Должен признать, что есть у нас города, в которых очень большой процент выходцев из Северной Африки, иногда их число даже превалирует над коренным населением, а молодежь посещает мечети, в которых муллы якобы от имени Корана проповедуют экстремистские идеи. И если, как было до сих пор, не обращать на это внимания, то, вероятно, можно

- задаться вопросом: что станет с Францией через 15–20 лет?
- То есть, мне все же следует поспешить с визитом в Париж?
 - Поскольку вопрос все-таки существует, думаю, что долго откладывать не стоит. И у нас с вами появится хороший повод для личной встречи...

Виктор КАДЫРОВ

КОНКУРС В СОФИИ

О Булате Минжилкиеве – знаменитом басы не только в Кыргызстане и в Советском Союзе, но и во всем мире, Юрий Борисович Кузнецов может рассказывать бесконечно. Голос Минжилкиева, богатый и расцвеченный обертонами, наполненный эмоциями, называли, по его словам, «золотом» и «бархатом» оперной сцены.

Юрию Борисовичу посчастливилось работать, выступать на сцене вместе с этим уникальным певцом. Сам он – профессор консерватории, заслуженный деятель культуры Кыргызской республики, безусловный авторитет в среде музыкантов-профессионалов, сопровождал многим нашим выдающимся мастерам вокала, но товарищеские связи, совместные выступления с Минжилкиевым чтит особо.

– Мы вместе с ним учились в Ташкентской консерватории, – начал рассказ Кузнецов, сидя в кресле у меня в кабинете. – Только я был уже на пятом курсе, а Булат – на третьем. В те годы мне приходилось сопровождать ему в студенческих постановках. Нас связывало еще и то, что мы оба были из Фрунзе. Земляки, значит. Еще тогда меня поразила глубокий, насыщенный голос Минжилкиева. Студенты, жившие с Булатом в общежитии, не жаловали его за то, что он постоянно пел – на кухне, в душевой, везде. Представьте себе мощный бас, который проникает сквозь любые стены по всему зданию, низким частотам ведь нет преград! Булата даже поколачивали, заставляя замолчать. Но где они теперь? А Минжилкиева, народного артиста СССР, знает весь мир!

Закончив консерваторию, я вернулся во Фрунзе и работал в музыкальном училище. В 1966 году в театре оперы и балета появился Булат Минжилкиев, с блеском сдавший выпускные экзамены в Ташкенте. Мы с ним встретились как старые товарищи.

Вспоминая историю, которую он решил мне поведать, Юрий Борисович ищет подходы, подступы к ней, чтобы она была неотрывна от общего течения жизни знаменитого певца. Поэтому вначале он ровным, бесстрастным голосом перечисляет и то, что многим давно известно.

– Через два года Булат уехал на стажировку в Милан в знаменитый театр «Ла Скала». Там он проучился три года и постиг тайны итальянской школы оперного пения «бельканто».

В 1973 году Минжилкиев решил принять участие в Международном конкурсе молодых оперных певцов в Софии, в Болгарии. Конкурс этот, скажу вам, был очень престижным. Сколько мировых звезд из него вышло! Владимир Атлантов, Евгений Нестеренко, Ламара Чкония и многие другие.

Готовиться к конкурсу мы начали еще осенью 1972 года. Как-то пришел ко мне Булат и предложил быть его концертмейстером на этом конкурсе. Я думал, забыл обо мне Булатик. А он говорит, мол, только со мной поедет на конкурс!

Постепенно в Кузнецове просыпается рассказчик. Это отражается не только в голосовых интонациях, но и в выражении его лица – то отстраненно мудром, то по-детски непосредственным, а то и дышащим азартом. Тогда он, высокий, худощавый, с длинными артистическими руками, вскакивает с кресла и начинает жестикулировать. Порой мне бывает жаль, что я, слушая его, использую только диктофон, а не кинокамеру.

– На конкурсе – три тура. Два тура исполняются под фортепиано. В программу были включены арии из классических русских и советских опер, одна ария болгарского композитора, романсы русских и зарубежных композиторов. А вот третий тур – опера – целиком исполняется на сцене с хором и другими солистами.

Булат заявил на конкурс оперу Дж. Верди «Дон Карлос», которую уже исполнял в «Ла Скала», и «Бориса Годунова», из своего фрунзенского репертуара. А какую из этих двух опер выберет жюри конкурса – неизвестно.

В ноябре поехали в Москву. Там выступили перед высокой комиссией. В ней были такие звезды, как Александр Фи-

липпович Ведерников, Елена Образцова и прочие выдающиеся люди.

Отыграв, я вышел в коридор, а Булат с ними остался. Вскоре до меня донесся раскатистый мощный бас Минжилкиева. Что он там говорил, было не разобрать, но голос звучал сердито, напористо. Характер у него был взрывной, чуть что не по нему – несдобровать! Я подумал, что, наверное, мы не поедем на конкурс.

Через некоторое время появился Булат, хлопнул дверью и направился ко мне.

– Ты представляешь, Юрка, они хотели вместо тебя своего концертмейстера подсунуть! Я им прямо сказал, что без тебя никуда не поеду!

Можно понять мои чувства. Ну, думаю, я вам покажу, как нужно концертмейстеровать! Пусть вам потом будет стыдно!

Вернулись во Фрунзе и еще с большим рвением стали заниматься. Мы прослушивали записи разных исполнителей и старались найти свою манеру исполнения. Работали увлеченно, самозабвенно.

И вот мы в Софии. В гостинице нас поселили в один номер, а в консерватории выделили класс для занятий.

Первый тур начинался через два дня. Выступление должно было быть в концертном зале «Болгария». Нам дали всего одну репетицию в концертном зале, причем ночью, в 23:30, а на следующий день в 16 часов должно быть само выступление.

На репетиции мы исполнили одно произведение. Зал пустой. Никого не спросишь: как прозвучало?

Тут Булат соскакивает со сцены, бежит в конец зала, где должно сидеть жюри и кричит мне:

– Играй, как ты только что играл!

Я заиграл, а он мне:

– Играй громче!

Я сильнее нажал на клавиши.

– Еще громче!

Я удивился:

– Как же можно так громко играть?! Ведь тебя не будет слышно! Давай, Булат, на сцену, теперь моя очередь слушать!

Из дальнего угла говорю ему:

– Спой пиано (то есть, тихо)!

Булат поет – все отлично слышно, каждое слово четко звучит.

– А теперь форте (то есть, громко)!

Когда Булат запел в полный голос, я испугался. Впечатление было такое, что сейчас рухнет потолок! Вот какая замечательная акустика была в зале «Болгария»! А рояль звучал глухо, потому что открывать крышку было нельзя, поэтому и требовалось играть громче.

На выступлении я аккомпанировал так, как требовал Булат, и это сыграло в нашу пользу.

За кулисами Булат подбежал ко мне, схватил за плечи и, обнимая, прогудел:

– Спас ты меня, Юрка!

Я в полном недоумении посмотрел на него.

– Ну, как же, помнишь, когда мне надо выходить наверх, – начал объяснять мне Булат, – я взял не то дыхание? Воздуху мало, ну, думаю, конец мне, не осилю подъем, дыхания не хватит, а ты убыстрил темп и я легко вышел на верхнюю ноту и продержал ее сколько надо!

Я вспомнил. Дело в том, что я вместе с каждым испол-

нителем пою про себя его партию. И в этот раз, ведя партию вместе с Минжилкиевым, я почувствовал всем своим прессом: что-то не так, не хватает дыхания «наверх»! Услышав, что Булат начал темп увеличивать, я его подхватил и поддержал.

– Ну, спасибо тебе! Если бы не ты, провалили бы первый тур! – искренне благодарил Булат.

Следом за кулисами появляется наш сопровождающий Смущенко Григорий Дмитриевич. Мы, участники конкурса, побаивались его. Думали, что он из КГБ. Тогда за границу без спецсопровождения никого не пускали. Позже я узнал, что он работник Министерства культуры СССР, бывший военный дирижер, то есть свой, музыкант. Он обнял меня, прижал и говорит:

– Юрка, как вы замечательно выступили! Такой ансамбль, такой звук. Другие выходят, что-то концертмейстеры под нос себе бубнят, а у тебя рояль, как оркестр, сочно, ярко звучал!

Вот что дала наша ночная репетиция в зале и хорошая акустика!

Вывесили результаты первого тура – мы были по баллам на первом месте! Ура!

По пути в гостиницу я завернул в магазин, купил бутылку сухого вина «Монастырская изба» – надо же было отметить первый успех.

Как я уже упоминал, мы с Минжилкиевым жили в одном номере. Там у нас всегда было чем перекусить: сыр, колбаска, булочки. Я сел за столик, поставил на него бутылку вина и говорю Булату:

– Давай выпьем за удачу!

Булат нахмурился:

– Нет, Юра, я не буду! Через пару дней – второй тур, мне морально подготовиться надо.

Я знал, что Булат равнодушен к спиртному, иногда даже на репетиции во Фрунзе под градусом приходил. Я подумал, что он, наверное, не хочет пить сухое вино и предложил:

– Давай я за водочкой схожу.

Булат сверкнул глазами:

– Сказал нет, и точка!

Тут раздался стук в дверь. Я убрал бутылку вина за кресло. Зашел Смущенко.

– Ну, ребята, молодцы! – закричал он с порога. – Так держать!

Потом огляделся и удивленно произнес:

– А вы чего, только чай пьете?! Ведь такая радость!

Я вытащил «Монастырскую избу» из-за кресла:

– А такой напиток подойдет? – спросил я, не будучи до конца уверенным в том, что Смушенко не из Комитета госбезопасности.

Тот радостно потер руки:

– Годится, разливай по стаканам. А почему только два стакана? Я специально зашел вас поздравить.

Булат категорически отказался от вина.

Проходим второй тур. Исполняем солидные произведения: арию из «Алеко» С. Рахманинова, романс П. Чайковского «Благословляю вас, леса...» и другие. Оба выложились от всей души. Результат: мы с Булатом были впереди всех – получили высший бал!

Организаторы конкурса вели запись из зала на всех этапах конкурса и тут же выпускали пластинки, которые разлетались, как горячие пирожки. И на пластинке номером один шел Булат Минжилкиев.

Теперь я уже ему был больше не нужен. Думал, наверное, завтра меня отправят домой. Жалко было – хотелось послушать, как Булат споет в третьем туре.

Стою я за кулисами, ко мне наш переводчик подошел:

– Вы не уезжайте, вас, как концертмейстера, жюри на премию выдвинуло!

Следом Смушенко подходит. Я ему объяснил, что жюри просит меня остаться. Он даже обрадовался:

– Замечательно, оставайтесь. Будете морально Минжилкиева поддерживать.

И хорошо, что я остался. Вечером Булат вернулся в гостиницу мрачный, как грозовая туча.

– Юрка, собирайся, пойдем репетировать. Жюри выбрали на третий тур «Бориса Годунова»!

Я-то знал, что он рассчитывал на «Дона Карлоса», там бы Булат свое знаменитое бельканто продемонстрировал, а «Бориса Годунова» даже не повторял.

Я схватился за голову:

– Это же Мусоргский, а не какой-нибудь романс! Его же с листа не сыграешь! Постоянная смена ритма, разные тональности, дизезы, бемоли, все меняется! Я же еще во Фрунзе тебя, Булатик, спрашивал: «Мне клавиры посмотреть, поучить?» Ты же мне сам сказал, что не надо!

– Пошли!!! – грозно приказал Булат.

Взяли в библиотеке «Бориса Годунова». Я наскоро просмотрел его. Начали репетировать.

Кое-как я сыграл первую сцену. Конечно, ошибался, с ритма сбивался. Булат только еще мрачнее становился. Перешли к сцене сумасшествия Бориса. Там темпы быстро меняются, и я еле поспевал за Булатом, жуть что получалось. В конце концов Булат вышел из себя, в ярости схватил стул и со всего размаху грохнул его об пол. Закричал:

– Ты же не можешь сыграть!

И Булат вылетел из зала, сильно хлопнув в сердцах дверью.

Я остался один. Что делать? Нужно как-то спасти Булата.

Пошел в библиотеку, прошу разрешить мне взять клавир с собой.

– Не положено, нельзя! – ответили мне девушки, хорошо говорившие по-русски.

Подошла заведующая библиотекой. Я к ней:

– Вы открываетесь в восемь часов, а я хочу прийти рано утром.

Она разрешила, но предупредила, чтобы я клавир во второй половине дня сдал.

Ровно в шесть утра я уже был в консерватории. В гостиной я оставил спящего Булата и записку на телефоне: «Жду тебя в нашем классе в 11 часов утра». Я знал, что ему часто звонили по телефону и Булат обязательно прочтет мою записку.

К одиннадцати я уже отлично знал весь клавир. Но Булата не было. Прошло полчаса, а его все нет. Я заволновался. Неужели он был так зол на меня, что проигнорировал мое приглашение?! Ведь завтра у Булата должна быть репетиция с дирижером, а он не готов!

Прошло еще пятнадцать минут, показавшиеся мне бесконечными. И тут распахнулась дверь, и в класс буквально влетел взъерошенный Булат.

– Юрка, прости! Проспал, поздно обнаружил твою записку! – в его голосе не было ни тени вчерашнего раздражения.

Я словно груз с сердца снял, потеплело внутри.

Мы начали репетицию. Отыграли первую сцену, Булат воспрянул духом. Отыграли вторую – глянул с восторгом:

– И это ты умеешь?!

Дошли до конца. Вижу, у Булата легче стало на душе. Он спрашивает:

– Ты почему вчера мне так не играл?

– Я сегодня только разучил, – отвечаю, – с шести утра я здесь.

Булат уставился на меня изумленно. Потом обнял, говорит:

– Так ты пять часов уже проработал?! Спасибо, Юрка!

Я и на репетицию Булата с дирижером пошел. И хорошо сделал. За роялем сидела концертмейстер в возрасте, она не попевала за Булатом. Я сделал несколько замечаний, и дирижер обернулся ко мне.

– Вы можете сыграть?

Я ответил утвердительно и сел за рояль. Он прослушал нас с Булатом и остался доволен, как и пожилая пианистка, освобожденная мной от работы.

Выступление Булата в третьем туре я слушал из зрительного зала. Булат пел великолепно.

И вот сцена сумасшествия Бориса. В мизансцене у царя видения, он мечется по палате и с криком «Чур, дитя! Не я твой лиходей!» тянет на себя скатерть с небольшого столика, на котором лежат книги и стоит подсвечник. На репетициях у нас в театре скатерть соскальзывала со столика и обезумевший от страха Борис Годунов пытался спрятаться под ней. Произнеся фразу: «Господи! Ты не хочешь смерти грешного царя Бориса!», он сворачивался клубком на полу.

Булат прекрасно вошел в образ. Его настроение передавалось всему зрительному залу.

– Он там – в углу! – восклицал в паническом страхе Борис, указывая простертой рукой куда-то в зал.

Весь зал напряжен. У Годунова искаженное от страха лицо, широко раскрыты глаза. С криком «Чур, дитя! Не я твой лиходей!» Булат потянул на себя скатерть, но она – ни с места! Булат вновь рванул ее на себя, столик закачался, но скатерть накрепко была прибита к столу! Ужас охватил певца, в ярости он схватил стоящий на столе подсвечник и с размаху швырнул за кулисы! Хорошо, что не в зал, но и за кулисами собрался тогда весь театральный люд и все заморожено смотрели на сцену.

Это был настоящий триумф! Зал аплодировал стоя!

Я побежал за кулисы. Дирижер растроганно обнимал Булата, а вокруг них крутился человек, видимо, ассистент

режиссёра, и возмущенно показывал испорченный реквизит – вдрызг разбитый подсвечник. Наконец дирижер заметил его и царственным жестом услал прочь: мол, твои проблемы, сам и разбирайся!

Вот и всё. Мне вручили первую премию как концертмейстеру. Но самое главное, золотая медаль Софийского конкурса молодых оперных певцов была безоговорочно присуждена Булату Минжилкиеву!

Кузнецов откидывается на спинку кресла, задумывается. Возможно, перед его мысленным взором встает еще тот Булат – молодой, жизнерадостный, покоряющий одну мировую сцену за другой.

– Это был не просто талант, – наконец, тихо произносил он. И добавляет сильно, с нажимом: – Талантище!..

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

Определены победители четвертого международного Евразийского литературного фестиваля – Лондон, 2015. Среди многих сотен его участников 2-ое место в разделе «Литературные работы» у писателя Александра Зеличенко за рассказ «Серпентарий». «ЛК» от всей души поздравляет нашего замечательного автора и предлагает читателям журнала его новые произведения. В том числе, конечно, и «Серпентарий».

СЕРПЕНТАРИЙ

Между автобиографией и биографией порой – «дистанция огромного размера». Не все и не всегда расскажешь о себе...

Автобиография Академика Арстанбека Алтымышева выглядит достаточно внушительно: лауреат Государственной премии, долгие годы член президиума комитета космонавтики СССР, автор исследований о мумие, создатель мощнейших адаптагенов, наконец – человек, который на десятках целебных трав настоял популярный бальзам «Арашан»...

Но то, что незадолго перед кончиной профессор-фармаколог поведал мне, он долгие годы не рассказывал никому. Не включал и в официальные автобиографии. И только теперь завесу секретности над этим фрагментом жизни ученого можно слегка приоткрыть...

Это было в семидесятые. Мир захлебывался в терроре. Баски, «красные бригады», Ирландская революционная армия, палестинцы... И вот, наряду с традиционными взрывами и стрельбой, для индивидуальных акций стали активно применяться яды. Укол зонтиком в толпе – и готово. Но смерть наступала не сразу, а через день-два, и следов яда в организме не оставалось. Отраву явно творили не дилетанты.

Однажды меня пригласили в Москву. И предложили дальнюю командировку – в Латинскую аж Америку. Там, в затерян-

ном в сельве городишке, бывший гитлеровский промышленный спонсор, из тех, что после войны сменил лицо, континент и хозяев, построил в джунглях гигантский серпентарий, где, по слухам, собрал гадов ползучих со всего света. И не только их – насекомых, ядовитых рыб, диковинные грибы, растения. И поставил производство ядов на промышленную основу. Если коротко – мне предложили заняться промышленным шпионажем. Во имя самых высоких целей, естественно. Сказать, что я, типичный представитель науки, был ошарашен, – мало. Однако нажали, убедили...

Активно занялся испанским. Язык давался легко, в основе – латынь, что зубрил в институте и, ни шагу без нее фармакологу, совершенствовал всю жизнь. Вскоре сносно говорил, и даже писать начал.

Отъезд откладывали трижды. Но вот наконец пригласили в союзную Академию наук, на конференцию, якобы. Там сообщили, что все готово. Легенда сделала из меня ... японца! Родившегося и живущего, правда, вдали от исторической родины. Внешность, благо, подходящая. Предполагалось, что в диковинной стране обойдусь испанским, которым к тому времени овладел достаточно. Но на всякий случай пол года интенсивно «грыз» и язык Страны Восходящего солнца. Также безуспешно.

Стартовал из Амстердама, на месте был через сутки. Состояние отвратительное: из Москвы выбирался при минус сорока почти, попал же в тропики на плюс 30. Да и страшно, в конце концов. Но встретили хорошо, приветливо, отвезли за шестьдесят миль и разместили в шикарном коттедже среди девственных лесов. Гулял, наблюдал. Поражало, как здесь, вдали от цивилизации, все было разумно и, главное, удобно устроено. Жизнь с полным комфортом, без всяких мирских проблем, наедине с любимым делом – о чем еще мечтать ученому?

Дали лабораторию, персонал. Включился в работу. Свободно бродил по всему серпентарию. Здесь были все монстры, что под силу живой природе! Впервые увидел и кораллового асида, и зеленую мамбу, и египетскую кобру, и «черную вдову». Не только увидел, но и работал со всей этой претретьшей нечистью.

Рядом жила женщина в возрасте. Ухоженная, со вкусом одетая, красиво подстриженная и сохранившая фигуру, она в свои годы выглядела привлекательно. Возраст выдавали раз-

ве что морщины, искусно прикрытые шейным платком. Иногда мы перекидывались парой слов, не больше. Звали ее Хелен.

В уикенд я частенько направлялся в соседний городок, встречался со связными. Отчитывался, получал деньги – контракт обязывал «японца» жить за свой счет. Руководители скупались, пре долго объяснялся даже за пятнадцать «пивных» долларов. Но в целом все шло по плану. С одним осевшим здесь поляком в короткий срок мы даже новое лекарство желчегонное придумали. Так и не знаю, пошло ли оно на поток? Шел третий месяц стажировки.

... Военный переворот застал прямо в лаборатории. Такого не предвиделось – недавно «со свидания», и никаких инструкций. Из-за рассеянности ученой серьезного значения известию не придал, продолжал исследования. В стране, меж тем, хозяйничала хунта. Пришедшая к власти, как позже выяснилось, не без финансов хозяина моего серпентария.

Прошло несколько дней. Я в одиночку колдовал над ретортой, как скрипнула дверь. Не профессионал в играх рыцарей ножа и кинжала, невольно вздрогнул, услышав русскую речь Хелен: «Не удивляйтесь. Отец мой, «щирый украинец», еще в 20-х сбежал в Америку. Слушайте совет: бегите отсюда как можно скорее. Есть негласная установка – кто в этой нищей стране выдаст властям коммуниста, получит цветной телевизор. Двоих – машину. На большевике же из самой России разбогатеть можно сказочно! Я ухожу. Но кое-что вам оставляю...»

На столе лежала копия телеграммы с деталями, кто я и откуда. Предлагалось понаблюдать «до принятия окончательного решения». Не заходя в коттедж, рванул я на стоянку такси...

В советском консульстве поначалу выпучили глаза – кто, какой еще серпентарий?! Потом, сообразив, что уж слишком ярко для японца «выражаюсь», вызвали кого следует. Те организовали билет на Кубу. С посадкой в Лиме. Там в салон вошли полицейские, искали «русского профессора». На меня, «потомственного самурая», внимания не обратили.

В Гаване машина ждала прямо у трапа...

ХИРУРГ

Расскажу о товарище, чья жизнь, по меньшей мере, «не скучна». Судите сами...

Отец героя, полковник медицинской службы, в ранних 1970-х прошел все «горячие точки» – Мозамбик, Анголу... Врачевал СССРовских военных советников, в основном – боевых летчиков, вояк-аборигенов. Богатства, как многие коллеги-контрабандисты, нажившие состояния на первых видеомагнитофонах и порно-кассетах, не нашёл. Свидетельство тому – заштатная двухкомнатная «хрущёба» в Бишкеке.

И детей воспитал под стать. Сын, рослый красавец-азиат, будучи выпускником мединститута, приглянулся сановной профессорше, жене великого медицинского светила. Решила женить парня на своей дочери. Мезальянс гарантировал место в аспирантуре, блестящую карьеру – отказался, счёл для себя неудобным.

Работал в периферийном Таласе, где в самом начале 1980-х мы и познакомились. С жильём в ту пору было туго – жил у меня, расплачиваясь нехитрой мужской кулинарией. Готовил из всего, что было под рукой. Однажды угостил ... сладкой кашей с подозрительным фиолетовым оттенком – в холодильнике холодильнике нашлись лишь пакет риса, бутылка знаменитого тогда вина «Фиолетовый мускат» и баночка меда...

Писал начальству, просился в горячие точки. Что-то в бюрократическом механизме не срабатывало – не брали. Перебрался в Ивановку, поближе к родителям, стал настоящим сельским интеллигентом. Дотошно изучил скальпель, делал сложнейшие операции, на какие отваживалась не каждая столичная клиника.

Вдруг изменил свою жизнь. Кардинально. Отбыл на Камчатку, врачом на траулер. Превратился в морского волка, избородил пол света. «Дока» любили и, хотя ни спиртом разжитья, ни больничный выпросить у того нельзя было ни под каким видом, любые венерические штучки, подцепленные в самых экзотических портах, лечил в три приёма. Однажды встретились с другом на Иссык-Куле. «Ну, где плавал, что видел?» «Плавают говно в проруби, моряки ходят...»

... Штормило, когда сорвавшийся трос отсек рыбаку ногу. Наложив жгут и дав обезболивающее, хирург, как требовала Инструкция, связался с базой и запросил вертолет. Отказали – сильный ветер, машина не сядет. Чтоб спасти жизнь, опе-

рировал в маленьком медпункте, ассистировал старпом. Когда море улеглось, доставил раненого в Иокогаму. Осмотрев больного, японские коллеги, не смотря на природную сдержанность, дружно и громко поздравляли профессионала...

Освоив английский, в портовом кабачке познакомился с женщиной лет шестидесяти, стал переписываться. История повторилась – у той оказалась незамужняя дочь. Добившись виз, что было тогда ох как не просто, наш доктор в свой первый моряцкий отпуск отправился в Новую Зеландию...

В машине из аэропорта на ферму, где предстояло знакомство и предполагалось прожить ближайшие пол года, гость передал встретившей его хозяйке всю свою наличность: «А как же, я ж жить у неё буду, неудобно...»

Дочь оказалась приемной, слегка подслеповатой китайкой. Да ладно бы только это! На третий день гостю объявили, что вода здесь очень дорогая, и душ они принимают лишь раз в неделю, никак не дважды в день. И это – в сорокаградусную жару! С присущей деликатностью стерпел, но за ужином, едва не ударив того по руке, «жениху» заявили, что он съел уже три куска хлеба... «Нахлебник» встал, извинился, прошел в свою комнату, взял вещи, паспорт и – в окно...

Полгода бичевал. Батрачил на фермах, пас скот, красил заборы. Ни разу не пожалел! Собрал на обратный билет, вернулся домой...

... Зарплата врача – 13 баксов, ни кола, ни двора... Сошелся с непростой судьбы женщиной, зажили вместе. В подвале многоэтажки выращивали вешенки. Бывает ж такое, грибные споры попали в горло и начали прорастать! Избавившись от напасти, пробовал частную практику, таксовал, возил в сауны проституток...

Подруга, безработный инженер-нефтяник, нашла объявление, что люди ее специальности требуются ... в Уругвае, на газоконденсатном гиганте. Задавшись целью, через год уехала-таки в Латинскую Америку. Хирург пытался запить, но лишь посадил желудок. А вскоре пропал. Напрочь.

Прошло несколько лет. Я был по делам в Лондоне, консьерж передал записку: «Зайду вечером. Хирург». Неужели! Попав по студенческой визе учить язык, пятидесятилетний нелегал всеми силами пытался натурализоваться. Жил в эмигрантской общаге и, по своему ж меткому выражению, «подтирал задницы» одиноким старикам. Как водится, я пожелал удачи...

Через два года, во время очередной командировки на берега Темзы, мы, теперь уж предварительно списавшись, встретились вновь. Друг выглядел увереннее, в глазах – молодой задор. Пригласил в дорогой паб: «Получил рабочую визу, лечить начал. Пока, правда, лишь «русских». Но уже и на «Скорой» поддежуриваю. Пробьюсь, другого шанса не будет!»

... Рассказик этот направил в Лондон по электронке. Ответ, что ждал неделю, обнадежил: «Извини за задержку, отдыхал в Шотландии, на знаменитом Лох-Нессе...»

Жизнь-то налаживается!

Сарди Лоянов: «Батяня комбат»

В юности мы дружили. Лазили по горам, любили спорт. Вместе штурмовали девчонок, участвовали в краевых драках. По традиции тех лет всех звали русскими именами, и дунганин Сарди превратился в Серегу.

Потом жизнь развела. «Диня», – как ласково звала его мама, – стал курсантом Рязанского высшего училища Воздушно-десантных войск. И, без преувеличения, прожил жизнь, достойную «синего берета».

На днях мы, выпускники-1974 фрунзенской средней школы № 14, собрались опять же благодаря Сарди, приехавшему из Пскова и разыскивавшему шестерых из 10 «Б». И тут сложилась мозаика: уже известные отрывочные эпизоды из бытия школьного друга, дополненные им самим, вылились в захватывающую приключенческую историю...

«Если помнишь, для покойного ныне отца, чьё детство и юность прошли в Поднебесной, китайский был вторым родным языком. И меня научил, что здорово помогло при постанплении. Представляешь, 18 человек на место, из них половина – служивые, за плечами – по несколько десятков прыжков с парашютом. А еще медалисты, мастера спорта, члены юношеской сборной команды страны, и все имеют преимущество при поступлении.

Я ж, твёрдый троечник, других аргументов, кроме огромного желания стать курсантом, стоившего мне переломанной ноги одного-единственного прыжка во фрунзенском авиаклубе и первого разряда по баскетболу, ничего другого за плечами не имел. Ну разве что старшего брата-третьекурсника.

Короче, пролетел я, баллов не хватило. Сижу, пакуюсь в обратную дорогу. На душе – сам понимаешь... Тут еще Алька, старшой, мозги сушит... Вдруг – пропал он. Появился, сияет: «Диня, там авторитетные люди тебя выслушать согласились. Теперь все в твоих руках...»

Оказалось, активный комсомолец, брат попросил помощи у секретаря партийного комитета училища. Тот походатайствовал перед приемной комиссией. Короче, вхожу в зал, меня спрашивают: «Слышали, с китайским дружишь? Вот, газету переведешь. Да смотри, у нас тут тоже грамотные имеются, проверим. Садись, готовься». «Уже готов». Ловлю удивленные взгляды...

Читал прямо с листа. Действительно перепроверили, другой, посложнее, материал подсунули. Справился, принял меня. Курс молодого бойца, лагеря – эйфория прошла быстро. Однажды на полигоне, где собрали всех выпускников, не выполнивших за годы обучения нормативов по прыжкам с парашютом, наблюдал такую картину.

Есть постулат: приземлился – сразу отстегни купол. Первым тогда сел комвзвода. Карабина не отстегнул, картинно вынул сигареты, прикурил. Остальные, человек двадцать, только приближались к земле, как налетел смерч: на Рязанщине такое случается – вдруг, ниоткуда, буквально на несколько минут...

Лейтенантский парашют вдруг надулся, и офицера с бешеной скоростью поволокло по земле, да так, что зам по тылу километра через два с половиной едва догнал на УАЗике. Буквально на наших глазах герой превратился в мешок с переломанными костями! Разметало и остальных. В результате мы, новобранцы, увидели первый в жизни «груз 200». Человек пятнадцать тогда собрали чемоданы и уехали восвояси. Я остался.

Учиться было интересно. Специализировался, естественно, в китайском, овладевал тактикой, налегал на стрельбу, рукопашный бой. Совершил больше сотни прыжков, в том числе ночью, прямо в БМД – боевой машине десанта.

Досуг тоже был боевым. Однажды на танцах в городском парке не поделили девчонок со слушателями Высшей школы МВД. Беспорядки вышли нешуточные! Дрались те искусно, как сейчас говорят, грамотно. Не опозорив ВДВ, в упорной борьбе всё же победили «береты», накостыляв заодно и военному патрулю.

Многих отправили на губу, отчисленных же с обеих сторон не было: спас авторитет Главкомандующего воздушно-десантными войсками Маргелова, что лично курировал училище и был у нас частым гостем. Преподнеся наглядный урок благородства, генерал армии ходатайствовал и за мвдшников...

По выпуску попал в Главное управление Генерального штаба Минобороны. Подробностей не жди, время не подошло. Был на оперативной работе, побывал во многих зарубежных «чайнатаунах». Тайники ставил, разведданные собирал, слежку вёл. Отличился, получил правительственную награду.

Вернувшись, пошел в спецназ ВДВ. И сразу – на вторую чеченскую, комбатом. Однажды веду колонну, вдруг – шквальный огонь, едва за броней укрылись. Наблюдатель докладывает: «Товарищ майор, засек огневую точку, стволов двадцать, есть пулемёты крупнокалиберные, можем накрыть!» Мои уже и орудия развернули...

«Нет, свои это, утром чую. Не стрелять!» Рассредоточились, замаскировались, я сам с бойцами в разведку пошел. В укрепрайоне – внутренние войска, пьянящие все! «Что ж ты, гад, делаешь!?!», – трясу тамошнего майора, – ты ж нас всех положить мог!» «А нам сказали – «чехи» идут...» «Где ж ты видел, чтоб они на броне прорывались?!» Поддали мы им крепко, чтоб помнили. Но большую кровь предотвратили...

Раз, благодаря нюху нелегала, почуял засаду. И не засаду даже, а искусно замаскированную мину. Не из самоделок, болтами начиненных, а изготовленную по самым современным технологиям. Разорвавшись, такое «чудо» несет до четырёх тысяч осколков! Причем низко, поражает ноги, пах... Из строя выходит сразу много бойцов, каждого раненного выносит пара здоровых. Спас целую роту!

Провоевал год. Вел колону и, сидя на башне, в бинокль искал позиции противника. Боевая машина десанта напоролась-таки на мину, на сей раз противотанковую. Рвануло так, что меня вместе с башней отбросило на семь метров, ноги переломало. Погиб экипаж, солдаты мои – все! С поля боя, без сознания, под снайперским огнём вынесли бойцы: десант своих не бросает... С тех пор день рожденья отмечаю дважды: 31 января, когда мама родила, и 14 февраля, когда чудом остался жив...

Меня еще и контузило, да так, что когда уж срослись конечности, провел в госпиталях целых полтора года. Но и потом в голове постоянно шумело, чуть понервничаю – боли ад-

ские. Спас питерский врач-экстрасенс, провозившийся много месяцев. Он, кстати, казах, практикует и преподает в Санкт-Петербурге, мы крепко сдружились.

Дали подполковника, высокий орден, списали в запас. Оклемался, открыл частное охранный предприятие. Но перешел дорогу братве, не захотел плясать под их дудку. С ними бы справился, но те подключили госорганы, проверками замучили. Плюнул на все, в Москву, к бывшему коллеге-нелегалу, подался.

Тот крупным предприятием владел, предложил пожизненную ренту. Гордый, не согласился. «Что ж делать хочешь?» – спросил друг. «Да всё, что нужно, лишь бы не киллером...» Тот подумал, и предложил заняться ... промышленным альпинизмом.

В пятьдесят-то лет?! Да хрен с ним, дай попробую. С командой взбирался на высоченную трубу, замазывал трещины, ремонтировал. Через четыре месяца сдали объект, неплохо заработали. Но больше на высоту я не полез.

Про личную жизнь не спрашивай, все равно правды не расскажу. Сейчас путешествую вот по России, встречаюсь с однополчанами. Недавно был на тридцатилетии выпуска. Ребята многие еще служат, четверо военными атташе стали. Из моей же, «китайской», группы, все уж в тираж вышли. И надо же, все это время мы с ними где-то рядом были, но ни разу не пересеклись...

Каждый год в Кыргызстане бываю, сейчас вот на юбилей сестры приехал, она до сих пор в отцовском доме живет. Здесь у меня и самый старший брат, племянники многочисленные. Алька ж после развала Союза оказался в Казахстане. Служил, занимал высокую должность в Генштабе. На пенсию ушел в полковничьем звании – опередил меня таки...»

На просьбу похвастать наградами, Серега достал нагрудный знак «90 лет ГРУ». И сказал, что считает его главной. Другие, якобы, несущественны.

Наверно, пижонился...

Т Ё Ш А

Как и в любой семье, – и это как раз тот случай, когда случившиеся у других исключения только подчеркивают общее правило, – моим отношениям с тещей далеко до безоблачных. Но уважением она окружена безоговорочным...

Главный раввин города Ковно, Реб Каган хоть и держал всех своих девятерых детей в строгости, но образование всем дал хорошее. Тайбл (мама тещи, на русский манер Таня – прим. автора) – третья дочь в семье – еще до революции окончила классическую гимназию и женское педагогическое училище.

Особо набожной не была. Наоборот, рано приобщилась к революционному движению, многого в нем достигла. И стала женой красного комиссара.

В конце 1920-х Реб Каган поднял семью и двинулся в Палестину. Родных Тайбл с тех пор не видела долгие 50 лет, с родителями ж свидеться не довелось НИКОГДА ...

С гражданской муж вернулся с тифом, выхаживая его, заразилась и Таня. Едва оправившись после тяжелейшей болезни, сразу вышли на работу: он, до революции получивший в солидном германском университете диплом экономиста, был назначен заведовать финансами всей Украины, она – инспектор наробраза.

В первую же первомайскую демонстрацию, еще слабые после тифа, шли пешком в казенную квартиру на другом конце города. «Знаешь, а я ведь счастливый человек... Деньги всей партии контролирую, а полтинника на «ванька» (так тогда называли извозчиков) не наскребу...» – утешал «финансист» едва передвигавшую ноги половинку...

Мотаясь за мужем, Тайбл родила трех детей, работала с женой Ленина, самой Надеждой Константиновной Крупской.

6-й курс Мединститута,
Ярославль 1956 г.

В 1937 году Ефим Голуб разделил судьбу многих. Был арестован, обвинен по делу Бухаринской группы в правом уклоне и уже через десять дней расстрелян. Захоронение безымянно.

Тёще, а память у нее, надо сказать, отменная, благодаря чему и повествование это возможным стало, тогда еще и четырех лет не исполнилось. Отца-то перед арестом специально в командировку отправили, а вот как мать забирали и обыск на квартире она помнит, будто это случилось вчера...

Старший брат, Иосиф, уже институт заканчивал. Средний, Гриша, старшеклассник. Старшего брата не тронули (все-таки чемпион Донбасса по боксу), но как ни умолял он младших под его опеку отдать, не разрешили. Разбросали по детским домам.

Тёщу мою, кстати, Аисой-Элеонорой назвали, чтоб смерть, как придет, среди двух имен запуталась... Тогда за одно такое прозвище буржуйское поплатиться можно было. К ней же, врага народа дочери, относились на удивление хорошо. Подкармливали, жалели. Иногда братья её навещали...

...В 1941 оба ушли на фронт.

У старшего, горного инженера, броня была – нет, он военкомат буквально штурмом взял. Погиб в Молдове, там в могиле братской лежит.

И младший хлебнул войны доста: из окружения вырывался, в дисбате до «первой крови» сражался, в Сталинграде, на что ни на есть передовой, «окопным» взводом командовал.

Победу старшим лейтенантом встретил, поступил в военно-педагогический институт и военно-дипломатическую Академию. Долго потом в разведке служил. Умер в 2014, на 91-м году. На пару лет пережив дочь, погибшую в автоаварии известную российскую актрису Марину Голуб, кузину моей жены...

Но – к теще...

Детдом близ Смоленска располагался. Немец туда быстро домаршировал, детей вывозили буквально последним поездом. Вокзал горел, бомбежки не прекращались. Гул «Мессершмидтов», на бреющем эшелон расстреливающих, много лет потом все в ушах стоял...

Однажды, когда вагоны с детьми – немцы это ясно видели – сразу два самолета утюжило, поезд остановили, их в заиленный пруд попрятали... Нырять с головой заставили, и пока

до двадцати не сосчитают, строго-настрога не выныривать...
Восьмилетняя Ая чуть было не захлебнулась...

На затхлую воду, тину, водоросли и сырую рыбу у тётчи с тех пор – аллергия сильнейшая. До судорог и колик, остановки дыхания.

Я ж честно не знал, и когда только жить начали, добытчик, как-то две здоровенных свежих рыбины домой принес. Как назло, именно она дверь мне открыла, и – бубух в обморок... Её дочь, жена моя то есть, чуть не ушла от меня тогда, с толстолобиком тем злополучным оставив...

... Эвакуировавшись, на Тамбовщине, в имении Чичерина разместились. Среди преподавателей и воспитателей преобладали певцы оперные, из театров украинских вывезенные. Они с детдомовцами спектакли ставили, книги им пересказывали. Отсюда – любовь к настоящей музыке, культуре. Всё это не на попсы уровне, но весьма и весьма профессионально. А еще – живопись, литература. Тётца и своей дочери это передавала: в блестящих музеях, а повидали мы их немало, та готова бродить сутками. И всё – со знанием дела...

Голодали.

Первый директор по деревням, обкомам-райкомам ходил, провиант выбивал-выпрашивал. Но, как только в партийных ведомствах узнавали, что детдом специализированный, для детей репрессированных, – ничего не давали или просто выгоняли. В конце концов, – вспоминает тётца, – у директора от отчаяния случился инфаркт, он умом тронулся, попрошайничать начал, и вскоре умер.

Спасались тем, что во дворе картофель, репу и тыкву сажали. Мальчишки рыбачили.

Девочку к тому времени двоюродный брат, много старше её, разыскал. Он институтом научно-исследовательским, что лекарства новые и витамины для госпиталей создавал, руководил. За работу свою Орденом Ленина награжден был. Так вот, в порядке помощи шефской в списке получателей продукции той бесценной и тещин детдом значился. Раз в месяц туда с Алтая, где НИИ располагался, посылка витаминная приходила. Делили по справедливости, всем нуждающимся. Многим, ох, многим А В С тогда жизнь спасли...

...В День Победы же, незнамо откуда, дети завтракали... крохотными тарталетками, увенчанными капелькой настоящего масла сливочного и пятью икринками черными... Малышке досталось две.

Счастье!

... Жены ж моей бабушка, тёщина мама, в лагере для жен врагов народа мотала срок. В Якутии, на станции Яя, у самого полюса холода. Восемь долгих лет... И все эти годы дочь искала, письма в инстанции слала. И каждое, – иначе их не рассматривали, – начиналось фразой «Я, враг народа Татьяна Каган-Голуб, жена врага народа Ефима Голуб...».

Списали Тайбл уже после войны, обнаружив чахотку. Практически умирать. Вопреки всему, выжила. И кровинку свою нашла. В тамбовскую глушь приехала, нянькой в детдом, лишь бы рядом, устроилась. Потом, разрешение выхлопотав, забрала дочь.

Прощай, Тамбов...

Приехали в Белоруссию. Голод, полстраны сожжено. Снимали угол в большой семье, с ними и стол делили. Тайбл умудрялась из топора борщ варить, тремя бульбами, капустой квашеной и брюквой детей мал-мала кормить... Грибы собирали, ягоды.

Выживали...

В местечке том белорусском Аиса-Элеонора на отлично школу закончила. Выучиться на доктора мечтала, да нельзя было матери в больших городах жить. Мир не без добрых людей, в очередной раз повезло теще: Тайбл с молодой женой начальника паспортного стола сдружилась, рукодельничать, кулинарить ту научила. В благодарность начальник милиции посоветовал ... потерять паспорт. В новом же вместо страшной, перечеркивающей будущее дочери 58 «политической» статьи добрый человек записал незначительную уголовную. Ведь как рисковал, но помог!

И все ж в Москву не решились, выбрали Ярославль, там мединститут был. Училась на отлично, пережила космополитичекие чистки... Помнит, как раздувая «дело врачей», в институт приезжало московское начальство, требовавшее немедленного изгнания профессоров-евреев. И как русские люди, фронтовики, отлуп им давали...

Меж тем, когда умер Сталин, и тёща хорошо этот момент помнит, мама рыдала в голос... «Что ж теперь будет-то!?» всё повторяла...

Политическую кампанию против стилияг, проходившую под лозунгами «От саксофона до ножа один шаг» и «Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь» комсомолка Аиса

Голуб встретила в штыки. И хоть ни твист, ни «враждебные» буги-вуги не выплясывала, мероприятий «стиляжских», особенно литературно-художественных, не чуралась.

Слава Богу, тогда уже оттепель наступила...

Работала участковым врачом. Сама больная, в эпидемию гриппа – за троих. Долгие годы ухаживала и фактически содержала лежащую больную свекровь – муж делал науку, учился в аспирантуре в Сочи. Тиранию ее терпела. Дочь родила. Наряду с братом, та на всю жизнь ей самым близким человеком стала...

...В семейном архиве хранится фото – вихрастая девчушка на руках первой женщины космонавта Валентины Терешковой. Она, ярославская, приехала как-то на малую родину. Обком решил знатную гостью по детсадам провезти. Деткам цветы раздали, – вручите, мол, космонавту. Все так и сделали, а одна вдруг как разревется! Ну Валентина Владимировна ребенка на руки и взяла, в миг успокоила... Догадались, кто та девочка была? Да, супруга моя будущая, Ирина...

В 1969-м семья Быховских перебралась во Фрунзе.

Официальная версия переезда – научные интересы моего тестя будущего, доктора Виктора Моисеевича Быховского, вскоре ставшего известнейшим в республике специалистом по

кардиологии среднегорья. Много лет он людей здесь лечил, плодотворно Иссык-Куль на предмет превращения в здравницу всесоюзную обследовал. Умер в 1992-м, на шестьдесят четвертом году... Сердце – не пережил ученый-патриот развала Союза и всего бардака, что за этим последовал...

Я ж верю, что перевод из Ярославля в наш благословенный горный край случился по воле свыше. Чтоб я свою половинку здесь встретил...

Таким зятем Небеса теще моей многое компенсировали...

Аиса Быховская во Фрунзе-Бишкеке много лет врачом и заведующей отделением в городских больницах работала, сотни жизней спасла. В медицинском институте преподавала.

Однажды в составе комиссии условия труда на одном из горно-рудных комбинатов на юге Киргизии исследовала. И обнаружила, что из-за пресловутого лозунга «План любой ценой» работники здесь профессиональными заболеваниями болели гораздо чаще, чем на других подобных предприятиях. Тогда с властями воевать себе дорожке было. Не испугалась, до суда дошла. Производственный процесс, хоть это влетело в копеечку, тогда поменяли в корне...

Меж тем, состарившись, тещина мама вдруг с семьей воссоединиться возжелала, в Израиль засобиралась. 40 лет тому назад, в середине 1970-х, отъезжантов к предателям причисляли. Сын ее в Москве работу престижную потерял – прошедшую «Крым и Рим» Тайбл это не остановило.

В Святой Земле она при поддержке родни многочисленной благотворительный фонд открыла, бедным невестам на приданное и свадьбу собирала. По законам Торы это одно из главнейших богоугодных дел.

Умерла Тайбл Каган-Голуб в 96 лет почти. И похоронена не где-нибудь, а на кладбище, что на библейской Масличной Горе, в самом центре Иерусалима расположено.

Семье Каганов, что в Израиле первыми кибуцниками, военными, музыкантами, композиторами, учеными, крупными религиозными деятелями знаменита, там кусок земли принадлежит, где их всех в срок и хоронят.

Чтоб и к Творцу поближе, и рядышком ...

КУЛЬТУРА

Абдылдажан
АКМАТАЛИЕВ

ПОВЕСТЬ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА, НЕ УВИДЕВШАЯ СВЕТ

Вновь и вновь вспоминается тот момент, когда Чингиз Айтматов, закончив писать роман «Когда падают горы», прислал мне рукопись из Бельгии, пожелав узнать мое мнение. Да, для меня было огромной, особой честью быть первым читателем этого романа. И сегодня, 7 июля 2013 года, в доме писателя, через 5 лет после его смерти, мне вновь выпала судьба первому прочитать его еще нигде и никогда не публиковавшуюся повесть «Свирель и земля».

Айтматова нет, а я, рассказав о своих впечатлениях от прочитанного жене писателя Марии Урматовне, нахожусь в раздумьях и не могу понять, почему повесть так и не попала к читателям. Машинописный текст составлял 146 страниц, кроме того, имелось 78 страниц рукописного текста.

Почти у каждого писателя найдутся рукописи только начатых либо написанных наполовину произведений, приостановленных вследствие различных на то причин, возможно из-за того, что менялись планы задуманного или мысль находила другое, новое русло, или из-за того, что попросту переставало нравиться написанное.

С Айтматовым с 1980-х годов меня связывали тесные творческие и дружеские связи, и даже хотя я не знал обо всех подробностях и мелочах его жизни, я всегда был в курсе его деятельности, касалось ли это работы над новым произведением или над статьей, заказанной каким-либо журналом или

газетой. Иногда, когда он находился в процессе работы над книгой или статьей, он обращался ко мне с просьбой уточнить какие-либо необходимые ему сведения или найти старые номера журналов и газет. В этих случаях я от всей души и с большой готовностью старался выполнить его просьбы. К примеру, когда агай готовился описать в своей повести смерть Чингизхана, я отобрал для него в библиотеке Академии наук множество книг об истории монголов и монгольских нашествиях. А однажды он попросил меня найти кого-нибудь из опытных охотников, знающих жизнь и повадки илбирсов – снежных барсов. Эти познания были нужны ему для романа «Когда падают горы».

Я много раз был свидетелем того, как он начинал работать над рукописями своих произведений. Например, его «Богоматерь в снегах», «Бахиана», «Цена бога», «Китина и Китон, или досье о влюбленных», «Смерть у стены Плача» только начаты, написано по 30–40 страниц и остановлено; и по тому, что автор несколько раз пытается переделать начатое, видно, что он не удовлетворен написанным. Конечно, названные вещи вполне можно рассматривать как эскизы к крупным произведениям. Некоторые из них в измененном виде вошли в художественную структуру романов «Плаха» и «Тавро Кассандры». Еще отмечу один факт. Несколько лет тому назад писатель вручил мне рукопись приблизительно в десять страниц и попросил меня изучить и поделиться своим мнением о прочитанном. Я был одновременно и удивлен, и взволнован этой просьбой и, взяв рукопись, поспешил домой. Дома с большим вниманием прочитал рукопись. Мне и во сне не могла прийти даже мысль о том, что Чингиз Айтматов напишет фельетон. Он назывался «Цветы, раскрывшиеся не на воде, а на отраве». Не знаю, но, откровенно говоря, то, что писатель обратился в своем творчестве к жанру фельетона, мне не понравилось. На следующий день я выказал свое отношение к данному факту, на что писатель ответил тем, что попросил пока оставить рукопись у себя. С тех пор эта рукопись хранится у меня. Если кратко говорить о содержании фельетона, то здесь речь идет о том, какое негативное действие оказывает на общество «желтая пресса».

Другим произведением, не дошедшим до читателя, оказалась повесть «Свирель и земля». К счастью, она не была утрачена, не пропала. А ведь со времени ее написания прошло около сорока лет. Загадкой остается то, почему писатель,

говоря о своем творчестве, нигде и никогда не упоминал о ней. Может быть, то, что рукопись была недавно обнаружена не в его собственном доме, а в доме его сына Аскара Айтматова и, собственно, судьба семьи оказали влияние на ее забвение?! А может быть, то, что одним из образов в повести является Шолпан, прототипом которой стала знаменитая балерина Бю-бюсара Бейшеналиева, чья тяжелая болезнь и ранняя смерть повергли писателя в состояние невосполнимой утраты и горя и не дали ему возможности дописать произведение?! Может быть, причиной было то, что в повести имели место инерция критического духа «оттепели» 60-х годов, а также прямолинейный, решительный настрой мыслей и идей?!

Повесть «Свирель и земля», скорее всего, была написана после повести «Прощай, Гульсары!», до «Белого парохода». Во-первых, кажется, что толчком для написания повести послужили общественные настроения, связанные с масштабными переменами, произошедшими во второй половине 60-х годов после смены руководства страны. Во-вторых, по своей идейно-художественной структуре, авторской позиции, системе образов на определенном уровне она перекликается с повестью «Прощай, Гульсары!», создавая впечатление ее продолжения. В-третьих, если учесть, что ее отдельная часть публиковалась в 1974 году на болгарском языке под названием «Земля и флейта», то можно сделать вывод, что она создавалась в конце 60-х – начале 70-х годов.

Однажды, листая библиографический указатель, выпущенный в 1977 году библиотекой им. Н.Г. Чернышевского (ныне Национальная библиотека) к 50-летию Ч. Айтматова (составитель Астафьева), я обнаружил сведения о том, что в 1974 году на болгарском языке было опубликовано его произведение «Земля и флейта». Конечно, мне и раньше не раз приходилось обращаться за информацией к данному библиографическому указателю. Переводчики, работая над переводом произведения, в целях передачи информации о том, что они переводят данное произведение и, желая пораньше поделиться с читателями своими впечатлениями, еще до выхода его в свет стараются заинтересовать читателей и зачастую печатают отдельные фрагменты текста произведения, при этом заменяют название произведения другим, более соответствующим данному отрывку. Подобных случаев довольно много. Может быть, когда я видел в указателе данное наименование, я считал его отрывком из повести «Прощай, Гульсары!».

Ведь иной раз автор сам дает два–три наименования своим творениям. Достаточно назвать айтматовские произведения «Кыямат» («Судный день») – «Акыр заман» («Конец света») – «Баталга» («Плаха»); «Кылым карытар бир күн» («И дольше века длится день») – «Борондуу бекет» («Буранный полустанок»); «Жамийла» («Джамия») – «Обон» («Мелодия»); «Кызыл жоолук жалжалым» («Тополек мой в красной косынке») – «Делбирим» («Любимая»); «Тоолор кулаганда» («Когда падают горы») – «Сардалкыз» («Возлюбленная» или «Вечная невеста»).

Можно сделать вывод, что повесть Ч. Айтматова «Свирель и земля» была написана, когда писатель шагнул на новую более высокую, литературно-эстетическую ступень своего творчества. Неизвестно, закончено это произведение или нет. По-моему, оно имеет законченный вид, его можно считать литературным произведением, поскольку автор полностью воплотил свою идею, в нем раскрыты все образы, сюжет исчерпан. Почему я говорю «неизвестно» о законченности произведения, дело в том, что пока не найдена его последняя, финальная часть.

А теперь обратимся к содержанию рукописи повести. Название, особенно его кыргызское звучание, показалось несколько странным. «Свирель и земля» – два понятия, казалось бы, весьма далеких друг от друга, одно относится к миру идеальному, другое – к материальному, грубо говоря, они не слышат друг друга. Затем мне вспомнилась «Песнь о свирели» суфийского поэта Руми, в которой передается тоска свирели по камышовым зарослям, откуда она произошла. В ней тростниковая свирель грустит о том, что разлучена со своим стволом, корнями и землей, печалью и тоской пронизаны протяжные звуки поющей свирели. Поэт-суфий Джалаледдин Руми видел свое предназначение как человека, гражданина и поэта в преклонении перед безграничной милостью Бога, в прославлении его всемогущества. Во всех притчах, вошедших в его «Поэму о скрытом смысле», через бытовые, житейские сценки акцентировал внимание на основе всего сущего – Боге. Суть «Песни о свирели» Руми составляет следующая мысль-назидание поэта: Всевышний, вымесивший вас из глины, есть Истина, основа, познайте его, стремитесь духовно воссоединиться с ним.

С ранних лет интересовавшийся творчеством выдающихся поэтов Запада и Востока, Чингиз Айтматов был достаточно хорошо знаком с творчеством Руми, и, быть может, думаю,

в повести «Свирель и земля» тоже хотел передать мысль о корнях человеческих. После прочтения это предположение в какой-то степени показалось мне верным. Мотив обращения к истокам, тоска по своим корням являются центральными в повести, составляющими ее ядро, сердцевину. Естественно, это обращение не имеет, в отличие от суфийского поэта-мистика, религиозной подоплеки, это обращение к национальным истокам – народным традициям, понятиям, являющимся для общества фундаментом, опорой в духовной жизни.

В этом произведении по-настоящему ясно чувствуются критическое отношение, упаднические настроения, порожденные переменами в государственной структуре власти во второй половине 60-х годов. Постепенно стали сворачиваться демократические преобразования в области культуры, искусства, управления, а беспорядки в ведении хозяйства, идеологическом руководстве, внешней политике расшатали веру людей в справедливость социалистической системы, что привело к поискам людьми тех ценностей, которые привели бы общество к верному пути в его дальнейшем развитии. При таких обстоятельствах закономерно то, что первое, что приходит на ум – национальная основа, имеющая исторический опыт веков – национальное культурное наследие, традиции и обычаи. Первые шаги Айтматова в этом направлении наблюдаются в образе Танабая в повести «Прощай, Гульсары!» Однако здесь в качестве несостыковки видится то, что автор с одной стороны подвергает критике сталинский репрессивно-авторитарный режим, а с другой стороны порождает в Танабае решение вернуться в ряды партии. В повести «Свирель и земля», по сравнению с «Прощай, Гульсары!», главному герою Байымбету в его угнетенном состоянии не на что опереться, даже на самое малое. А в сравнении с «Белым пароходом», у Байымбета нет той веры, которая есть у Момуна в отношении святости Рогатой матери-оленихи. Герой, а вместе с ним и автор, с надеждой обращаясь к национальной основе – народной мудрости, традициям, опыту, вместе с тем мало верят, что это подойдет к условиям советской жизни. Из того, что в одной из бесед писатель отметил, что в «Прощай, Гульсары!» он использовал фольклор в качестве художественного средства, а в «Белом пароходе» он выступает в концептуальном значении, следует, что вера в те основы, из которых произрастает мудрость народа, еще не достигла уровня активной

идейной концепции. Фольклорные средства в повести «Свирель и земля» напрямую не связаны с событийной основной сюжета, отражающей взаимоотношения поколений (Байымбет, дочь и зять, внук), связи между обществом и отдельными людьми, однако очень осторожно применяются как условные художественные параллели, являющиеся отражением того, о чем идет речь в произведении.

В рукописи можно заметить, что Айтматов углубляет, совершенствует свою позицию художника, которая получила свое начало в повести «Прощай, Гульсары!». Точнее говоря, писатель, хотя и понимает, что должен придерживаться принципов социалистического реализма, партийности, все же отдалается от них в стремлении акцентировать внимание на недостатках социалистического общества. Он стремится показать через образ своего главного героя, как со временем все более искажаются идеи социализма, и в сознании людей, семьях зарождается эгоизм, утрачиваются такие понятия, как коллективизм, уважение к старшим.

В 1939 году во время строительства Большого Чуйского канала и в период Великой Отечественной войны коллективизм пробуждал в людях чувства гордости, чести и достоинства. Ведь коллективизм, проявленный на строительстве самого крупного в республике канала, стал символом мира и согласия, и разве это не убеждало в прочности и мощи социализма?! Если бы не было всеобщего чувства коллективизма, разве победили бы в тяжелой войне?! А теперь?! Каждый тянет к себе. Ушла доброта, наступило время, когда люди подсиживают друг друга, ставят подножку, могут столкнуть в пропасть. Ответственность, обязанность – эти понятия, казалось, превратились в архаизмы...

Главный герой рукописи «Свирель и земля» Байымбет не просто современник Танабая из «Прощай, Гульсары!», он, подобно Танабаю, радуется достижениям общества, переживает, горюет из-за его недостатков. Внутренний мир, психология, мироощущения, поведение этих двух героев также схожи. Они были воспитаны на правде и потом всю свою жизнь несли эту правду, смотрели ей прямо в глаза, никогда не увиливали в сторону, им было чуждо двуличие. Однако Ч. Айтматов вовсе не рисует их абсолютными двойниками, каждый из них наделен художественной индивидуальностью. Если брать в общеем творчество писателя, то их дополняют образы Едигея из «Бурного полустанка» и Бостона из «Плахи». Это айтматовские

герои, на которых «земля держится», благодаря которым мир становится чище и справедливее.

Повесть «Свирель и земля» тоже о трудной судьбе человека. Судьбу составляют не только житейские невзгоды и трудности, на нее влияют и судьбы других людей. Судьба в произведении создает условия для изображения конфликта. Читатели, судьбы которых схожи с судьбами айтматовских героев, а значит, близки и понятны, сопереживают героям, скорбят, печалются, утешаются и радуются с ними. Образ Байымбета не оставляет читателя равнодушным.

Произведение начинается так:

«Этот автобус не отличался от других автобусов, которыми несть числа на свете. Но именно на нем, на этом автобусе он отправился за город и на нем возвращался. В этот раз, когда он прибыл в Каинды, он не остался там, как обычно, до следующего рейса, а тотчас же, на этом автобусе поехал назад в город. В том-то и дело. Задержись он до следующего рейса, возможно все обошлось бы... Вот об этом речь...»

Таким образом, мы знакомимся со старо-новым героем. Почему старым? Байымбет – образ-идея автора семидесятих годов. Почему новый? Мы впервые знакомимся с этим героем. И здесь писатель через своего героя поднимает актуальные проблемы социального, нравственного, морального и даже политического порядка, присущие не только тому времени, но и сегодняшнему дню.

Какие только события не пришлось пережить семидесятилетнему Байымбету. Период пламенной молодости он посвятил строительству Большого Чуйского канала и, как он сам считал, установлению фундамента социализма. Он – активный строитель новой жизни, беззаветно верный, как и все, идеям социализма, отдавший служению ему сердце и душу. Быть другим, даже думать иначе, отделяться от коллектива было немислимо. Он гордился тем, что идет по правильному, прямому пути, указанному великим вождем мирового пролетариата Сталином. Строители Большого Чуйского канала перед большим портретом Сталина давали обещание закончить строительство раньше намеченного срока и верили в то, что победят капитализм на мировой арене. Они верили в то, что Большой Чуйский канал приведет народ к процветанию, поэтому трудились днем и ночью, проливая пот, не разгибая спины. Социальное равенство, твердая дисциплина, душевная чистота, уважение и братская забота друг о друге и мно-

гое другое казались людям, вышедшим из феодального гнета, чем-то новым. Чингиз Айтматов изображает довоенный до- блестящий труд, дух достоинства народа в возвышенных тонах. Романтические настроения, преданность идеям социализма сближали, объединяли людей. Главная идея автора заключалась в том, чтобы показать дальнейшие драматичные судьбы людей, которые когда-то верили в победу социализма, у которых мысль никогда не расходилась с делом.

В качестве руководителя был избран опытный, практичный, образованный, речистый Асакеев. Только тот руководитель, кто неуклонно ведет линию партии в великом строительстве, обладающий авторитетом, чистой совестью, сторонник справедливости, может повести народ вперед. Ведь только с поддержкой Асакеева Байымбету удалось устроиться в филармонию, что привело к повороту в его судьбе.

Для строительства Большого Чуйского канала партия и правительство создали все условия, строители могли заниматься в определенное время ликвидацией безграмотности, углублять знания, весело отдыхать.

Писатель не зря использовал слово «чоор» («свирель») в названии повести. От начала до конца рукописи чоор, древний кыргызский музыкальный инструмент, играет роль обобщенного символа национального культурного наследия. Это своего рода продолжение подобного мотива, имевшего место в повести «Прощай, Гульсары!» в сцене игры Жайдар, жены Танабая, на ооз комузе. Автор отдает дань звучанию этого древнего инструмента в «Прощай, Гульсары!» еще раз, при передаче психологического состояния Танабая, когда он лишается своего друга Чоро. Это еще раз подтверждает факт того, что Айтматов был очень близок к музыке. Недаром часто его произведения сравнивают с рапсодией, симфонией или же с поэзией.

Свирель в повести является символом надежд и чаяний народа, его чистоты, совести, справедливости и любви. Свирель – свидетель печальных судеб людей. С помощью этого образа писатель передает внутреннее состояние людей. Люди, которым понятна, близка и любима свирель, – духовно и физически чисты. Поэтому мелодии, извлекаемые из свирели, благодаря таланту Байымбета, оказывают мощное влияние на сознание слушателей. Чистота звука свирели, его приятный тембр и задорность схожи с шумом звонкого горного родника, поэтому свирели дали прозвище «Ак булак» («Чи-

стый родник»). Когда рабочие, да и сам Байымбет, слушали мелодии свирели «Ак булак», срезанной из жимолости, они не просто отдыхали душой, но и воодушевлялись на новые трудовые подвиги, становились мечтательнее, целеустремленнее, наполнялись энергией, чтобы «перевернуть горы». Писатель обстоятельно и занимательно, с большим увлечением раскрывает широкое полотно довоенной жизни. Да, Айтматов по своим понятиям и жизненным убеждениям не приемлет Сталина, но он, поражаясь и восхищаясь бесстрашием, стойкой твердостью, крепостью, нелегким трудом, мужеством людей, сумел достичь объективного отражения действительности. Коллективный труд, по мнению писателя, нужное для общества историческое явление, поэтому труд, порожденный энтузиазмом людей, автор считает поистине историческим трудом. Байымбет не зря печалится о том, что после войны больше не было ни одной подобной исторической стройки.

Талант, склонность к игре на свирели перешла к Байымбету от деда. Дед был признанным мастером игры на свирели, послушать его мелодии приходили из разных аилов. С маленьких лет в его сознание вошли народные мелодии «Айдарым» («Легкий ветерок»), «Бекбекей», которые оказали большое влияние на формирование его мироощущения. Когда он играл, к примеру, «Айдарым», слушатели явно ощущали легкое веяние свежего ветерка, прилетевшего с вершин гор Ала-Тоо, колыханье пшеницы на полях и листвы на деревьях. Мелодии как на картине передавали живые музыкальные краски. Создавая гармонию между музыкой и искусством живописи, писатель проявлял затаенные в себе творческие способности, и какое бы мы произведение ни брали, обязательно в нём можно обнаружить музыкальные и живописные образы и мотивы. Автор восхитительно передает не только душевное смятение, вызванное влиянием неуловимых музыкальных гамм, но и умеет показать взаимосвязь загадочной тайны мелодии с внутренним душевным состоянием человека. В этом кроется сила айтматовского произведения. Даже во сне Байымбета, где ему снятся табуны коней, в конском топоте автор слышит музыкальный ритм. Байымбет полностью погружается в живую стихию музыки. Музыкальные способности, особое чутье музыки уводили в романтический мир, поднимали дух и настроение, и в его судьбе появляется казахская девушка Шолпан. О-оо, как был счастлив тогда Байымбет!..

А ведь все началось со свирели, которую, как живую, лю-

бил он! Начальство, восхитившись талантом Байымбета, пригласило его в столичную филармонию. По воле судьбы ему велят встретить делегацию из Казахстана, которая должна была давать концерт строителям Большого Чуйского канала. В тот момент, когда, смущаясь, он не знал куда девать букет цветов, кому его вручать, вдруг перед возникла, словно спустилась с луны, светлоликая Шолпан, сказав: «агай, подарите мне букет, а я свой отдам своей подруге Зине, я очень хочу ваши цветы, и можно ли послушать вашу свирель», и таким образом подготовила плацдарм для знакомства. С первого взгляда возникает любовь, загораются ее первые искорки. Айтматов – писатель, восславляющий любовь, поэтому, и самое главное, любовь, должна зародиться и вырасти в душе героя. Блеснувшее приятное сердцу чувство должно воспламениться, запылать, превращаясь в великую любовь. А чувство, которое превратилось в настоящую любовь, не может остановить ни сам герой, ни кто-то другой.

Любовная тема в этом рукописном произведении в целом созвучна с другими произведениями писателя, по-другому и быть не может. Ведь формула любви для всех одна – это Возвышенность души. И все-таки пути любви к этой высоте у всех различны, хотя люди одинаково страдают, тоскуют, радуются, теряют покой. Байымбет, оказавшись в объятиях светлого чувства любви, ревнует к парню, сопровождающему Шолпан, а начальный этап ревности – это та самая искорка любви, это постоянное представление перед глазами образа казахской девушки, отсутствие сна, мольбы к богу. Он желает, чтобы в завтрашнем концерте внимание Шолпан было направлено на него, а сам посвящает Шолпан народную мелодию «Гульгаакы», надеясь с ее помощью признаться в любви. Вставляя в повествование образ мелодии «Гульгаакы», писатель утверждает, что любовь и в древние времена, и ныне, и в будущем содержит одно и то же значение, и лишь на самой Высоте это чистое чувство становится возвышенным. Дервиш, согласно легенде, полюбивший Гульгаакы, и Байымбет, полюбивший Шолпан, несмотря на расстояние во времени, на то, что это легенда, выдуманное, находятся в одном и том же положении – они влюблены. Писатель переплетает нити судьбы героя и легенду, делая их неразсторжимыми. Как и планировал Байымбет, перед концертом он встречается с Шолпан, высказывает ей добрые пожелания, чтобы она не смущалась, чтобы во время пения ей не изменил тембр голоса. Выяснилось, что и она

переживает за него. Озвучив легенду с помощью звука своей свирели, герой окончательно завладевает сердцем девушки, но никто не знает, как в ее душе начинает загораться потаенное чувство. Кто знает, быть может, если бы судьба еще раз не столкнула их, их чувства, затаившись в душе каждого из них, в конце-концов, погасли бы?!.. Если считать, что влюбленный обязательно должен встретиться со своей возлюбленной, то и встреча Байымбета с уехавшей случайно в столицу Шолпан должна быть закономерной. Ведь девушка сама ищет и находит героя, который пребывал в состоянии нашего и потерявшего свою любимую! Оо, не говорите, как радовались встрече молодые! Никто не мог помешать нахлынувшим чувствам. Писатель, изображая любовь молодых людей, чувствует себя раскованным. Герои забывают даже о том, что они голодны. Купив три лепешки, они отправляются за город, где вновь струятся звуки мелодии «Гульгаакы», где они предаются любви под открытым ясным небом. Байымбет поражается тому, что когда-то виденный сон стал явью. С детства ему часто снится один и тот же сон. В полуденное время пасется табун коней, один из них – сам Байымбет, из всех кобылиц он обращает внимание только на одну, ждет ее издалека. Ее стать, стройность, бег возбуждают Байымбета-коня, будоражат его, заставляют скакать навстречу к ней. Они направляются к чистому роднику, и когда они пьют воду, их глаза отражаются в ней, их тянет друг к другу, они осознают, что они созданы друг для друга, и в этот момент кобылица мчится прочь от него. Байымбет – вдогонку за ней, но не может настичь ее, он чувствует, что глина и песок не дают догнать ее, он клянет их, ему кажется, что из-под копыт кобылиц раздаются музыкальные звуки. И чем дальше он отстает от нее, тем сильнее тоска одолевает его. Этот сон он рассказал своему деду, тот разгадал его к хорошему, а после смерти деда он никогда не делился своей тайной, ни к кому не обращался с просьбой разгадать этот часто повторяющийся сон. А теперь, разомлев от счастья в объятиях Шолпан, когда переплелись его сон и явь, он не мог понять, где он находится, то ли во сне, то ли в реальном мире.

В рукописи о дальнейшей судьбе двух героев есть лишь одна авторская фраза: «Это была последняя встреча героев». Почему?!.. Утеря последних страниц рукописи не дает возможности ответить на этот вопрос. Может быть, в жизни Шолпан произошла трагедия? Если проследить за логическим разви-

тием событий, можно прийти именно к такому заключению. Зачем Байымбет едет на автобусе в Кайынды? Что его связывает с этим местом? Если обратить внимание на его слова: «Пристанище мое Кайынды, Спроси обо мне», то кажется, что его душа таит большое горе, сожаление.

Почему Байымбет не может найти общего языка с дочерью Айзадой, зятем Евгением, внуком Славиком, непримирим с ними? Может, его сознание устарело? Может, он не понимает устремлений, целей, желаний молодых? Может, он отстал от течения времени и выбился из общественной колеи? Почему современной молодежи не нравятся народные инструменты? Почему каждый ставит свои эгоистические планы на первое место, а к общественным делам он равнодушен?! Ведь в этом была суть социализма, его идеология?!

Хотя на жизненном пути у Байымбета встречалось много людей, было много знакомств, все же у него не было настоящего друга. Партийный работник Асакеев, Олег Завадский, с которым у него завязались по-родственному теплые отношения, погибли на войне. С течением жизни он все больше чувствует себя одиноким и пытается сблизиться с дочерью и внуком, но те не подпускают его близко к себе, не разделяют его тревог и забот.

Однажды Славик порвал фотографию Асакеева, где тот был снят на фоне статуи Будды. Этот снимок был самой дорогой вещью Байымбета. Старик не выдержал, заплакал, увидев разорванную фотографию. Зять Евгений сделал вид, что ничего особенного не произошло, похлопал его по плечу, наоборот, одобрил проступок сына и сказал, мол, «ты чего расстраиваешься, война есть война, кто-то погибает, кто-то остается живым, дело не в том, сколько человек погибло, а дело в результате». И пригрозил: «Ты что, не хочешь нашей победы, нужно будет, я заявлю на тебя, куда следует». «Ты дурак!» – сказал Байымбет. В отрицательном образе Евгения просматриваются черты манкуртизма. А ведь Айтматов еще одному отрицательному персонажу, Сабитжану, устами Едигея бросает в лицо: «Ты – манкурт».

Айтматов понимал, что в эпоху глобализации (в те времена часто использовался термин «интернационализм»), политической, культурной, экономической интеграции прекратить, остановить, осудить процесс манкуртизации было невозможно, дело было не в национальных особенностях людей, не в их отношении к религии, а в их честности, человечности, вос-

питании, и поэтому он создает образ Орозкула в «Белом пароходе», альтернативный образу Евгения.

Если в «Белом пароходе» дается образ близкого по духу деду его внука, Мальчика, то в «Свирели и земле», наоборот, Славик антагонистичен деду. Мальчик из «Белого парохода» слушает сказку деда о Рогатой матери-оленихе и верит ей, живет в этом мире, близко к сердцу принимает традиции предков, душа его по-детски чиста и романтична, Славик же растет в городе, ходит в детский сад, лишен знания кыргызского языка, в основном воспитывается под влиянием негативного поведения отца Евгения, который чаще всего в речи употребляет бранные слова. Своими выходками он заставляет страдать деда. Писатель подтекстом говорит о том, в чем кроются корни воспитания детей, о том, как много проблем создается в межнациональных браках. В те времена прославление многонациональных семей было одним из главных призывов существующей идеологии. Если говорить прямо, то несогласие Айтматова с принципами строительства социалистической семьи, а значит, с партийными принципами, было неожиданно с его стороны. Хотя Байымбет жил вместе родной дочерью и ее семьей, между ними не было близких семейных отношений, они были чужими. Не потому что было жаль оставлять Байымбета одного после смерти его жены, нет, чтобы получить квартиру побольше, дочь и зять привезли его в город. На примере своей дочери и зятя Байымбет понимает, что его труд и труд людей его поколения, который совершался во имя будущего, детей и внуков, их счастливой жизни никак не оценен, мало того, его считают пережитком прошлого, насмехаются как над темным, неграмотным человеком, и глубоко переживает от этого. Мало того, что из-за жизненных принципов дочери и зятя он потерял веру в завтрашний день, так теперь еще могут быть уничтожены его собственные корни. Там, где был аил, где он родился и вырос, собрались строить ГЭС, а значит – создать водохранилище. Для этого требовалось перевезти отсюда не только жителей, но и могилы. «Перенесите кладбище на другое место» – такое распоряжение на официальной бумаге пришло из исполкома. «Вы никуда не езжайте, хотя там лежат ваши предки, родичи, я сам туда съезжу, только помогите деньгами» – обратился он к дочери и зятю. А они в ответ: «Нам-то какое дело, нечего разбрасываться деньгами». Писатель показывает в этом эпизоде драматическую коллизию, возникшую

между старшим и младшим поколениями, то, как захватывает общество дух манкуртизма.

Приходит мысль, что Айтматов в детстве сказывал эпос «Манас», потому как его мысли, во-первых, обретают огромный эпический масштаб, а во-вторых, он иногда то и дело вставляет в речь строки из «Манаса». Эпос «Манас» всегда был художественно-эстетическим источником для его вдохновения и внутреннего мира.

Однажды, когда Байымбет томился и был изнурен, ему в голову пришла одна мысль. Он взял свою свирель, к которой давно не прикасался, и отправился на базар. Решив, что народ заинтересуется его игрой, да и он прогонит тоску из сердца, он пристроился в уголке базара и с большим волнением начал играть давно не звучавшие любимые мелодии. Люди, удивляясь, и даже опасаясь, обходили его стороной и издалека с равнодушием смотрели на него. В то же время сидящему рядом русскому, игравшему на баяне, люди из жалости бросали деньги. Наш герой пришел на базар вовсе не за подаванием, он хотел лишь развеять свою печаль-тоску и думал, что его будут слушать так же, как когда-то на строительстве Большого Чуйского канала. Старик Байымбет надеялся на силу своей свирели, хотел объяснить, что ничего плохого свирель этому времени не несет, однако никто не заинтересовался, не остановился перед ним. Быть может, пожалев старика, один человек с орденом на груди сунул было ему пятирублевку, но тут выяснилось, что они вместе когда-то работали на Большом Чуйском канале. Автор не наделяет данный персонаж именем, называет его Орденосцем. Двое грустят о прошлом, вспоминают пережитое. Они хорошо понимают друг друга, но их взгляды, мысли не интересны следующим поколениям. И все же, жизнь Орденосца сносна, сейчас он собрался ехать в Анархай помогать младшему сыну. Он хотел было купить билет на самолет, но без паспорта ему отказывают продать билет. Показал другие документы, все равно не дали. Стоящие в очереди разделились на два лагеря, а затем перешли на политику. «Во времена Сталина был порядок, такому беспределу не дали бы хода» – к такому выводу пришли Байымбет и Орденосец. В то же время вспомнилась политика того времени, которая до 60-х годов лишала сельчан прав: «зачем давать паспорта айльским, если им выдать, они все побегут в город, а кто тогда будет пасти скот, доить коров, растить пшеницу, кто будет поставлять городским мясо, масло, молоко,

хлеб»? За нарушение порядка Орденоносца увели в милицию, выяснилось, что доблестные милиционеры понятия не имели об историческом Большом Чуйском канале. Когда Орденосец рассказывал о своей семье, Байымбет не знал, что ему сказать, хотелось провалиться сквозь землю, он не обладал правом даже пригласить своего сверстника Орденосца на пиалку чая от страха перед дочерью и зятем. У психологически и морально придавленного старика единственная отрада – свирель. Поэтому, провожая Орденосца на вокзал, сев на краешек скамьи, он сыграл ему на своей свирели мелодию «Бегство Каныкей в Бухару».

Здесь, в рукописи, писатель вновь обращается к эпосу «Манас». В этой рукописи ощущается, что Айтматов относится к эпосу как к бесценному духовному наследию. Нет никакого сомнения в том, что эпические события «Манаса», к которым обращается писатель в повести, несут некую идейно-эстетическую нагрузку. Это – во-первых. Во-вторых, в какое-то время Айтматов был сильно увлечен эпосом «Манас» и собирался написать произведение на тему «Манаса». В-третьих, он был сильно заинтересован в том, чтобы молодое поколение изучало и знало этот эпос. План-проспекты Айтматова относительно эпоса «Манас» были составлены к концу 50-х годов, а затем он обращается к данной тематике в произведениях «Когда прилетают лебеди», «Ранние журавли», возглавляет редколлегию издания вариантов С. Орозбакова и С. Каралаева, часто упоминает об эпосе в беседах и диалогах, что вполне закономерно, ибо это было зовом его души!

Одна из самых важных особенностей творчества Айтматова – наряду с использованием фольклорных средств, необходимых для показа психологии характеров то, как с помощью подтекста он раскрывает облик времени, общества. Между легендой и жизнью, которой живут герои, существует незримая связь. Оказывается, человеческая мудрость, заключенная в произведениях фольклора, необходима и для современного мира. Именно для сохранения высокой нравственности, ее чистоты, выпрямления покривевшей справедливости писатель обращается к произведениям устного народного творчества! Айтматов, как и другие его братья по перу в советской литературе, находясь под идеологическим надзором и в рамках требований соцреализма, был ограничен в возможностях высказывать критику по наиболее важным вопросам действительности. Взгляды, мысли, которые нельзя было прямым текстом выдать

в адрес власти, Айтматов выражал в подтексте своих произведений с помощью фольклорных средств, затрагивая самые болезненные вопросы общества. В таких случаях идеологическая цензура чаще всего не могла уловить основной идеи автора и не препятствовала публикации. Однако, после «Белого парохода» цензоры почуяли неладное, начали искать политику не только в содержании его произведений, но и в названиях, и мы знаем, отчего автору приходилось менять названия произведений. К примеру, первоначально роман «И дольше века длится день» имел название «Обруч». Цензура не была согласна с таким звучанием названия, поскольку за этим словом мог содержаться нежелательный подтекст.

Использованные в повести «Прощай, Гульсары!» художественные приемы привели к успешным результатам, воодушевили автора, он понял, что синтез прошлого и современности, фольклора и авторской фантазии приводят к удовлетворению читательских эстетических потребностей. У него появляется желание изучать не только кыргызский фольклор, но фольклор тюркоязычных народов – узбеков, казахов, туркмен, каракалпаков, а также нивхов и, вообще, всего мира. В рукописи повести «Свирель и земля» он пять раз обращается к легендам. Может быть, это много для одного произведения. Однако, ведь события, описанные в произведении, напрямую связаны с содержанием легенд. К примеру, мелодия-легенда «Прощание охотника с беркутом».

Беркутчи это не просто профессия, здесь надо обладать талантом, умением, азартом. Чтобы играть на свирели, нужно то же самое. Этому нельзя научиться, и даже если учиться, толку от этого не будет никакого. Чтобы стать отличным саяккером, музыкантом, нужно всей душой отдаться делу. Отдать душу – точные слова, попадающие в точку. Для мастера, отдавшего ремеслу душу, это трагедия, если его инструмент никто не ценит, оставляет без внимания. Для Байымбета, который пошел на базар играть на свирели, чтобы развеять тоску, эта игра была, как и в «Прощании охотника с беркутом», тем же самым прощанием. Конечно, это прощание было вынужденным. Разве мастеру не хочется, чтобы его ремесло передалось достойным людям, а после его смерти умение, которому была отдана душа, продолжало бы жить дальше?

Если бы повесть «Свирель и земля» была опубликована в свое время, она была бы принята как очередное новое произведение писателя. По моему мнению, повторюсь, создается

впечатление, что в повесть вошли мысли и идеи, не вместившиеся в «Прощай, Гульсары!». По своему идейному содержанию, жанровой структуре, стилю, манере, переживаниям главного героя, системе образов эти две повести созвучны друг другу. Хочу подкрепить свое мнение еще и тем, что, поскольку «Свирель и земля» писалась параллельно с «Белым пароходом», то при их сравнении «Белый пароход» оказался в более выигрышном положении в художественном плане, а также наличием новых, глубоких мыслей, поэтому, оставшаяся в ее тени повесть была приостановлена. А может быть, это произошло вследствие объективных и субъективных факторов, обозначенных мною в начале статьи. Если бы повесть «Свирель и земля» вышла в свет перед «Белым пароходом», читатели и литературоведы приняли бы ее хорошо, однако понятно, что до такой высоты, как «Белый пароход», явившийся поворотным пунктом в творчестве писателя и представленный к Нобелевской премии, повесть не достигает.

Таким образом, в неопубликованной повести «Свирель и земля» часто встречаются обстоятельства и мотивы, напоминающие некоторые эпизоды в последующих его произведениях. Взаимоотношения Байымбета с дочерью, зятем и внуком, особенно разногласия с зятем, кардинальные противоречия во взглядах напоминают отношения деда Момуна с зятем Орозкулом из «Белого парохода», взгляды Байымбета относительно хора учащихся напоминают эпизоды из повести «Прощай, Гульсары!». А плач Огулан, когда она отправляется на белой верблюдице к сыну, вызывают из памяти историю Найман-аны. Поэтому не будет преувеличением сказать, что даже если и до конца в идейно-художественном плане повесть не закрепилась окончательно, все же в основном ориентиры были определены. Если сделать особое примечание, что произведение не закончено, что автором не осуществлена окончательная правка рукописи, это произведение можно выпустить в свет.

И все же, хоть и поздно, но нам повезло, что после смерти писателя нашлась эта рукопись и мы имели возможность ознакомиться с ней. Она еще раз убедила, что писатель всегда находился в состоянии поиска, что он всегда предъявлял к себе высокие требования, придавал важное значение не количеству произведений, а их качеству.

В повести обнаруживаются самые злободневные проблемы сегодняшнего дня. Величие произведений Чингиза Ай-

тматова в том, что они не ограничиваются одним временем, они вечны! Если рукопись дойдет до читателей, они окажутся свидетелями того, что сердце писателя постоянно тревожил вопрос: «Как Человеку Человеком быть?!»

Будет справедливым, если мы станем рассматривать повесть «Свирель и земля» в ряду его остальных произведений. И тогда читатели, истосковавшиеся по Чингизу Айтматову, даст Бог, встретятся с его новыми героями...

*Перевод с киргизского
Дарии Буржубаевой*

Краткие сведения об авторах

АКМАТАЛИЕВ Абдылдажан

Родился 15 января 1956 года в г. Нарын. В 1977 году окончил КГУ по специальности «кыргызский язык и литература». Трудовую деятельность начал в 1977 году в Ошском пединституте в качестве преподавателя, затем в 1978 году перешел на работу в НАН Киргизской ССР, где прошел путь от младшего научного сотрудника до вице-президента. Ныне А. Акматалиев – известный ученый, литературовед, критик, поэт-лирик, общественный деятель, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, лауреат Государственной премии КР в области науки и техники, лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии в области науки и техники, доктор филологических наук, член-корреспондент и вице-президент НАН КР, член Союза писателей и Союза журналистов КР, отличник народного образования КР, академик Международной Калифорнийской академии наук и искусства (США), академик Лингвистического общества (Турция), Почетный доктор университета Сока-Гаккай (Япония), Президент Международной общественной айтматовской академии, президент Международной ассоциации айтматовских клубов.

Акматалиев – исследователь кыргызского фольклора, эпоса «Манас» и творчества Чингиза Айтматова, автор фундаментальных исследований и публикаций, затрагивающих кардинальные вопросы литературы, психологии художественного творчества и писательского мастерства. Труды А. Акматалиева изданы на русском, казахском, английском, французском, китайском, немецком, испанском, турецком языках.

БОНДАРЕНКО Олег Ярославович

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg – цифровой многоязычной библиотеки произ-

ведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального Союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Lettres Russes», «Новая литература» и др. Автор книг: «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

Дария БУРЖУБАЕВА

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу закончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М.В.Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Алатоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития киргизской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

ЗАЙЦЕВ Александр

Родился в 1935 году в городе Кызыл-Кия Ошской области Кыргызстана. В 1951 году окончил ремесленное училище в Ворошиловграде, а в 1977 году – заочное отделение московского Литературного института имени Горького. Работал слесарем-наладчиком, слесарем-сборщиком на заводе Сельскохозяйственного машиностроения им. Фрунзе, а затем редактором заводской газеты «Сельмашовец». Печататься начал с 1960 года. Известен в республике и за ее пределами как поэт-лирик и как детский писатель. Автор двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Ка-

раганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при Правительстве КР по контролю наркотиков, Главный Штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, Украине, России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», государственной наградой Кыргызской Республики медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

ИЛЬИН Николай

Выпускник филологического факультета Ташкентского Государственного университета, поэт, литературовед, переводчик. Работал доцентом кафедры русской литературы в Узбекском государственном Университете мировых языков, зам. главного редактора литературного журнала «Звезда Востока», в настоящее время является редактором научно-методического журнала «Преподавание языка и литературы».

Н. Ильин – автор нескольких поэтических сборников и многочисленных статей по вопросам современной литературы Узбекистана. Поэтические произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», «Восток Свыше», «Эдита» (Германия); альманахах «Под знаком осени» (Ташкент), «Кронос» (Даугавпилс, Латвия) «Книголюб» (Казахстан), «Прощание с Вавилоном» (Санкт-Петербург) и др.

Литературно-критическая и переводческая деятельность Н. Ильина отмечены званием лауреата и премией литературного конкурса «Ватан учун яшайлик» (Жизнь во благо Отечества).

КАДЫРОВ Виктор

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля».

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор 8 книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013 вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя».

КРЯЧУН Александр

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократноставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

КУЛЕШОВА Юлия

Родилась 24 января 1985 года в тогда ещё городе Фрунзе. Окончила Кыргызско-Российский Славянский Университет

по специальности Международная Журналистика. Работает новостным корреспондентом на телевидении.

Заниматься творчеством начала с 13-ти лет. Тогда же один из первых рассказов был опубликован в детской газете «Ай-Данек». Позже были публикации в газете «Блиц-ИНФО», литературном журнале «Жаңы Ала-Тоо», литературном альманахе «Много языков – один мир», журналах «Бишкекчанка» и «#ONEMAGAZINE».

Является победителем нескольких литературных конкурсов, в разное время проводившихся на Интернет-площадках Кыргызстана. В частности, на Дизель-форуме и tvorchestvo.kg. Большая часть произведений написана в жанре мистики. Но достаточно много и социальной прозы и сюрреализма.

КУРИНСКИХ Петр

Живописец, график, сюрреалист, поэт, музыкант, лауреат премии им. Г. Айтиева, кавалер Серебряного Ордена «Служение искусству», Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики. Член Союза художников КР, секретарь секции живописи. Окончил Фрунзенское художественное училище, отделение декоративного искусства и Московскую экспериментальную студию дизайна. Участвовал в крупных художественных выставках, состоявшихся в разные годы в Кыргызстане, в Казахстане (Алматы), России (Москва), Германии (Мильтенберг).

НЕЧИПОРУК Иван

Родился в 1975 году, живёт в городе Горловка, Донбасс. Заочно окончил филологический факультет Донбасского государственного университета. Работает на угольном предприятии (которое в данный момент, по причине боевых действий, простаивает). Член правления Межрегионального союза писателей, исполкома МСПС, СП России, Международного клуба православных литераторов «Омилия». Руководитель литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны» и Горловского отделения Межрегионального СП. Публиковался в литературных журналах и альманахах Украины, России, Молдовы, Беларуси, Казахстана, Германии и Австралии. Автор нескольких поэтических сборников и книг, среди которых: «Каждым нервом», «Синегория» и «Немолчание». Лауреат литературной премии им. «Молодой Гвардии» и им. М. Матусовского.

ПОЛЯКОВА Виктория

Живет в г. Горловка. Член Межрегионального союза писателей, ЛитО «Забой» и Литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны».

САНДЛЕР Валерий.

Родился в 1939 году в Украине. Подрастал и созрел в Киргизии. Четыре года работал учителем в сельской школе, в 1968 году сменил учительство на журналистику: корреспондент Киргизского радио и телевидения, сотрудник газеты «Вечерний Фрунзе» (откуда в июне 1980 года был за «политическую» печатку изгнан с большим шумом и с формулировкой «без права работы в средствах массовой информации»); с июля 1980 по декабрь 1983 – Ботанический сад, разнорабочий; год с небольшим, после «ботанического» периода, работал в Киргизском телеграфном агентстве (КирТАГ); далее – журнал «Литературный Киргизстан», заведомом публицистики, затем – ответсекретарь .

С 1992 года в США. Почти 12 лет, до выхода на пенсию в 2004-м, – редактор отдела новостей газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Став пенсионером, внештатно сотрудничал с нью-йоркским еженедельником «В Новом Свете», где на протяжении семи лет вел рубрику «Русское зарубежье», опубликовав более 100 интервью с русскими эмигрантами первых двух волн и их потомками. Со временем эти интервью вышли отдельными книгами в американском издательстве LULU Self Publishing, в общей сложности составив четырехтомник.

В настоящее время живу в городе Уолд Лейк, штат Мичиган.

ХЕГАЙ Артем

Родился в 1986 году в г. Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности журналистика. Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 года. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и в альманахе «Много языков – один мир».

Корректурa Ксении Тимофеевой

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терехуловой

Подписано в печать 20.01.2016 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 3.
Тираж 300 экз.